

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**МАЙ
2001**

**ИЯР
5761**

N 5 (109)

ЛИДЕРЫ

События древней истории, о которых мы вспоминаем в дни Пейсаха, – Исход из Египта 33 века назад, как известно, происходили под предводительством Моше. Именно Моше был тем человеком, через которого освободившийся народ позднее удостоился заключения на вечные времена союза с Б-гом, – получил Тору, известную в веках как Пятикнижие Моисеево. Тора явилась воплощением Закона, определившего и нашу жизнь, и прогресс человечества в целом.

Подобных Моше не было в человеческой истории. Говоря современным языком, он был идеальным лидером своего народа. Настоящий лидер способен дойти до нужд каждого члена общества, понять его проблемы и найти оптимальное их решение. Высокий пост прежде всего – тяжелая работа, причем не ради себя и эгоистических интересов. Это колоссальная ответственность, ведь лидер определяет жизнь общества, а во многом и его мораль.

Выросший в доме фараона Моше обнаружил исключительный иммунитет к языческим ценностям и египетской морали, а также любовь и преданность своему народу. Вынужденный бежать из Египта, он не выказал никакого тщеславия и стал хорошим пастухом. И все же лидер по сути, справедливый, исполненный бескорыстной любви, в силу своих нравственных качеств Моше вскоре был избран Б-гом для особой миссии – высокого служения своему народу.

Наши мудрецы говорили: лидерство – не власть и господство, а зависимость и рабство. Во имя бескорыстного служения великой цели, которая превыше всего.

Когда Б-г выбирал лидера для осуществления решительного шага – освобождения евреев от египетского рабства, не последнюю роль в этом выборе сыграл эпизод из пастушеского периода жизни Моше. Когда однажды от стада отбилась и потерялась овца, он не отмахнулся от этой единичной потери, а проделал немалый путь, чтобы ее найти. Этот случай наглядно показал уровень ответственности и гуманизма Моше. Если он так позаботился об одной овце, то сколько способен он сделать ради каждого человека из своего народа!

Сам же Моше вовсе не претендовал на роль предводителя народа, он не считал себя достойным великой исторической миссии, наоборот, даже уговаривал Б-га избрать не его, а другого. Он был уверен, что есть лучше, достойнее, чем он... Его пример учит: обязательное качество лидера – скромность. Моше был скромнейшим из всех людей на земле, рассказывает Тора. Избрав для великой исторической миссии такого лидера, Б-г сделал «прививку» еврейскому народу против появления всевозможных личностных культов и определил стандарт, позволяющий подниматься на любую вершину в социуме, не теряя при этом головы.

Другие важные черты лидера – способность к самопожертвованию и чувство справедливости. Угроза смерти от руки фараона не остановила Моше, когда он заступился за избиваемого надсмотрщиком еврея, не смог он пройти и мимо враждующих братьев. Чувство справедливости, неспособность к равнодушию стали причиной того, что он был вынужден бежать из Египта, спасая жизнь.

Лидерство – это не жизнь во дворце, а постоянный риск, угроза собственной безопасности.

Настоящий лидер обладает не только знаниями. У него есть чутье, интуиция, он способен на смелые, нестандартные решения. Вспомним, Моше несет народу скрижали Завета, данного Г-сподом, а освобожденные люди, в совсем недавнем прошлом рабы, уже забыли и о нем, и даже о Всевышнем, творящем ради них величайшие из чудес. «Воспылал гнев Моше, и бросил он скрижали, которые нес в руках, и разбил их о подножие горы», – рассказывает Тора.

Не было ли это со стороны Моше святотатством, пренебрежением по отношению к Б-гу? Нет, в Талмуде сказано, что напротив. Как не отказывается любящий муж от обязательств, данных жене, так Моше не мог отказаться от служения своему народу. И Б-г признал правоту Моше: ведь если бы скрижали продолжали существовать, гнев Всевышнего обратился бы на весь народ. А разбив их, Моше взял всю вину на себя и тем самым спас евреев. И Всевышний оценил этот поступок.

Что бы ни происходило, Моше не становится диктатором и продолжает вести народ к Эрец Исроэль. Он был и сердцем, и мозгом Израиля.

Каждое поколение выбирает своего лидера, оказывая абсолютное доверие тому, кто способен, освободившись от личных предрассудков, решить глобальные проблемы, найти пути, обеспечивающие достойную жизнь в настоящем и будущем, сохраняя при этом ответственность перед обществом. За Моше пришли Эзра и Нехемия, Баал-Шем-Тов и Любавичские Ребе, утвердившие и обновившие наши традиции, укрепившие духовные основы, обеспечившие сохранение народа в самых тяжелых, невероятных условиях.

Мы и сегодня нуждаемся в мудрых и скромных учителях, способных увидеть новую перспективу развития, помочь людям обрести чувство собственного достоинства и научить каждого члена общества действовать самостоятельно ради общественной пользы, дав возможность и ему познать бремя лидерства.

Совершенно очевидно, что не каждый имеет такой потенциал, как Моше. Но любой из нас способен научить чему-то самого мудрого и дать что-то самому богатому. Не только раввин должен принимать решения: у каждого своя ноша, своя битва, и каждый наделен уникальными способностями и силой, и каждому предоставлен выбор – использовать их в эгоистических целях или подчинить интересам общества, своего народа.

Мы стоим на пороге того дня, когда новый лидер призовет нас к постижению мудрости Б-га, к строительству жизни, основанной на Его законах. Непроницаемая тьма отступит перед сияющим светом, и окончательное избавление произойдет подобно тому, как совершился Исход из Египта.

Моших подобно Моше поведет нас к избавлению. В отличие от времен Исхода оно будет полным.

Áëááí úé ðáááèí Ðíííè Ááðè Èáçàð

УРОКИ ТОРЫ

ТАЗРИА

В предыдущей недельной главе Шмини приведены законы, связанные с животными, подразделяющие их на чистых и нечистых, а в этой рассматриваются законы ритуальной чистоты применительно к мужчинам и женщинам. В мидраше рав Симлай поясняет, что законы о животных приведены раньше, чем законы о человеке, поскольку сотворение животных предшествовало сотворению человека. Что стоит за этим мнением?

И был ли человек сотворен последним потому, что он стоит выше животных, или наоборот? Отвечая на эти вопросы, беседа прослеживает связь между мнением рава Симлая и его характером, а также раскрывает, чем отличается добродетель врожденная от приобретенной, совершенство унаследованное от совершенства заслуженного. Здесь же подробно рассматривается роль усилий в религиозной жизни.

НАЗВАНИЕ «ТАЗРИА»

Названия недельных глав Торы, как уже говорилось, выбраны не случайно. Каждое имя на иврите – святом языке, указывает на суть обозначенного им предмета. В названиях недельных глав отражено их сущностное содержание. Так мы видим, что некоторые из них названы не по их первым словам (как в большинстве случаев), но по какому-либо следующему слову, которое более точно отражает тему главы.

Таким примером может служить и название главы этой недели. За общим введением («и говорил Б-г, обращаясь к Моше...») сразу следует слово «женщина» (иша): «Если женщина зачнет и родит сына». И тем не менее мы не называем эту главу «Иша», но называем ее «Тазриа» (зачала).

Какая же идея, заключенная в слове «тазриа», передает содержание всей главы?

Есть еще один вопрос, связанный с комментарием Раши на слова «Если женщина зачнет». Цитируя мидраш, Раши говорит: «Сказал рав Симлай: “Так же, как при сотворении мира человек был сотворен после скота, зверей и птиц, так и относящиеся к нему законы приводятся после законов о скоте, зверях и птицах, содержащихся в предыдущей главе”. Следовательно, новая тема, которую поднимает наша недельная глава (в отличие от предыдущих глав), это закон, относящийся к людям (в отличие от законов о животных). Таким образом, слово «иша» (женщина) является не только первым значащим словом данной главы, но оно также кажется прямо относящимся к ее содержанию – законам о человеческих существах. Почему же тогда именно название «Тазриа» более полно отражает идею законов о человеке?

МЕСТО ЧЕЛОВЕКА В СОТВОРЕНИИ МИРА

В приведенном выше комментарии рава Симляя использовано выражение «так же, как», а не «из-за того, что». Иными словами, законы о человеке следуют после законов о животных не потому, что он был сотворен последним, но по той же самой причине, по которой он был сотворен последним.

Что же это за причина? Мидраш и Талмуд приводят несколько различных ответов. Один из них такой: если человек слишком возгордится своим разумом, то ему можно напомнить, что даже комар предшествовал человеку в порядке творения. Другое мнение: чтобы еретики не могли сказать, что Святой, благословен Он, имел партнера (а именно Адама) при сотворении мира. Еще одно мнение: человек был сотворен последним для того, чтобы он мог немедленно приступить к исполнению заповедей (он был сотворен в пятницу, следовательно, мог сразу же освятить Субботу). И, наконец, так было сделано, чтобы он смог «прийти на пир» немедленно, то есть в природе имелось все необходимое человеку. Но комментаторы обратили внимание, что все эти причины, хотя и объясняют, почему человек был сотворен последним, все же не дают ответа, почему последними упоминаются законы о нем.

Каково значение аналогии рава Симляя «так же, как»?

Алтер Ребе в своей книге Тания объясняет, что в некотором смысле человек действительно ниже всех прочих созданий, даже нечистых животных, ниже даже, чем комар. Потому что только он один грешит, тогда как они не грешат. Но он обладает способностью к греху, тогда как они ею не обладают. И потенциально, и фактически грех является реальностью для человека, но не для животного.

ПОРЯДОК ИЗУЧЕНИЯ

Обычный путь изучения Торы – путь от простого к сложному, от легкого к трудному. Это применимо к тому, что изучается. В пять лет ребенок начинает с Пятикнижия, в 10 он переходит к мишне и так далее. Это правило применимо и к глубине изучения: вначале происходит знакомство с текстом, и лишь затем возникают вопросы и происходит все более глубокое изучение источника (Авода Зора, 19а, Раши). Это правило применимо также и к методике изучения. Мы не сразу достигаем высшего уровня, то есть изучения Торы ради нее самой, как это делал царь Давид, который «высоко поднял источник Торы и соединил его с сутью Б-га». Вместо этого «когда человек это делает (учится), то он делает это в первую очередь в своих собственных интересах» (Псохим, 68б).

С другой стороны при даровании Торы порядок был обратный. Ее спуск от духовности Б-га к физическому миру человека был как бы спуском от высшего к низшему. В фразе Мишлей – Притч Соломоновых, которая описывает мудрость Торы, говорится вначале: «тогда я была возле Него, как вознесенный вместе с Ним, и была я Его радостью ежедневно» (Мишлей, 8:30-31). Лишь впоследствии были «мои радости с сынами человеческими». Тора спустилась с Б-жественных высот, чтобы стать владением человека (Тания, ч. 1, гл. 4). И мы в своем изучении как бы возвращаемся обратно по этому пути, поднимаясь из нашего физического мира к духовной близости с Б-гом.

Этот порядок изучения отражен и в самой Торе, именно поэтому законы, касающиеся животных, помещены вначале. Освятить животный мир путем отделения чистого от нечистого достаточно просто, проблема греха в этом случае не возникает. Но

человеку, принимая во внимание его способность совершать ошибки, гораздо тяжелее освятить себя. Поэтому законы о поведении человека приведены позднее. Не из-за врожденного превосходства человека над животными, но из-за его недостатков. Это также является и мнением рава Симлая: человек был сотворен последним, «чтобы если он слишком возгордится, то можно будет ему напомнить, что даже комары предшествовали ему в порядке сотворения мира».

РАВ СИМЛАЙ И ЕГО МНЕНИЕ

Теперь мы можем понять связь между комментарием рава Симлая (как человек был сотворен последним, так и законодательство в Торе, касающееся его, приводится последним) и его характером.

Добродетель достигается двумя путями. Она может быть обретена усилием, может быть врожденной или приобретенной благодаря удаче. Каждый путь имеет свои преимущества. Врожденная или незаработанная добродетель не имеет естественных ограничений. Это как врожденный талант. С трудом приобретенный опыт никогда не сравняется с ним до конца. Но по своей внутренней силе добродетель, достигнутая ценой усилий, превосходит врожденную. Человек всегда теснее связан с тем, что он заработал, чем с тем, что ему было просто дано.

То же различие и в основе двух противоречащих друг другу объяснений, почему человек занимает последнее место в ряду творений. Первое объяснение – он выше всех, а второе – ниже всех прочих созданий. По своим врожденным способностям он выше всех. С рождения, еще до того, как человек начнет служить Б-гу, он тем не менее обладает душой, которая в буквальном смысле есть часть самого Б-га. Это человек сохраняет, вместе с лежащей в основе души верой, даже когда он уходит от признания Б-жественной воли. Но в тех добродетелях, которые приобретаются им путем трудного служения, в самом начале он ничуть не лучше всех прочих созданий. Фактически, самое очевидное в его физической природе – это отсутствие ограничений, то есть способность совершать грех. Его душевные силы еще не раскрыты, им только предстоит проявиться благодаря усилиям, в служении Б-гу. Отсюда второе мнение: человек был сотворен последним, чтобы ему можно было напомнить, что даже комар в этом отношении стоит выше него.

Связь между этим мнением и его автором такова: рав Симлай не был высокого происхождения. В Талмуде приводится история (Псохим, 62б) о том, что он пришел к рабби Йоханану и попросил научить его Книге родословных, но тот отказался, поскольку (согласно Раши) происхождение рава Симлая было не выдающимся. Потому-то рав Симлай, неспособный претендовать на унаследованную добродетель, ценил и считал очень важной добродетель приобретенную. Этим и объясняется его трактовка порядка сотворения мира. Когда был сотворен человек, у него не имелось приобретенных отличий, зато была предрасположенность к греху. Он сотворен последним, так как эта стадия является низшей из всех. Это также объясняет, почему закон о людях должен быть назван Тазриа (зачнет), ибо процесс от зачатия и до рождения символизирует усилия по доведению дела до завершения, иными словами – труд во всех смыслах. В выражении «если женщина зачнет» есть еще и дополнительный смысл. Мужское и женское начала в процессе продолжения рода представляют соответственно духовное пробуждение «сверху» (то есть Б-жественную инициативу) и «снизу» (человеческую инициативу) (Ликутей Тора, Тазриа). А служение, усилие, борьба являются тем, в чем эта человеческая инициатива выражается.

ДВА ЛИКА ЧЕЛОВЕКА

В молитве Леха Доди имеется основополагающий принцип: «последняя по порядку исполнения, первая по замыслу». Таким образом, человек, который был сотворен последним, был одновременно главным замыслом, лежащим в основе всего творения.

Оба мнения согласны с этим, а именно с тем, что человек является венцом творения. Но аргумент, приводимый одной стороной, видит это его величие в условиях врожденной сущности, то есть его Б-жественной души. Другая сторона видит его в условиях потенциальных достижений, через усилия в служении Б-гу, сам же по себе человек рассматривается как низшее из существ. Этот взгляд, принадлежащий раву Симлаю, рассматривает два лика человека (на иврите человек – Адам). С одной стороны, он сотворен из праха земного (адама), с другой стороны, обладает способностью приобщаться к Б-жественному (адаме ла-Эльен – «я буду напоминать Б-га»). Такова его основная способность – полностью преобразиться, проходя путь от физического к духовному существу.

СЛУЖЕНИЕ И ТВОРЧЕСТВО

Название «Тазриа», следовательно, символизирует «авода» – служение человека Б-гу, а также намекает на важность этого служения, потому что когда женщина зачинает ребенка и он растет в ее чреве, то в мир приводится совершенно новая жизнь. Рождение ребенка лишь раскрывает этот акт творения, который имел место в момент зачатия. И когда человек приступает к жизни, наполненной служением, он тоже создает новое существо: физический человек становится человеком духовным. Адама (прах земной) становится адаме ла-Эльен (подобием Б-га). И его Б-жественная душа, данная при рождении, становится его органичной частью, потому что из подарка она превращается в нечто, заработанное человеком.

МЕЦОРА

Глава Мецора начинается с заповедей об очищении прокаженного, и свою беседу Ребе начинает с вопроса, почему мы называем эту главу Мецора («прокаженный»), то есть словом, вызывающим отрицательные эмоции? Тогда как предыдущие поколения мудрецов давали ей нейтральное имя — Зойс Тигье («Да будет это» – заповедь о прокаженном).

Чтобы глубже понять значение проказы, о чем говорится в беседе Ребе, мы должны помнить, что по Торе она была не просто болезнью, а наказанием за конкретный грех – злословие. Так была наказана Мирьям за сплетни о Моше. Выявив у человека проказу, его изолировали от всех, заставляя жить за пределами стана. Так поступали не только ради телесного здоровья, но и во имя морали, потому что болезнь была не только физическим, но и духовным недугом. И улучшение самочувствия было не просто выздоровлением, оно свидетельствовало о духовном очищении. И именно духовному аспекту очищения посвящена эта беседа Ребе.

ДВА ИМЕНИ

Глава Мецора не всегда так называлась. В прошлом мудрецы, такие как рабби Саадия Гаон, Раши и Рамбам, называли эту главу по первой строчке – Зойс Тигье («Да будет это»). Только с недавнего времени она стала называться Мецора.

А Мецора означает «прокаженный» – слово, вызывающее неприятные ассоциации. Действительно, чтобы избежать их, вместо этого слова часто употребляется другое – Таара, «очищение». Зачем же тогда постоянно используется, казалось бы, заведомо неподходящее слово, особенно если раньше существовало другое название главы, не вызывающее подобных ассоциаций?

«ЕГО СЛЕДУЕТ ПРИВЕСТИ»

Прежде чем ответить на этот вопрос, мы должны обратить внимание на первый абзац: «Да будет это законом о прокаженном. В день очищения его следует привести его к коэну. И выйдет коэн за стан...» (Ваикра, 14:2-3).

На первый взгляд, здесь есть противоречие. С одной стороны, прокаженный должен предстать перед коэном. С другой стороны, коэн должен «выйти из стана» и прийти к нему. Кто же должен к кому прийти? На самом деле, коэн приходил к прокаженному, потому что тому не разрешалось ходить по стану. В чем же тогда смысл слов «его следует привести к коэну»?

Во-вторых, почему прокаженного надо было «привести»? Почему Тора не говорит: «он должен прийти»? Употребление страдательного залога наводит на мысль о том, что встреча с коэном происходила против его желания.

Отвечая на первый вопрос, комментаторы объясняли, что хотя прокаженный действительно должен быть изолирован, его следовало привести к ограде стана, чтобы не заставлять коэна совершать обременительную прогулку. Но такое объяснение понять непросто. Хотя прокаженный из-за своего несчастья должен был оставаться за пределами стана, он тем не менее не был обязан далеко от него отходить и мог оставаться поблизости. А раз заповедь об обряде очищения относилась ко всем прокаженным, включая тех, кто не уходил далеко от стана, объяснение комментаторов не помогает разрешить загадку.

РАСКАЯНИЕ – ПЕРВАЯ СТАДИЯ

Чтобы прийти к глубокому пониманию вопроса, надо учитывать мнение Раши. На слова «Во все дни, пока язва на нем... отдельно должен он жить» (Ваикра, 13:46) Раши дает следующий комментарий: «(Даже) люди, считающиеся нечистыми (по причинам иным, чем проказа), не должны находиться рядом с ним... потому что из-за его клеветы разошлись муж и жена или два друга, (следовательно) он должен быть изолирован от всех». Мы можем считать, что он отлучен от трех станов, так как вызывает ассоциацию с раздором и распрями. Его злословие заставляет людей отдаляться друг от друга, а смысл святости в единстве (ср. Тания, ч. 1, гл. 32). Следовательно, ему не место в святом собрании. Более того, он должен быть изолирован от других категорий нечистых людей, потому что, по мнению Рамбама, его страсть к злословию прогрессирует. Сначала она направлена на простых людей, затем на праведников, после – на пророков. А заканчивается все бунтом против самого Б-га: человек приходит к отрицанию основ веры. И это еще хуже, чем идолопоклонство, потому что идолопоклонник не отрицает существования Б-га, он просто не верит в его уникальность.

Тем не менее, как писал Алтер Ребе в качестве положения Алохи (еврейского Закона), а также внутреннего смысла хасидизма: «Есть уверенность в том, (что каждый еврей) в конце концов приходит к раскаянию» (Законы изучения Торы, 4:3; Тания, ч. 1, гл. 39).

Это объясняет смысл фразы: «его следует привести к коэну». Использование страдательного залога дает уверенность в том, что в будущем даже тот, кто находится за границами трех станом, изолирован от общества из-за своего греха, в конце концов придет к «коэну» с раскаянием. И это тот самый человек, в природе которого заложено сопротивление этому возвращению, противостояние святости (Б-жественности) и желание объединить силы с языческим миром – «за вратами стана». Вот почему его «следует привести» (страдательный залог), ведь его возвращение происходит против его воли.

ВТОРАЯ СТАДИЯ

Желание возвратиться исходит не от самого человека, но от обещания Всевышнего, что даже если потребуется «могущественная рука... Я буду править тобой».

Однако если изначально человеком движет внешняя сила, побуждая его к возвращению, то затем Всевышний требует, чтобы такое желание стало сокровенной частью его натуры. Таким образом гарантируется, что он не только раскается, но это раскаяние пронизет его «я» во всех проявлениях – волю, разум и чувства.

В свете этого становится ясно, почему в Торе после слов о том, что прокаженного «следует привести к коэну», следует: «и выйдет коэн за стан».

На первой стадии «очищения» внезапное откровение Б-га приходит извне. Но поскольку оно еще не стало частью собственного «я», это откровение не имеет отношения к самому человеку. Он словно «вытащен» из самого себя и своей среды. Но после этого к нему приходит коэн: роль человека вновь становится значимой, когда он стремится превратить откровение в очищение всех сторон своей жизни. И так как «процесс очищения» проникает даже в окружающую его среду, он достигает того, что не под силу и большим праведникам: он очищает от порока то, что находится «за вратами стана», то есть там, где праведный человек никогда не бывал. Поэтому мы говорим, что искренне раскаявшийся превращает свои даже сознательные грехи в заслуги: раскаяние очищает от порока и то, что лежит за пределами воли Всевышнего.

ПРЕДЫДУЩИЕ ПОКОЛЕНИЯ И МЫ

Теперь, наконец, становится ясно, почему раньше эту недельную главу называли Зойс Тигье, «Да будет это...», а не Мецора, «заповедь о прокаженном».

Только в грядущем мире мы станем свидетелями окончательного превращения тьмы в свет, зла в добро.

Так, для предыдущих поколений, когда до Освобождения было еще очень далеко, мысль о победе зла внешней силой была ближе, чем о том, что оно должно изменить себя изнутри. Они находились на стадии, когда прокаженного «следовало привести» против его воли для очищения, а не на втором этапе, когда очищение приходит изнутри, в его положении «за станом». Поэтому они не называли эту главу «Прокаженный»: ведь для них он очищался не сам, а против его желания. Тем не менее, они знали обещание о будущем, и поэтому называли главу «Да будет это». Другими словами, «заповедь о прокаженном» – время, когда прокаженный с собственного согласия становится частью Б-жественной заповеди – была тем, что произойдет когда-то, в грядущем мире.

Но мы, находясь в двух шагах от вступления в эру Мошиаха, можем назвать именем «прокаженный» главу Торы. Мы уже чувствуем время, когда зло превратится в добро, а те, кто находится «за станом», станут праведниками. Свет пробивается через стену, которая отделяет нас от грядущего мира, – свет времени, когда «ночь будет сиять, как день» (Теилим, 139:12).

АХАРЕЙ МОТ

Глава Ахарей начинается с упоминания о смерти Надава и Авигу, сынов Аарона (рассказ об этом в главе Шмини). Постигшее их представляет собой загадку, и комментарии относительно причин происшедшего весьма противоречивы. С одной стороны, казалось, Надав и Авигу были наказаны за грехи, с другой — мидраш говорит, что их заслуги превышали заслуги Моше и Аарона. Хасидский комментарий разрешает это противоречие, говоря, что они умерли, достигнув пика религиозного блаженства, и души их в этом состоянии буквально отделились от тела. Есть ли в этом плохое? Есть. Ибо нельзя стремиться к такому состоянию ценой жизни в этом мире. Они устремлялись в заоблачные выси, не думая о возвращении. А еврей всегда должен думать о выполнении своей задачи в этом мире, не отказываясь от земного существования, а освящая его. Этот цикл ухода и возвращения, познания и действия — основной в иудаизме, и ему посвящена беседа Ребе.

СМЕРТЬ НАДАВА И АВИГУ

Наша недельная глава начинается со слов: «И говорил Б-г, обращаясь к Моше после смерти двух сыновей Аарона, когда они предстали пред Б-гом и умерли». Последние слова ставят нас в тупик. Почему Тора добавляет «и умерли», когда уже сказано «после смерти двух сыновей Аарона»?

Мидраш, объясняя их смерть, приводит четыре толкования. Во-первых, они вошли в Святилище (Торас Коаним, Ахарей; Ваикра Раба, 20:8; Бамидбар Раба, 2:23; Танхума, Ахарей, гл. 6); во-вторых, не надели одежд служителей храма, необходимых для проведения службы (Ваикра Раба, там же; Танхума, там же); в-третьих, у них не было детей (Ваикра Раба, там же; Танхума, там же) и, в-четвертых, они не женились (Ваикра Раба, там же 9; Танхума, там же). Но откуда мидраш черпает такие версии? Где в Торе упоминается об этих четырех грехах?

Далее. Как можно предполагать, что сыновья Аарона Надав и Авигу виновны в совершении греха? Мудрецы говорят, что Моше сказал Аарону: «Аарон, брат мой, я знал, что Святилище будет очищено от греха теми, кто любимы Б-гом и близки к Б-гу. Теперь я вижу, что они – Надав и Авигу – лучше обоих нас». Если это так, то о каких их грехах речь?

РОКОВОЕ БЛАЖЕНСТВО

Хасидская традиция объясняет, что сыновья Аарона на самом деле не грешили. Они «виновны» в том, что не сумели совладать со своей устремленностью к Б-гу и поэтому умерли. Их души просто не могли больше оставаться в теле. Так Тора говорит, что «приблизились к Б-гу (настолько), что умерли». И это считается грехом. Потому что хотя еврей и должен оторваться от материальных забот, но в тот момент, когда в своей

устремленности к Б-гу достигнет грани окончательного надрыва души, он обязан остановиться и вернуться к работе, чтобы душа его осталась в теле.

В Пиркей Овойс сказано: «Поневоле ты живешь» (гл. 4). Преодолей желание души подняться за пределы этого мира: задача ее создать жилище для Б-га в этом мире.

Надав и Авигу достигли состояния блаженства, но не смогли вернуться. В этом их грех и причина смерти. И они «предстали пред Б-гом и умерли». Для них влечение души было важнее выполнения своей задачи в этом мире. Преодолев границы этого мира, они преодолели и границы самой жизни.

Мидраш вменяет им в вину четыре греха. Основа поступка Надава и Авигу одновременно является и основой каждого из этих грехов.

Они «вошли в Святилище» – постигли самые сокровенные глубины духа, не думая о том, чтобы возвратиться во внешний мир.

Они «не надели одежд (служителей храма)» – думали только о том, чтобы отделиться от этого мира, и желали, чтоб духовное целиком овладело ими. Они отказались от необходимых «одежд» (Мицвот и действий, очищающих окружающую действительность, в которые облекается слово Б-га).

У них «не было детей» и они «не были женаты». То есть они не выполнили заповедь Б-га «плодиться и размножаться» и привести новые души в этот мир. Они сделали прямо противоположное — вырвали свои души из этого мира.

Общий корень всех этих ошибок кроется в недостаточном понимании того, что еврей приближается к Б-гу благодаря участию в мире, а не уходя из него. На самом деле важно и то, и другое. И поэтому в начале года, в Йом Кипур, максимально отдалившись от мира, мы начинаем чтение Торы с этих стихов, напоминающих о нашей основной задаче.

ВХОД И ВЫХОД

Раши замечает, что заповедь «чтобы не во всякое время входил он (Аарон) в Святилище... (но) вот с чем входить должен Аарон в Святилище...» (Ваикра, 16:2-3) следует сразу за словами о смерти его сыновей и звучит как предостережение и ему, и нам – не нести службу так, как Надав и Авигу.

Здесь возникает вопрос: имеем ли мы право требовать от человека, находящегося на пике блаженства, возвращения к своей земной роли? Если его переживания искренни, если «все свои силы» он отдает любви к Б-гу и преодолел все барьеры, разделяющие человека и Б-га, должен ли он в каждой точке сдерживать себя от соединения с Ним и вновь погружаться в рутину человеческого существования? Разве нет здесь противоречия между полной самоотдачей и постоянной необходимостью сдерживать себя, чтобы не зайти слишком далеко?

Все зависит от того, как человек начинает свой духовный путь. Если он делает это с намерением удовлетворить свои собственные желания, какими бы возвышенными они ни были, он не захочет вернуться из состояния блаженства к мирским заботам. Но если он с самого начала думает о выполнении Б-жественной воли, зная, что, хотя «Ты должен любить Б-га, Всесильного... своего всеми силами души своей», тем не менее «Он создал (мир) и, чтобы тот не был пустым, заселил его» (Иешаягу, 45:18). Тогда, стремясь

всей душой подняться к Всевышнему, человек постоянно будет помнить, что должен вернуться и освятить мир.

В Талмуде есть знаменитая история (Хагига, 14б). Четыре человека вошли в «Сад» (то есть достигли сокровенных мистических тайн Торы): Бен Азай, Бен Зома, Ахер и рабби Акива. Бен Азай взглянул и умер. Бен Зома взглянул и был охвачен (безумием). Ахер покалечил побеги (то есть стал вероотступником). Рабби Акива «вошел с миром и вышел с миром».

На первый взгляд, важным различием между рабби Акивой и остальными тремя было то, как они выходили из «Сада». Почему же Талмуд делает акцент на том, что он «вошел с миром»?

На самом деле от того, как каждый из четырех входил, зависело и то, как они выходили. Бен Азай шел с мыслями о достижении блаженства, а не о возвращении. Поэтому он «взглянул и умер». Интересно отметить, что его служение Б-гу по большей части отличалось отдалением, устранением от мирского (Йевамот, 63б; Сота, 4б).

Но рабби Акива вошел «с миром», то есть подчиняясь воле Б-га и стремясь объединить высшие и низшие миры. Поэтому он и вышел оттуда с миром. Его намерение вернуться доминировало уже с самого начала его пути к религиозному блаженству.

Так же и Аарон входил в Святилище: в страхе, послушании и самоотречении. И поэтому он смог «искупить себя и дом свой» (Ваикра, 16:6) и произнести молитву в поддержку существования народа Израиля (Йома, 53б). И то, и другое есть действия, продиктованные заботой об этом мире.

ПОЗНАНИЕ И ДЕЙСТВИЕ

В каждом рассказе Торы содержится урок, имеющий отношение ко всем евреям (Зогар, ч. 3, 53б). В чем заключается универсальная значимость истории Надава и Авигу? Ведь, разумеется, далеко не каждый способен достичь того уровня религиозного блаженства, когда появляется угроза для жизни. Немногим нужно подобное предостережение. А что же нужно всем?

В жизни каждого еврея бывают моменты, когда в нем пробуждается стремление к сильным религиозным переживаниям, особенно во время Субботы и праздников, в Десять Дней Раскаяния и более всего в Йом-Кипур. На время он вырывается из повседневной рутины, ежедневных забот и внутренне поднимается выше границ собственного разума. Именно в эти дни он должен помнить о том, что какие бы переживания его ни ожидали, он должен, возвращаясь к повседневной жизни, принести с собой этот священный трепет в мир. Он должен стремиться к блаженству не ради себя, а ради последующего возвращения. Религиозное переживание не должно стать воспоминанием, оно должно приводить в движение всю его жизнь. Как рабби Акива, он должен войти и выйти «с миром», то есть привести Б-га к гармоничному объединению с миром.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ Б-ГА

Эта связь между тем, как человек входит и как покидает сферу святости, относится не только к служению еврея Всевышнему, но и ко всему материальному миру. Потому что все, что нужно еврею, материальное и духовное, приходит к нему прямо от Б-

га: «Если по установлениям Моим будете вы поступать, и заповеди Мои соблюдать, и исполнять их, то дам Я вам дожди вовремя, и земля даст урожай свой...» (Ваикра, 26:3-4). Только через связь с Всевышним еврей получает все, что ему нужно. Тот, кто говорит: «Мне будет хорошо, если я стану поступать по зову своего сердца», всегда в конечном итоге ошибается.

Описывая ведение службы Первосвященником, мы имеем в виду именно это. Только после того как войдет в Святилище, он сможет произносить молитвы за спасение и в поддержку народа.

Таким образом, общество, в котором живет еврей, и мир его религиозных переживаний внутренне взаимосвязаны. Принося свои религиозные переживания в этот мир, он тем самым освящает его и дает возможность Б-гу его благословить.

КДОШИМ

В знаменитой девятнадцатой главе книги Ваикра, где кратко изложены многие основные законы и принципы еврейской жизни, есть закон и о плодах деревьев. Урожай первых трех лет (орла) запрещен к употреблению в пищу. Плоды четвертого года (нета реваи) посвящены Б-гу и могут быть либо съедены только в Иерусалиме, либо выкуплены. Плоды же пятого года можно есть в обычном порядке, и в этот год Тора обещает особое изобилие как награду за соблюдение закона в первые четыре года.

Беседа Ребе посвящена следующей проблеме: если цель заповеди и награда за нее заключаются в плодах пятого года, то почему же «священными, посвященными восхвалению Б-га» считаются плоды четвертого года? Чтобы разрешить эту проблему, проводится аналогия между пятью годами плодоношения деревьев и пятью уровнями духовности; выясняется, что есть уровень и выше уровня святости. Хасидизм особо подчеркивает, что над святостью, предполагающей оторванность, отделенность от мирского, находится область единения с Б-гом в самой гуще мирской жизни.

ПЛОДЫ ПЯТОГО ГОДА

«В пятый же год вы можете есть плоды его, и умножатся для вас плоды его. Я – Б-г, Всесильный ваш» (Ваикра, 19:25). Этот стих говорит о награде за неупотребление в пищу плодов первых трех лет и за то, что плоды четвертого года принесли, чтобы посвятить Б-гу, в Иерусалим. Слова Торы «и умножатся для вас плоды его» показывают, что особенно плодородный пятый год есть цель заповеди о плодах первых четырех лет.

Раши, цитируя мидраш, предлагает прямую трактовку этих слов: «Рабби Акива говорил, что в Торе так сказано, потому что она знает о дурных наклонностях человека. Чтобы кто-то не сказал: “Вот! Я просто так должен ограничивать себя четыре года, ничего за это не получая”. Поэтому дальше Тора поясняет, что (благодаря твоему послушанию) земля даст тебе большой урожай».

Однако в этом отрывке заложен и более глубокий смысл. Первые пять лет плодоношения деревьев можно сравнить с пятью «вселенными», или уровнями духовности (Ликутей Тора, Кдошим, 30д). Первые три обозначают три низших уровня: Асийя, Йецира и Брия (или три стадии — «Действия», «Формирования» и «Создания»),

где Б-г достаточно скрыт, и грех, разногласия и запрещенное поведение могут существовать беспрепятственно. Четвертый год соответствует Ацилус («Эманации»), где все едино, и ничто не отделено от Б-га. Потому этот плод назван «священным, посвященным восхвалению Б-га». Но высшим считается пятый уровень, который называется Кесер («Корона»). Соответственно, плоды пятого года являются самыми ценными. Мы это увидели, когда поняли, что заповедь о первых четырех годах дана ради пятого года.

Почему же тогда «священными» названы плоды четвертого года? Почему их можно есть только в Иерусалиме и только ритуально чистому человеку? Почему это не относится к плодам пятого года, которые можно есть где угодно и кому угодно?

БААЛ-ШЕМ-ТОВ И МУДРЕЦ

Чтобы найти ответ на вопрос, надо начать с истории о Баал-Шем-Тове. Это было в то время, когда он еще не возглавил официально хасидское движение. Он все еще не раскрывал своего имени, путешествуя по городам и деревням Карпат. Одним из его священных обычаев была привычка спрашивать у всех евреев: мужчин и женщин, стариков и детей, встречавшихся на пути, об их здоровье, о делах. И с огромным наслаждением он выслушивал их ответы – слова, исходящие из сердца. В них звучала благодарность и хвала Всевышнему. «Слава Б-гу» или «Благословен будь Всевышний» – эти слова были в каждом ответе.

Однажды Баал-Шем-Тов оказался в маленьком городке и по обыкновению начал спрашивать о благополучии евреев, которых встречал, чтобы услышать в ответ слова признательности и благодарности Б-гу — проявление их веры и достоинства. Жил в этом городе очень старый человек, большой ученый, удалившийся от земных дел. Уже более пятидесяти лет он днем и ночью сидел и учил Тору — в святости, отрешенности от мира. Каждый день, облачившись в талис и тфилин, он сидел и учил Тору до послеполуденной молитвы и ничего не ел весь день, пока не заканчивал вечерней молитвы. И тогда только он позволял себе съесть кусочек хлеба и выпить воды.

Баал-Шем-Тов, войдя к нему в комнатку, которая находилась в углу синагоги, спросил старого человека о его здоровье и благополучии, но мудрец даже не взглянул на пришельца, одетого по-крестьянски. Баал-Шем-Тов повторил свой вопрос несколько раз, пока мудрец не рассердился и не указал ему на дверь. Тогда Баал-Шем-Тов сказал: «Рабби, почему ты отнимаешь у Б-га Его, так сказать, средства к существованию?». Услышав это, старик пришел в недоумение. Перед ним стоял крестьянин, который говорил о Б-ге и о необходимости обеспечить Его средствами к существованию!

Прочитав его мысли, Баал-Шем-Тов сказал: «Б-г дает еврею средства к существованию. Но что заставляет Б-га продолжать, так сказать, “обитание” в этом мире? Вот о чем говорил царь Давид в псалме (Теилим, 22): “Свят Ты, обитающий в восхвалениях народа Израиля”. “Ты” – это Хозяин Вселенной, “Свят” – Ты вне этого мира. А что же является для Тебя средствами к существованию, которые позволяют Тебе “населять” этот мир? Это – “восхваления народа Израиля”». Б-га поддерживают хвалой и благодарностью, которые евреи говорят за то, что Он им дает здоровье и средства к существованию. Благодаря этим хвалам Он дает им в изобилии детей, здоровье и пищу.

ЖИЛИЩЕ

Замечание Баал-Шем-Това понять непросто. Действительно, Б-г, о котором мы говорим «Ты Свят» (то есть выходишь за пределы мира) продолжает «обитать» в этом мире только благодаря тому, что Ему служит еврейский народ. Изучение Торы, конечно, часть этой службы. Несомненно, что оно притягивает Б-га в этот мир. А старый мудрец изучал Тору днем и ночью более пятидесяти лет. Даже в тот момент, когда Баал-Шем-Тов говорил с ним, он был занят учебой! Почему же Баал-Шем-Тов тогда сказал: «Почему ты отнимаешь у Б-га Его средства к существованию?» Даже если «хвалы народа Израиля», а не шелест переворачиваемых страниц Торы заставляют Всевышнего «населять» этот мир, Баал-Шем-Тов, конечно, мог попытаться вытянуть из мудреца слова благодарности за то, что тому позволено Б-гом учиться в безмятежности и уединении. Зачем же ему было спрашивать о физическом самочувствии мудреца, о его здоровье?

Для чего был сотворен этот мир? Цель его заключается в создании для Б-га «места обитания в низшем мире» (Мидраш Танхума, Насо, гл. 16). Этот мир должен быть превращен в жилище для Б-га.

Как строится это жилище? Отнюдь не только при помощи изучения Торы и слов благодарности Всевышнему за возможность учиться. Изучение Торы затрагивает Б-жественную душу еврея, высшую часть его природы. Но благодарность за пищу, за деньги, за здоровье — все это предполагает освящение тела, освящение естественных желаний и физических потребностей. Когда еврей даже это признает даром Б-жым, тогда он действительно впускает Всевышнего в «низший мир» (Тания, ч. 1, гл. 1).

Вот почему, когда Баал-Шем-Тов увидел мудреца, сидящего в уединении, изолированного от мира, безразличного к состоянию своего тела, евшего только чтобы выжить, а не освятить материальное, он сказал: «Почему ты как бы отнимаешь у Б-га Его средства к существованию?» Ведь Б-жественное намерение заключалось в том, чтобы обрести жилище в «низшем» мире, от которого мудрец отказался. И поэтому Баал-Шем-Тов сказал, что задача Всевышнего «населять» этот мир благодаря «хвалам и благодарности, произносимым евреями за то, что Он дает им здоровье и средства к существованию». И хотя Баал-Шем-Тов прервал мудреца во время изучения Торы — выполнения важнейшей из заповедей, он это сделал не напрасно. Ибо без этой хвалы Всевышнему мудрец не может считать свое изучение Торы полноценным. «Каждый, кто скажет: “У меня нет ничего, кроме (изучения) Торы, даже Торы у него нет”» (Йевомос, 109б).

ПЛОД И БЛАГОДАРНОСТЬ

В свете этой истории мы видим, почему самым ценным считается плод не четвертого года, хотя он и назван «священным» (то есть отложенным, изъятым) и предназначен для употребления только в Иерусалиме, и почему плоды пятого года можно есть где угодно и кому угодно.

Когда еврей признает, что даже «неосвященный» плод зависит от благословения Всевышнего, когда он собственными глазами видит, что земля «умножает плоды» благодаря Всевышнему, и когда он благодарит Его за эти вещи, он приносит в мир «Его» — саму сущность Б-га, «Святую» и ничем неограниченную, чтобы Б-г «жил» в этом мире, как в Своем доме. Таким образом, еврей осуществляет истинную цель мироздания.

ЭМОР

Мнения мудрецов и саддукеев относительно заповеди счета омера («...и отсчитайте себе от второго дня после Субботы») принципиально разные. Мудрецы в данном случае трактовали слово «Суббота» как Пейсах, то есть праздничный день («день отдыха»). Саддукеи же понимали этот термин буквально, то есть как седьмой день недели, и поэтому всегда начинали считать омер с воскресенья. Хотя мудрецы убедительно доказали правильность своего мнения, остается вопрос: почему Тора употребила слово, которое может быть интерпретировано ошибочно? Чтобы ответить на этот вопрос, в данной беседе детально рассматриваются три стадии процесса освобождения, начиная с Исхода из Египта и кончая дарованием Торы на горе Синай.

ДЕНЬ ПОСЛЕ

В недельной главе Эмор дается заповедь счета омера: «...и отсчитайте себе от второго дня празднования (Суббота) до дня принесения вами снопа возношения (омер) семь недель; полными да будут они» (Ваикра, 23:15). Талмуд (Менохос, 65а) говорит, что секта саддукеев толковала слово «Суббота» буквально, то есть как седьмой день недели, а не как день отдыха, или праздник Пейсах. Вследствие этого они полагали, что счет омера должен всегда начинаться с воскресенья. По этому поводу были серьезные дебаты, в ходе которых наши мудрецы привели много доказательств из письменной Торы, свидетельствующих об ошибочности мнения саддукеев. Но один вопрос все же остается: почему Тора допускает возможность такой ошибки, вместо того чтобы прямо сказать: «на следующий день после Пейсаха»?

ТРИ МЕСЯЦА

В недельной главе Шмойс Б-г говорит Моше: «когда выведешь этот народ из Египта, вы будете служить Всесильному на этой самой горе!» (Шмойс, 3:12). Иными словами, цель Исхода из Египта заключалась в даровании Торы. Между этими двумя событиями – Исходом и Синайским Откровением – семь недель счета омера. Эти семь недель представляли собой необходимый переходный период между началом и завершением процесса освобождения.

Этот период охватывает три месяца: Нисан, в котором произошел Исход, Ияр, полностью включенный в период счета омера, и Сиван, в котором произошло дарование Торы. Только эти три месяца прямо упоминаются в контексте освобождения. Нисан описывается как «месяц весны, в который вы вышли из Египта» (Шмойс, 23:15). Об Ияре сказано: «второй месяц... после Исхода из страны египетской» (Бамидбар, 1:1; Зогар, ч.3, 117б). А о Сиване говорится: «на третий месяц по выходе сынов Израиля из земли египетской» (Шмойс, 19:1). Каждый из трех месяцев упомянут потому, что он является неотъемлемой частью процесса освобождения.

ТРИ ВИДА ПИЩИ

Каждому из этих этапов соответствует особый вид пищи. Пейсах связан с мацой. Омер представлял собой меру ячменя (Сота, 14а). А в праздник Швуэс приносили особое приношение из двух квасных хлебов, испеченных из тонкой пшеничной муки (Ваикра, 23:17; Менохос, 54б). И здесь возникает целый ряд проблем.

Из всех злаковых приношений только два не были из пшеницы – омер и то, которое должна была принести подозреваемая в неверности жена. Оба они были из ячменя. Во втором случае Талмуд (Сота, там же) дает объяснение: приношение неверной жены было из ячменя, пищи животных, как урок за ее неподобающее поведение. Но почему же тогда и омер был из пищи для животных?

На Пейсах нам запрещено есть квасной хлеб, так как он символизирует человеческую склонность к завышенной самооценке и гордыне. Как тесто поднимается на дрожжах, так и гордец раздувается от высокомерия. Но почему тогда мы позволяем себе есть квасной хлеб в течение всего года, и даже обязаны делать это (в Храме) на Швуэс?

«ВЛЕКИ МЕНЯ, МЫ ПОСЛЕДУЕМ ЗА ТОБОЙ»

В Песне Песней, Шир а-Ширим, есть стих «Влеку меня, мы последуем за тобой; привел меня властитель в свои покои» (Шир а-Ширим, 1:4). Каждая из этих трех фраз соответствует одной из трех ступеней Исхода из Египта. «Влеку меня» – это сам Исход. «Мы последуем за тобой» – счет омера. «Привел меня властитель в свои покои» – это дарование Торы.

«Влеку меня» подразумевает пассивность объекта и относится к сынам Израилевым, которые были выведены Б-гом. Кроме того, местоимение стоит в единственном числе. Тогда как «мы последуем за тобой» одновременно подразумевает и активность, и использует форму множественного числа.

К концу периода рабства евреи ассимилировались в языческом обществе своих поработителей и не заслуживали освобождения. Их нужно было схватить и вырвать из рабства волей Б-га. Поскольку они не были внутренне готовы к этому, такое неожиданное освобождение не повлекло за собой внутренних изменений. Они следовали скорее воле Б-га, нежели велению собственных сердец. И хотя их «Б-жественная душа» откликнулась, «животная душа» не претерпела изменений. Одна часть их существа приняла откровение, но другая – способность делать зло – сохранилась. Именно поэтому, как объясняет Алтер Ребе, евреи бежали из Египта. Фактически они убегали от собственного злого начала.

Так мы можем понять выражение «влеки меня». В начале, когда мы получаем власть над каким-либо предметом, просто схватив его, в самом объекте изменений не происходит; он лишь переходит из рук в руки. В данном случае евреи из-под власти фараона перешли во власть Б-га. Сам по себе еврейский народ при этом не изменился. Кроме того, это выражение отражает его пассивность: Исход из Египта совершился рукой Всевышнего, не был результатом внезапно возникшего порыва самих евреев.

И, наконец, местоимение «меня» подразумевает единственное число: раскрытие такого неожиданного Б-жественного вмешательства повлияло только на одну сторону их природы. Отозвались их души, но не их физические желания.

РАЗУМ И ЭМОЦИИ

Все вышесказанное приводит к следующему: цель откровения состоит в том, чтобы дух изменил и физическую природу человека. Если бы человек был задуман как существо исключительно духовное, у него не было бы тела. Смысл религиозной жизни в этом материальном мире заключается в том, чтобы привлечь все стороны человеческой натуры к служению Б-гу: «”И возлюби Б-га, Всесильного твоего, всем сердцем твоим” (Дворим, 6:5) – это значит обоими своими началами» (Брохос, 54а). Такое взаимодействие

с Б-гом возвышает не только физическую природу человека, но и его духовную жизнь, добавляя ей порыв и энергию физических желаний. Человек, как существо интеллектуальное, страстей лишен: его эмоции и желания укрощает контроль разума. Но животная энергия, независимо от того, заключена ли она в животном или в человеческих инстинктах, мощна и неукротима. Как сказано в Мишлей, Притчах Соломоновых, «Много прибавляет сила быка» (14:4), когда животное начало в человеке не воюет с разумом, а подчиняется ему, вся сила его страстей превращается в жизнь, полную святости.

Именно поэтому омер приносился из ячменя – пищи животных. Ибо задача этого периода (время счета омера) состоит в трансформации «животной души» евреев, незатронутой первоначальным откровением в Египте.

Как можно этого достичь? Ответ: с помощью размышлений. Размышления о природе Б-га пробуждают любовь и страх. Вначале, когда человек осознает, что бунт, гордыня, животное упрямство все еще являются мощными элементами его природы, он должен «убежать» от них. Это – период подавления. Но как только он покинул «Египет» искушения, наступает время размышлений и сублимации, когда две стороны человеческой природы не борются более за власть, когда дух правит, а физическое начало трансформируется.

Поэтому писал царь Соломон: «Мы побежим за тобой». Побежим, ибо наше служение ускоряется за счет этого нового источника энергии. Мы, ибо это уже от нас самих, а не от Б-га исходит религиозный порыв. И «мы» – местоимение множественного числа, ибо обе стороны нашей природы вовлечены в усилие приблизиться к Б-гу, и одна поддерживает другую.

ФИНАЛ

Но есть и следующий этап. При Исходе был Б-жественный зов. Во время счета омера был ответ на этот зов со стороны человека. Но при даровании Торы произошло полное устранение человека перед лицом Б-га. В течение сорока девяти дней, пока человек трансформировал себя, он все еще оставался собой, используя свои силы и полагаясь на себя самого. Но у горы Синай, перед лицом Б-га, «при каждом слове, исходившем из уст Святого, благословен Он, души сынов Израиля покидали тела» (Шабос, 88б). Они были пусты: единственной реальностью был сам Б-г.

Поэтому на Пейсах мы не можем есть квасной хлеб. Вначале, когда гордыня и желание самоутвердиться сохраняют свою власть, их надо подавить, устранить. С ними невозможно бороться силой разума, поскольку они в состоянии его сбить с пути: «мудры они, дабы творить зло» (Ирмиягу, 4: 22).

В период счета омера мы используем свой разум, чтобы переориентировать наши эмоции. Мы используем внутреннюю «закваску», чтобы изменить себя.

А когда в Швуэс мы, наконец, достигаем финала – полной открытости всего нашего существа для Б-га, – вот тогда мы обязаны употреблять квасной хлеб, превращая все без исключения элементы нашей природы в канал, проводящий Б-жественный свет в мир.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Сказали мудрецы: «Во всяком поколении и каждый день человек должен смотреть на себя так, словно в этот день вышел он из Египта» (Псохим, 116б, Тания, ч.1, гл. 47). В самой первой утренней молитве мы говорим: «Признаю я перед Тобою...» (молитва Мойде ани). Это признание, это подчинение Б-гу предшествует нашему осознанному пониманию. Это – Нисан нашего дня, это – персональный Исход.

Затем в утренней молитве идут псалмы восхваления (Псукей д'зимра) и молитва Шма с сопутствующими ей благословениями. Это молитвы размышления и понимания. Первая фраза молитвы Шма «Слушай, Исроэл» означает «понимай». Такая медитация пробуждает чувства, и любовь к Б-гу овладевает «всем сердцем твоим, всей душой твоей, всем твоим достоянием». Это – ежедневный эквивалент Ияра и счета омера.

Но все это пока представляет собой лишь сражение с «животной половиной» человеческой природы (битул а-йеш). Нам еще предстоит достичь полного устранения самосознания (битул би-мециус), что достигается в молитве Амида, когда мы не в состоянии сами говорить, подобно «рабу, стоящему перед господином» (Шабос, 10а). Мы сами по себе лишены слов. Мы просим перед началом этой молитвы: «О, Г-сподь, открой уста мои». И это – Сиван нашего дня, когда мы подобно евреям у горы Синай встречаемся со всеобъемлющим Б-жественным присутствием.

ДЕНЬ ПОСЛЕ ШАБАТА

Теперь, наконец, мы поняли, почему Тора во фразе, анализом которой мы начали нашу беседу, говорит: «от второго дня после дня празднования (Субботы)», а не «после Пейсаха».

Достижение трансформации «животной души» требует огромных запасов духовной энергии. Чтобы вырвать сынов Израиля из глубин нечистоты, нужен был не ангел, не посланник, а сам Б-г во всей Его Славе. Если это применимо к бегству от зла, то тем более относится к трансформации зла в добро. Для этого нужен духовный источник, способный проникнуть в самое сердце зла, и при этом не поддаться ему.

Суббота – это источник интенсивной духовности. Это пик недели. Но все же он относится к неделе, то есть к конечному, ограниченному времени. «День после Субботы» относится к следующему этапу, лежащему за пределами времени, к Высшему Откровению, выходящему за рамки этого мира.

Чтобы вести счет сорока девяти дням омера или, иначе говоря, чтобы превратить в священное всякое чувство, которое мы испытываем, нам нужно основывать свои усилия на «дне после Субботы» – то есть на Б-жественном свете, идущем из-за пределов этого мира.

СВЯТОСТЬ ЮМОРА

Áyàèá Çàèñ

Журнал «Фарбринген» обратился к Дэвиду Заксу, продюсеру замечательного фильма «Третий камешек от солнца», с просьбой рассказать, что необходимо для создания смешного. Когда Дэвид Закс отправляется на работу, с ним происходят всякие забавные истории. Тем не менее, самые смешные его шутки связаны с очень серьезными вещами.

Обычно говорят, что наука описывает процесс возникновения того или иного явления, а Тора объясняет, **почему** оно возникло. Скажем иначе: как говорил рабби Нахман из Браслава, наука описывает внешнюю сторону явления, тогда как Тора – его внутреннюю сущность. Так что же говорит Тора о юморе?

В Талмуде (Шабос, 30б) рассказывается, что великий мудрец Рабба всегда начинал свои уроки какой-нибудь шуткой. Это поднимало настроение учеников. По мнению Баал-Шем-Това, юмор – это то, что помогает уму человека раздвинуть пределы ограниченного самосознания и выйти на простор широкого мироощущения.

Человек с расширенным мироощущением воспринимает творение в совокупности. Он способен увидеть присутствие Б-га, то, как Добро влияет на все окружающее. Ему понятно, что все происходящее есть выражение любви Всевышнего к нам независимо от того, понимаем мы это в данный момент или нет.

Ограниченное сознание, конечно, принципиально иное. Оно являет собой естественное стремление воспринимать все происходящее слишком буквально, к тому же при убеждении, что это единственная реальность, но никак не часть чего-то более грандиозного. В том-то и величие юмора, что он способен вытянуть человека из состояния депрессии и перенести туда, где невидимое, то есть постоянные Любовь и Добро, исходящие от Б-га, становится осязаемым и реальным.

Юмор, смех, как ни хороши они сами по себе, фактически являются вспомогательными для более значительной темы – темы Радости!

Многие удивительные вещи поразили меня, когда я начал изучать Тору, но больше всего – это то, что центральное место наша религия отводит счастью. Как выразился однажды рабби Нахман, люди печальны, потому что все у них не ладится, но они не отдают себе отчет в том, что потому-то и не ладится, что они печальны. По поводу стиха «Ибо с весельем выйдете» (Ишайя, 55:12) Коцкер ребе говорит: «Прелесть веселья в том, что оно способно прогнать от человека все неприятности и огорчения». Веселье означает, что человек наделен более обширным видением, или, как уже говорилось, имеет расширенное мироощущение. Хасидская революция в мироощущении евреев возвела Радость на одно из первых мест среди еврейских ценностей – туда, где ей надлежит быть. Понять это очень важно. Многие из нас считают, что Тора – это интеллектуальное учение, но ведь в ней содержится и очень важный эмоциональный компонент!



Если юмор – средство, переносящее нас от ограниченного самосознания к расширенному мироощущению, то смех – наша реакция на этот ошеломляющий процесс.

С точки зрения комического, противопоставить ожидаемому неожиданное – самый верный способ вызвать смех. Таким образом, когда мы считаем, что мир устроен в соответствии с одной логикой и вдруг обнаруживаем принципиально другую, это позволяет ощутить, как он велик, как чудесен на самом деле, и в результате мы радостно смеемся.

В свете этого то, что в Торе имя нашего святого праотца Исаака, олицетворяющего духовный атрибут **гвуры**, то есть **силы**, на иврите означает «смех», не может не поразить. Возможно, вы удивитесь, какое отношение имеет гвура (сила) к смеху, ведь может показаться, что между ними ничего общего. Примирение этих диаметральных противоположностей происходит на очень глубоком уровне. Сара – бездетная женщина. Ей уже 90 лет. Невозможно представить себе, чтобы у такой женщины родился ребенок! И что же получает наша святая прапраматерь Сара? Ребенка! Смех, да и только! Исаак становится воплощением неожиданного – вот объяснение с точки зрения комического. В более глубоком смысле Исаак становится олицетворением той конечной силы, которая необходима, чтобы не отказываться от мечты. Как таковой он становится духовным хранилищем самых нереальных желаний Авраама и Сары. Это и есть **гвура – та самая сила!**

В 126 псалме говорится, что после прихода Мессии «наполнятся уста наши смехом». Почему? Потому что веселье, смех – высшее и самое святое выражение нашей реакции на пришедшее понимание, что мир намного больше, глубже, красивей, чем мы себе представляем. Когда мы это осознаем, нашей реакцией будет радостный смех. Смех, олицетворяемый Исааком, – это счастливый конец, который ожидает всех нас – эра Мессии, обещанного нам Б-гом. Знатки Каббалы говорят, что, когда настанет этот день, – пусть он придет поскорее! – Б-г даст нам возможность увидеть, что из Ган Эден – Райского Сада мы никуда не уходили.

А пока это не произошло, спрашивается: насколько мы верим в доброту Б-га? Если известно, что Он благ, можем ли мы перестать надеяться, что насколько бы мрачными ни казались обстоятельства, вот-вот должно перемениться что-то к лучшему? Псалом 121 гласит: «Поднимаю глаза к горам – откуда (на иврите мэаин) придет помощь мне?». Как это ни удивительно, но Виленский Гаон понимает слово «мэаин» как «ниоткуда», «из ничего». В таком случае получается: «Поднимаю глаза к горам – из ниоткуда придет мне помощь!»! Другими словами, спасение, посылаемое Б-гом, может прийти в одно мгновение, откуда не ждешь. Как только мы поймем этот секрет, то поймем и последнюю шутку, а именно: что все есть благо и всегда было благо...

НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

ЭТОТ ПРАЗДНИК С НАМИ ВСЕГДА

Пейсах – необыкновенный праздник, особенно для нас, евреев бывшего СССР. Многие, без сомнения, помнят, как в один из весенних дней нашего детства на столе вдруг появлялись какие-то странные коржи, каких никогда не встретишь ни в соседской нееврейской семье, ни в магазине. При этом взрослые почему-то приглушенным голосом объясняли, что «сегодня наш еврейский праздник»...

Но почему о празднике надо шептать?..

Поддавшись этой тихой странности и глубоко в душе затаив невысказанные вопросы, мы, привычно повязав пионерский галстук, спешили в школу на какую-нибудь политинформацию или собрание актива и почему-то так и не рассказывали друзьям о том загадочном празднике, который, как выяснится годы спустя, евреи отмечают уже тысячелетия. Вот и сейчас, хотя о пионерских собраниях все давно забыли.



У нас, бывших «советских», свой, особый Пейсах, и об этом не стоит забывать.

Сегодня Пейсах отмечается широко и вполне открыто на всей территории бывшего СССР. О том, как отметили евреи его этим Нисаном в городах новой России и некоторых стран СНГ, мы расскажем благодаря сообщениям наших корреспондентов.

Волгоградская еврейская религиозная община совместно с общинным центром проводила пасхальный сейдер в «теплых домах» нескольких районов ВОЛГОГРАДА: Центральном, Держинском, Краснооктябрьском, Кировском, Ворошиловском. В результате Пейсах, один из важнейших еврейских праздников, в соответствии со всеми требованиями традиции отметили около 260 человек на семи праздничных сейдерах.

У еврейской общины Волгограда, как и во многих других российских общинах, существуют свои проблемы. Здесь нет пока еще большой кошерной кухни, к тому же очень специфичная «география» города — он простирается в длину более чем на 100 километров — не позволяет провести общегородской сейдер: дороги долгие, а транспорта, который обеспечил бы доставку людей на праздник, а затем домой, нет. Однако традиционно добрые отношения общины с волгоградским отделением Еврейского агентства в России все же позволили организовать хороший сейдер. Кроме того, большую работу по организации празднования Пейсаха проделали активисты общины: семьи Ройзен, Иванченко, Исмаиловых, Абрамовых, Моисеевых. Каждая из этих семей самостоятельно организовала и провела кошерный сейдер на 25–40 человек у себя дома.

Теплая, домашняя атмосфера, песни, притчи и занимательные истории, — все это и создавало неповторимую атмосферу еврейского праздника. Кроме традиционных праздничных собравшиеся пели любимые песни общины: «Волгоградский сейдер», гимн Хабада, «А идише мамэ», «Днем и ночью» Александра Розенбаума и, конечно, еврейский «хит» «Let my people go» («Отпусти народ мой»), запомнившийся волгоградским евреям в исполнении Л. Маргулиса. Благодаря помощи организаций «Гилель», «Джойнт», «Ор Авнер», Федерации еврейских общин России каждый участник пасхального сейдера получил экземпляр прекрасно иллюстрированной Агоды и смог пройти вместе с ведущим все традиционные пятнадцать этапов праздничного действия, выпив и обязательные четыре бокала вина, и, конечно, вкусив «хлеб бедности нашей» — мацу.

Следует особо отметить, что в этом году подготовка к празднику Пейсах в основном велась собственными силами. Для ведущих сейдеров и их помощников был проведен семинар под руководством Баси Сысоевой, обучавшейся на молодежном семинаре «Гилеля» и «Джойнта».

Празднование Пейсаха получило широкое освещение в СМИ. Раввин Волгограда и Волгоградской области Залман Иоффе поздравил с праздником все еврейское население через наиболее популярные городские и областные радио- и телепрограммы, рассказал об истории и традициях праздника. Практически в каждом еврейском доме прозвучали праздничные пожелания раввина и заключительные слова пасхальной Агоды: «В следующем году в Иерусалиме!».

Празднует Пейсах КОСТРОМА. В шестой раз отмечает его еврейская община. К празднику здесь начали готовиться заранее, привезли из Москвы мацу и кошерные продукты, освободили синагогу и еврейские дома от хомеца. Совет общины решил отмечать праздник на турбазе «Березовая роща», которая находится в зеленой зоне города: сюда легко могли добраться все желающие, чтобы принять участие в сейдере.

«Вечером 6 апреля на турбазе собрались человек восемьдесят, — рассказывает в своем письме А. Ошеров. — В гости к нам приехали ребята из “Гилеля”. Женщины зажгли

субботные свечи. Утреннюю молитву начали очень рано, чтобы напоследок съесть кусочек хомеца. После Минхи прошла викторина на тему Пейсаха... А в 20 часов 7 апреля мы, прочитав вечернюю молитву и встретив много новых гостей, пришедших к нам пешком, стали готовиться к первому сейдеру. И вот зажжены свечи – Пейсах наступил.

За праздничным столом более 100 евреев. Ребята из «Гилеля» читают Агоду, всем хорошо и весело, и хочется верить, что никогда больше не будут евреи рабами у разных фараонов! Незаметно летит время, мы пункт за пунктом проходим Агоду, подходит Шулхан Орех... И вот уже выпиты четыре священных бокала, заданы все необходимые вопросы и... никто не устал. Мы поем песни, и каждый говорит об Исходе...

8 апреля после трапезы Анатолий Дорн представляет на суд собравшихся спектакль на тему Исхода. Отличная постановка!.. После Маарива второй сейдер. И опять всем хорошо и весело, ведь за столом собралось много людей, причем такого разного возраста – от 3 до 88 лет! Все мы радостно смотрим друг на друга: мы больше не рабы и принадлежим хоть и к маленькому, но достойному, прекрасному народу...».

Впервые в истории костромской общины праздник не отмечался в синагоге. Ведь в этом году Пейсах наступает сразу после Субботы, и людям трудно, не нарушая традиции, добраться до места проведения праздника. Да и сидя за столом собравшиеся не смотрели на часы, так как их ждали уютные комфортабельные номера в корпусе турбазы, где можно было остаться на ночлег.

«Все это стало возможным благодаря неоценимой помощи ФЕОР, – продолжает А. Ошеров. – Мы очень благодарны Мойше и Леви-Ицхоку за их помощь и огромную работу по подготовке праздника. Мы благодарны “Джойнту”, ребятам из “Гилеля”, которые также внесли большой вклад в проведение праздника. И ничуть не менее мы благодарны членам нашей общины, без их самоотверженной работы ничего бы не вышло: Г.М. Скаржинской, Е.С. Ганцовской, Г.К. Букалову».

Ярко и содержательно прошли пасхальные дни на Украине. Еврейская община здесь многотысячная, и с каждым годом на сейдерах собирается все больше и больше людей, а на еврейской карте празднования Пейсаха появляются новые города. Так, например, в этом году впервые был проведен сейдер в небольшом поселке СОЛЕНОЕ Днепропетровской области: 30 евреев здесь смогли встретить праздник так, как это предписано еврейской традицией. А всего в ДНЕПРОПЕТРОВСКЕ и регионе более пяти тысяч евреев приняли участие только в общественных сейдерах, которые проводились практически во всех еврейских организациях. Усилиями Федерации еврейских общин Украины и Днепропетровской еврейской общины десятки тысяч евреев получили к празднику мацу и кошерный виноградный сок. Члены попечительского совета общины отметили праздник в Хоральной синагоге «Золотая Роза». Но самыми масштабными стали праздники, организованные в еврейской школе «Ор Авнер–Хабад-Любавич», в которых приняли участие свыше 600 человек. Вот что пишет одна из участниц этого сейдера:

«Пасхальный сейдер – праздник семейный. Вся семья собирается вокруг праздничного стола, чтобы услышать рассказ об Исходе и провести праздничную трапезу. Вот уже десятый год приходят днепропетровские евреи в еврейскую школу “Ор Авнер–Хабад-Любавич” на Пейсах. Два вечера подряд в трех празднично убранных залах собирается на пасхальный сейдер еврейская семья. Да еще какая! Ни много, ни мало – 600 человек. И радостно мне, что за столом и маленькие дети – ученики еврейской школы и еврейского детского сада, и пожилые люди, старейшины нашей общины, и мы, люди средних лет, возродившиеся к еврейской жизни вместе с нашей общиной.

Трудно мне сдерживать слезы, когда встречаешься со знакомыми и незнакомыми и испытываешь это удивительное чувство единства со своим народом. На праздничном столе, как полагается, нарядная белая скатерть, маца – и не только обычная, приготовленная на поточной линии, но и специальная – шмура, которая хранит тепло еврейских рук, виноградный сок, кеара со всеми обязательными пасхальными яствами... И для каждого иллюстрированная Агода. Я смотрю на это и благодарю Всевышнего за все чудеса, которые сотворил Он, за то, что с такой любовью помогают нам вспомнить свое еврейство и наша община, и Федерация еврейских общин Украины. За то, что согласно указаниям Любавичского Ребе нет в нашем городе еврея, который не смог бы при желании прийти на праздничный сейдер.

Ведущий начинает рассказ. Как много от него зависит! Как всякий раз по-иному звучит пасхальная Агода! Вели сейдер умудренный жизненным опытом Александр Фридкис, он и в самые тяжелые годы открыто соблюдал еврейские традиции; молодые Мойше и Двора Фурлендер; уважаемый раввин из Кфар-Хабада Яков Слоним и замечательные педагоги еврейской школы. Мария Борисоник уже десятый раз проводит пасхальный сейдер, но каждый раз она испытывает трепетное волнение, каждый раз заново переживает все события Исхода. Обаятельная Анна Каплунская, настоящая “а идише мамэ”, любящая и понимающая и детей, и взрослых, рассказывает об Исходе так, что слезы наворачиваются на глаза, и на самом деле кажется, будто выход из Египта происходит сейчас, именно в эту ночь.

Как жаль, что такой сейдер проходит только в первые две ночи праздника!.. Он подошел к концу, но мы не хотим расходиться. Еще долго звучат праздничные песни. Мы прославляем Всевышнего, благодарим его за все чудеса, которые совершил Он. Мы благодарим и людей, которые с Б-жьей помощью подарили нам праздник. И тех, кто приготовил вкуснейшее угощение, и тех, кто проводил сейдеры и участвовал в их организации – нашу родную общину и Федерацию еврейских общин Украины, и, конечно же, Любавичского Ребе: ведь только усилиями его посланников мы смогли выйти из тьмы духовного рабства, смогли понять, что быть евреем – это значит быть свободным человеком».

На Пейсах по сложившейся уже традиции в пансионате «Сосновый Бор», в пригороде Днепропетровска был устроен лагерь для мальчиков. Его открыли Всемирная детская организация «Цивос Гашем» совместно с Днепропетровской еврейской общиной. В этом году свыше 130 детей со всех регионов Украины смогли провести здесь пасхальную неделю. Приехавшие накануне праздника дети приняли участие в последних этапах подготовки к Пейсаху: все вместе искали хомец и торжественно сожгли его до наступления Субботы.

В первый и второй праздничные вечера прошли пасхальные сейдеры. В лагере ребята узнали много нового о еврейских законах и традициях, смогли познакомиться с еврейской жизнью в разных странах мира, ведь для работы с украинскими детьми приехали вожатые из Англии, Франции, США, Австралии и Южно-Африканской республики.

Ребят ожидала увлекательная и разнообразная программа: поездка на теплоходе по Днепру, экскурсия по еврейским местам Днепропетровска, с посещением гордости еврейской общины Украины – Хоральной синагоги «Золотая Роза», пешие и конные прогулки по окрестностям лагеря.

Пасхальный лагерь посетило немало гостей – и взрослых, и юных. В гости к ребятам приехали более шестидесяти их сверстников, отмечавших пасхальные праздники в подобном лагере под Киевом.

Разнообразные игры, спортивные занятия, песни и беседы по душам до глубокой ночи – все это сделало эти десять дней незабываемыми для каждого ребенка. А ведь многие в еврейском лагере побывали впервые в жизни.

А в ДОНЕЦКЕ в этом году в общественных сейдерах, организованных еврейской общиной, приняли участие около 500 человек.

Празднику предшествовала активная подготовка. За неделю до праздника директор Еврейского общинного центра Михаил Савранский организовал занятия по проведению пасхального сейдера и вручил собравшимся пакеты с мацой, кошерным виноградным соком и специальным руководством по проведению Пейсаха. И многие решили свой первый в жизни сейдер провести дома, в кругу семьи и друзей.

Во время предпасхальной недели в еврейском детском саду была открыта мацепекарня. Детей одели в накрахмаленные белые колпаки и фартуки, выдали скалки, провели инструктаж, и началось... соревнование: у кого маца получится тоньше. Правда, на вкус вышло, как сказал один из участников конкурса Мотя Канельский, «не совсем похоже на мацу из коробочки», то есть ту, что продавалась в синагоге. Зато сколько впечатлений! И главное, навыков и знаний.

В еврейской школе также работала мацепекарня. Заместитель директора по организации младших классов Юлия Вирина рассказывала, что личное участие ребенка в приготовлении мацы заставляет его накрепко выучить рецепт: мука, вода – и чтобы не больше 18 минут до начала выпекания!

По традиции общественное сожжение хомеца состоялось во дворе синагоги, на этот раз утром в пятницу. А за несколько дней до этого члены общины заключали договоры с раввином Пинхасом Вышецким на продажу их хомеца неевреям. В общей сложности за помощью к раввину в этом непростом вопросе обратилось более 100 семей. Среди них был даже один эмигрант – бывший дончанин, приславший доверенность по электронной почте на продажу хомеца.

А началась предпасхальная неделя праздничным концертом, посвященным дню рождения Любавичского Ребе и наступающему празднику Пейсах. С приветственным словом и рассказом о Ребе выступил главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий. Затем ведущая концерта Александра Дыбова, хор мальчиков объединения еврейских общин Донбасса «Пирхей Донецк» (художественный руководитель Евгения Шор, концертмейстер Инна Хитрякова, хореограф Зинаида Зенюк), солисты Саша Зарахович, Лейб Максимов, Сева Табачников, Максим Савенко, а также школьный танцевальный коллектив «Симха» под управлением Ларисы Палагуты сумели по-настоящему порадовать зрителей. Юные артисты пели на иврите и русском, исполняли хасидские танцы. А еще были исполнены композиция из песен, которые поют в Святую Субботу, молитва «Шма, Исроэль», подготовленные с помощью заслуженного деятеля искусств Украины, композитора-оранжировщика Юрия Дерского. Зал пел вместе с артистами...

В детском клубе «Цивос Гашем» во второй день Пейсаха Лея Меламед провела для ребят праздничный сейдер, а мадриха Хана Куц устроила викторину, связанную с

поиском афикомана. Члены же семейного клуба в этот день делились своими впечатлениями о сейдерах, на которых побывали накануне.

Не только в Донецке, но и в 14 городах Донецкой области – везде, где есть общины, евреи собирались, чтобы отпраздновать Пейсах. До начала праздника прошел подготовительный семинар для руководителей и активистов общин, и его участники получили не только подробные рекомендации по проведению сейдера, но и мацу, кошерный виноградный сок и даже денежные средства, необходимые для организации пасхального сейдера. Все это было предоставлено Объединением еврейских общин Донбасса. В трех городах – МАРИУПОЛЕ, МАКЕЕВКЕ и ХАРЦЫЗСКЕ проводить сейдеры помогали гости из Израиля: студенты ешив Леви-Ицхок Вагнер, Арье Липскер, бывшие дончане Нохум Савенчук и Михоэл-Исроэл Урин. Студенты Донецкой ешивы «Томхей-Тмимим» Михоэл-Исроэл Гольдин и Александр-Михоэл Кац вместе с израильтянами провели сейдеры в своих родных городах – Мариуполе и Макеевке.

Подводя итоги праздника, председатель еврейской общины Донецка И. Келерман, координирующий работу в общинах области, отметил, что с каждым годом пасхальные сейдеры собирают все больше и больше евреев.

Праздновали Пейсах не только в крупных промышленных центрах Украины, но и в небольших городах. В еврейской общине ЛИСИЧАНСКА Луганской области пригласительные билеты на пасхальный сейдер были разосланы задолго до праздника. Активное участие в подготовительной работе принимали ученики еврейской воскресной школы. Устроители сейдера постарались создать традиционную праздничную атмосферу. Председатель еврейской религиозной общины сказал Кидуш над бокалом вина... Пожилые люди вспоминали, как когда-то проводили сейдер их родители. Молодежь с интересом слушала рассказ об истории и традициях праздника. После сейдера все приняли участие в шуточной мини-викторине с вручением призов.

Возрождению еврейских традиций в городе община обязана прежде всего раввину Луганска Шолому Гопину.

Вечером 7 апреля около 80 евреев города РУБЕЖНОЕ сели за праздничный стол. Для проведения пасхального сейдера из Израиля приехали молодые посланники Любавичского Ребе Хаим и Аарон. Около 60 человек, которые по разным причинам не смогли участвовать в общинном сейдере, провели праздничный вечер в семье. Все евреи общины были обеспечены мацой и кошерным соком.

Далеко от Украины и России Казахстан, а евреи, которые живут в этой республике, душой и мыслями в праздничные дни были вместе со всеми нами. Сейдеры прошли во многих городах страны.

В этом году к празднику Пейсах при помощи фонда «Ор Авнер» и Ассоциации еврейских общин в бывшую столицу Казахстана АЛМАТЫ поступило 8 тонн израильской мацы. Из Израиля приехали 17 молодых хасидов, которые за два пасхальных вечера провели сейдеры по всей республике, а также в столице Кыргызстана БИШКЕКЕ.

В Алматы в просторных залах нового офиса Ассоциации еврейских общин Казахстана одновременно прошли три сейдера. Президент Ассоциации профессор Лев Иоффе поздравил евреев с праздником Пейсах, а затем уважаемые раввины общины – председатель Ассоциации еврейских общин Казахстана Меир Шейнер, генеральный директор учебно-воспитательного комплекса «Хабад-Любавич–Ор Авнер-Гершуни»

Шевах Златопольский и заместитель директора по еврейскому воспитанию учебно-воспитательного комплекса Зеев Виноградов начали пасхальные сейдеры. В двух сейдерах еврейской общины города приняли участие 500 человек.

Два сейдера впервые были проведены в истории города АКТОБЕ – по всем правилам еврейской традиции. На них собралось 200 человек! Большую помощь в проведении праздника оказали гости из Израиля раввин Меир Холтсберг и его супруга Броха. Они привезли с собой 100 комплектов кошерной посуды, мясо, израильское вино. Кошерные блюда для сейдеров были приготовлены сотрудниками и волонтерами благотворительного общества «Хесэд Сара».

Раввин Меир Холтсберг с супругой были приняты акимом города Актобе Елеусином Сагиндиковым, которого председатель общины Марк Иоффе считает большим другом еврейской общины. Аким рассказал гостям о своем родном городе и подарил им памятные буклеты с видами Актобе.

В одном из лучших городских ресторанов «Золотая Роза» провела пасхальный сейдер еврейская община города АТЫРАУ. Там за праздничным столом собрались около 150 евреев. По традиции женщины зажгли свечи, а затем началось чтение Агады.

Вторая по величине еврейская община Казахстана в городе КАРАГАНДА. На сейдеры, которыми руководили молодые раввины Элиёгу Ландо и Мати Луис, собрались более 100 членов общины.

В КУСТАНАЕ первый и второй сейдеры собрали 200 человек. Руководитель еврейской общины Леонид Кац поздравил евреев города с праздником Пейсах, а затем выступили раввины из Израиля Геннадий Виноградов и Юда Райхман. Перед отъездом домой раввины выступили в эфире местного радио: рассказали о прошедшем празднике, о деятельности Ассоциации еврейских общин Казахстана, благодаря которой состоялась их поездка.

В городе КЫЗЫЛ-ОРДА одна из старейших в Казахстане еврейских общин. Праздник Пейсах здесь отмечается многие годы. На сейдер, который проводил в синагоге ветеран общины Севи Алхезов, пришли 160 человек. В заключение праздничного вечера состоялась викторина для самых младших его участников.

Еврейская община города ЛИСАКОВСКА провела пасхальный сейдер в уютном кафе «Надежда», где собрались 32 человека. Председатель общины, бывший узник гетто Вячеслав Швец поздравил евреев с праздником Пейсах. А накануне он был гостем местной радиостанции, где рассказывал об истории праздника.

Еврейская община города РУДНЫЙ еще молода, но, по словам ее руководителя Ольги Михайловны Рожковой, с каждым днем людей в ней прибывает. На сейдер собрались 40 человек.

В этом году в праздновании Пейсаха приняли участие 106 членов еврейской общины СЕМИПАЛАТИНСКА. Подготовиться к празднику и провести сейдеры здесь помогли молодые хасиды Хабада Ерушиа Рабинович и Яносон Асофер. Они привезли с собой кошерное мясо, вино и другие угощения к празднику. Они же кошеровали посуду, сжигали хомец и руководили застольем. Накануне Пейсаха общину посетили корреспонденты известной республиканской газеты «Голос народа», которая регулярно освещает праздники народов Казахстана.

Возрождается еврейская жизнь и в СТЕПНОГОРСКЕ, одном из центров среднего машиностроения в Казахстане. В первый праздничный вечер в пасхальном сейдере приняли участие 30 человек.

Два сейдера, которые были проведены еврейской общиной города ТАРАЗ, собрали в общей сложности 200 человек. Большую помощь в организации праздника оказали руководитель молодежного клуба Еврейского агентства Яна Антонова и преподаватель иврита Наталия Сенчихина.



Более 100 членов еврейской общины УРАЛЬСКА собрались на сейдере. На праздник были приглашены представители корейской, татарской, немецкой, чеченской и других национальных общин города. Перед началом праздничной церемонии от имени общины ее председатель Ольга Дергачева поздравила с юбилеем Марию Берлянт, которая с первых дней возрождения еврейской жизни в городе принимает активное участие в общественной деятельности. Ветеран общины Ефим Шрайбман рассказал собравшимся о празднике Пейсах на идише. Самые младшие участники сейдера по традиции задали четыре вопроса и исполнили песни. Особенно отличились Олеся Шляхтина и Володя Мачевский.

На пасхальный сейдер в ЧИМКЕНТЕ, третьем по величине городе Казахстана, пришли около 100 человек. Провести кошерный Пейсах еврейской общине помогли молодые раввины Хабада Меир Малов и Дан Езеф.

Несмотря на то что Еврейское общество ЩУЧИНСКА возникло всего около полутора лет назад, здесь стараются проводить праздники по всем законам иудаизма. Сегодня общину возглавляет Рита Жданова, она и стала организатором сейдера, на который собрались 32 человека.



В этом году на праздник Пейсах в гости к еврейской общине ТЕМИРТАУ приехал раввин из Израиля Яков Мизрахи. Он провел в общине сейдер, участниками которого стали 45 человек. «Путь в Темиртау я проделал по железной дороге, –

рассказывает раввин Яков, – и во время поездки “открыл” еще одного еврея. Я разговорился со своим соседом по купе. Когда он узнал, что я из Израиля, то стал задавать много вопросов о еврейских традициях и в конце концов спросил, как у евреев определяется национальность. Я ответил, что по материнской линии. Так выяснилось, что он еврей и живет в Темиртау. Я пригласил его на сейдер. Он пришел и стал членом еврейской общины. Перед Пейсахом я звонил многим евреям, спрашивал, получили ли они мацу, не хотят ли прийти на сейдер. Одна женщина спросила: “Что такое маца?” Я ей объяснил и выразил удивление: неужели она никогда не слышала о маце! “Может быть, и слышала, но не уверена, – сказала женщина, – я хочу на нее посмотреть”. Когда она пришла в центр и увидела мацу, у нее навернулись слезы на глаза. “Я помню, я помню, – говорила она сквозь слезы, – конечно же, это маца, маца из моего детства”».

«Вообще евреи Темиртау пока знают не так много о еврейских традициях, – продолжает раввин Яков Мизрахи, – но, приходя в еврейский центр, они стремятся узнать больше о родной культуре. Сегодня для этого созданы все условия. И за это хочется сказать спасибо фонду “Ор Авнер”, Ассоциации еврейских общин Казахстана и руководителю общины Александру Коршунову».



А теперь с Юго-Востока бывшего СССР перенесемся на Северо-Запад – в Латвию.

Подготовку к празднику Пейсах в РИГЕ центр «Хабад-Любавич» начал заблаговременно. Из Израиля был получен контейнер с кошерными продуктами. Поэтому более 1000 человек из шести городов Латвии смогли отпраздновать Пейсах в соответствии с еврейской традицией. Три тонны мацы были распределены по всей стране, включая маленькие еврейские общины ЛУДЗЕ, КРАСЛАВЫ и ЕКАБПИЛСА. Только в РИГЕ более 750 семей получили праздничные наборы, в которые входили маца, мацемел, овощи, фрукты и пасхальная Агода.



Поздравление президента Латвии Ваиры Вике-Фрейберги.

«Уважаемый раввин Глазман!

Сердечно благодарю за пасхальное приветствие и за мацу. Со своей стороны, также поздравляю Вас и Вашу общину с праздником Пейсах!

Ваира Вике-Фрейберга»

В этом году к Пейсаху на территории бывшего СССР распространено 850 тонн мацы (в прошлом году – 400 тонн).

Четыре пасхальных сейдера было проведено в Риге. Еврейская школа «Хабад-Любавич» организовала сейдер для родственников и друзей. Учащиеся подготовили театральное представление по сюжетам Исхода.

Для участия в пасхальной церемонии в Латвию приехали восемь студентов из американского колледжа раввинов. Они провели сейдеры в ДАУГАВПИЛСЕ, ВЕНТСПИЛСЕ, РЕЗЕКНЕ, ЛИЕПАЕ и ЮРМАЛЕ. Люди, собравшиеся на праздник, не расходились до самого позднего вечера. Евреи пели, веселились и наслаждались атмосферой, которой они были лишены в течение многих лет.

Вернувшись в Ригу, гости из США поделились своими впечатлениями от встреч с людьми. Они рассказывали, как многие пожилые люди заплакали, когда зазвучала старая еврейская песня «Даейну». Некоторые вспоминали пасхальные сейдеры своего детства. Вспомнили и мацу, которую пекли втайне от советских властей...

Дай же Б-г, чтобы слезы наших дорогих дедушек и бабушек, наших родителей, детей и впредь выступали на глазах только от радости! Хочется надеяться, что годы утрат и забвения, мучений и терпения навсегда остались позади, а впереди – созидательный труд, учеба и процветание.

В будущем году в Иерусалиме!

Ī àò áðeáëù ĭ ĭãã ò ĭãëëà Èðëí à Ðàçáĭãà ĭ ĭ éĭ ððáĭĭ ĭ ĭ ááĭ òëÿĭ

Á. Áĭðĭáëĭ à (Áĭ áĭ ðĭ ĭ à ðĭãĭë); Ç. Ī éáĭ éãðà (Áĭ ĭ áöë); Á. ×ãðĭ ĭã (Ðóááëĭ ĭã); Á. Ýðòáĭã ðáĭ, (Èëĭë-áĭĭë); Ī áðáëëĭ Õ., (Áĭ éãã ðáá); Á. Ī ðáðĭãà, (Èĭĭò ðĭ à) è äð



ТРОЙНАЯ ХУПА В МЕОЦе

Это был счастливый день и для тех, кто создавал свою семью по законам Израилевым, а это были три красивых еврейских пары, и для родителей молодоженов, и для всех, кто пришел разделить радость этого торжества, и, скажем без преувеличения, для всех евреев, ибо был это день 11 Нисана 5761 года (1 апреля 2001 года), когда хасиды всего мира отмечали вступление в 100-й год со дня рождения последнего Любавичского Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона.



О значимости этого праздника можно судить хотя бы по тому, что чествовать молодых пришли главный раввин России Берл Лазар, руководитель Московского еврейского общинного центра в Марьиной роще Мордехай Вайсберг, руководитель клуба «Шидух», видный общественный деятель Александр Борода и другие уважаемые люди.

У Ребе было правило: на все еврейские свадьбы, на которые его приглашали, он посылал свои поздравления с благословениями: «Этим письмом я хочу передать свое благословение. В добрый час, в добрый час. И чтобы это был счастливый час, и чтобы построили настоящий дом в Израиле, вечный дом...».

Есть у хасидов предание: на свадьбу из Мира Правды приходят несколько поколений покойных предков новобрачных, Если это так, то свадьбу, о которой наш рассказ, предки новобрачных, безусловно, одобрили. А свадьбу в этот день играли Саша и Аня Траубенберги, Саша и Юлия Бухарцевы, Эдик и Дина Сонины. Уверен, торжество это со всеми замечательными обрядами, сопутствующими еврейскому бракосочетанию, надолго запомнится всем, кто на нем побывал.



Поскольку в этот день венчались три пары, то и раввинов было три: Берл Лазар – главный раввин России, Леви Мондшайн – секретарь раввината, Авроом Беккерман – глава института для девушек.

Для большинства присутствующих на этом торжестве многое было открытием, откровением. Думаю, если бы не годы советской власти с их беспощадным отношением к еврейской традиции, то большинство евреев заключали бы брак по законам Израиля.

Еврейская семья... Об огромном ее значении часто говорил, писал великий Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон: «Некоторые, возможно, скажут, что брак – это контракт, соединяющий двух людей. В то же время мы знаем, что если эти двое не любят друг друга, никакой контракт не в силах удержать их вместе. Возникает вопрос, почему же именно этот мужчина и эта женщина решили стать мужем и женой? Дело в том, что Б-г создал их как одно существо, а затем разделил на две части...».

После такого торжества, какое было у молодоженов 11 Нисана 5761 года, в день рождения Любавичского Ребе, Б-г вряд ли решит снова разделить соединенных. Как учил Ребе, непосредственное соединение мужчины и женщины брак дополняет третьим уровнем – Б-гом, и единство, создаваемое браком, связь между мужчиной, женщиной и Б-гом усиливает союз и любовь в семье.



До этого дня молодожены уже заключили гражданские браки. Я беседовал и с женихами, и с невестами, — все признали: то, что дает родная традиция, вызывает особое чувство. Аня Траубенберг, молодая, красивая, счастливая, рассказала мне, что ровно год назад состоялся ее гражданский брак с Сашей Траубенбергом. Нашли они друг друга благодаря клубу «Шидух» при МЕОЦе. «Но день нашей свадьбы, – добавила она, – мы будем исчислять с сегодняшнего дня».



Все было соблюдено на этой свадьбе, и конечно же разбивали бокал – в память о разрушенном Храме: «Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет моя правая рука. Пусть присохнет язык мой к небу, если я не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалим выше веселья моего». Памятью о еврейской истории было проникнуто все свадебное веселье, что придавало ему особую, незабываемую торжественность.

עִתָּהוֹ נִרְאִינֵהוּ

НОВЫЙ ЦЕНТР БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ ПРИ МЕОЦе

Отличный подарок получили евреи Москвы незадолго до Пейсаха – 20 марта вблизи от МЕОЦа была открыта благотворительная столовая «Хесед Авраам». На ее открытии присутствовали главный раввин России Берл Лазар, немало усилий приложивший для создания этой столовой директор МЕОЦа Мордехай Вайсберг, вновь назначенный представитель «Джойнта» в России Йорам Абарджель (символично, что для него это оказалось первым благотворительным мероприятием в России) и Моше Арель, экс-представитель «Джойнта» в России.





Когда я поздравил М.Вайсберга с этим событием (мне известно, сколько сил он положил на осуществление его), он подвел меня к г-ну Аксельроду и сказал: «Вот главный виновник сегодняшнего торжества, сегодняшнего благодеяния».

Я беседовал и с теми, кто нуждается в этой столовой и ждал с нетерпением ее открытия. Одна пожилая женщина рассказывала: «Вы разве знаете, что делают для нас в Марьиной роще? Я имею здесь не только стол, но и удовольствие беседовать со знакомыми, с которыми встретила и подружилась в здешней синагоге. А мой муж в это время обедает дома: ему привезли обед домой». Позже я узнал, что по разным адресам ежедневно отправляется свыше ста обедов людям, по состоянию здоровья не способным отправляться далеко от дома. И это только начало, столовая будет расширяться.

Самый торжественный момент наступил, когда по еврейской традиции на косяк дверей главный раввин России вместе с Йорамом Абарджелем прибил мезузу. А когда пожилые малоимущие люди стали благодарить за заботу об их нуждах, раввин Берл Лазар сказал: «Делая добро, не надо задумываться о благодарности, ибо если Б-г дает тебе возможность делать добро, за это надо быть Ему благодарным». «Лучше мало говорить, но больше делать», – закончил он свою речь. А стоящий рядом со мной еврей, участник Великой Отечественной войны, награжденный многими орденами и медалями, слушая эти слова, сказал: «А ид – а хухэм» — еврей-умница! Дорогого стоит такая его «отметка» раввину.

Существует три типа добра: полезное, приятное и истинное. 22 марта в новой столовой при МЕОЦе воплотилось все добро, какое только бывает.

Р'дэе І'едііа

ЖИВЫЕ ПЕСНИ МЕСТЕЧЕК

О предстоящем большом празднике на «еврейской улице» в Москве – презентации музыкального альбома «Песни еврейского местечка», которая состоится 13 мая 2001 года в театре Новая опера, уже написано и сказано немало. И все-таки еще далеко не все. И вот о чем хочется рассказать в преддверии этого события.

Одно из главных действующих лиц предстоящего шоу — его художественный руководитель Ефим Александров (Зицерман). Ни в представлениях, ни в рекламе этот популярный артист не нуждается. Его искусство, а это действительно искусство, известно и популярно не только в России, но и во многих странах мира. Е. Александрова одинаково восторженно принимали зрители Москвы и Сиднея, Киева и Бостона... Географию эту

можно значительно расширить, но дело не в этом, а в том, как возникла идея, которая привела Ефима Александрова к подготовке такой программы — «Песни еврейского местечка», вернее, где ее истоки. Оказывается, в настоящем местечке — Бершадь, что в Подолии, откуда родом его родители.



Отец Ефима Александрова – известный журналист и поэт Борис Зицерман, в годы второй мировой войны подростком оказался в бершадском гетто. И, конечно же, это оставило отпечаток, точней рубец на сердце на всю жизнь. Боль пережитого отцом передалась сыну, родившемуся после войны...

Но сначала о Борисе Зицермане.



Однажды в книге «Песни гетто» я прочел в великолепных переводах Наума Гребнева стихи о событиях, очень близких и памятных мне (я тоже был узником бершадского гетто):

Áîëë ääâöü á Áàëàí îâêé

Í á îáüüâöü Áââëâé

Ëââü çââü è äîü..

Ñòâðî ó Áâðîî ó-Ëöá

Í ðëâçâéè áüòü äîçí è öâé...

Í î è äüç:èé, î î è éó:âð

Í à îâîâî äîçó îéðè î:âî

Áîçèò î áðòâüîâ

Áîçè ò ì áðò ááîíá
Í áëáíçà áíî ðàáí ò á,
Î èí óë ÷ áñ è óí áð è òí-òí.
Áíñò í á ñññ: è ò à ò ü
Áíñò í á ñññ: è ò à ò ü
Î í í á è è ä ä ä è ù á á Á á ð á ä è
È ç á á á è ý à ò ñ ý ï ò è è á á è,
À ï ò ò ï ï ÿ ò ù
Ç á á è ð á á ò è è ä ä ï ï ..

Стихи эти меня потрясли и не только потому, что речь в них идет о событиях, которые я помню и, конечно же, никогда не забуду. Я понял, что в Бершади был поэт, настоящий поэт, в стихах сложивший историю бершадского гетто. «Жив ли он сегодня? – подумалось, когда дочитал стихи. – И если жив, то где он? Кто знает?..»

Ответ на эти вопросы пришел неожиданно, как подарок судьбы. Зимой 2001 года я оказался в Израиле — там опубликовали мои воспоминания о бершадском гетто, где цитировались и эти стихи. И вдруг – звонок... Так состоялось мое знакомство с поэтом Борисом Зицерманом — автором тех самых стихов на идише.

Живет он в Израиле в городе Арад, ему уже далеко за 70, но стихи эти, как и многие другие, он прочел мне на идише по-юношески пылко. Я слушал их и глотал слезы, а он всякий раз переспрашивал: «Вы слышите? Почему молчите?» Но я не мог говорить... А потом, когда уже разговорились, выяснилось многое. Борис со свойственным бершадцам юмором сказал мне: «То, что вы не знаете меня, это не удивительно. Я понимаю, что я не Бродский, не Слуцкий... Но как вы можете не знать в Москве моего сына?! Он долго работал с самим Винокуром! Он же не сходит с телеэкранов!..». Что было делать, пришлось развести руками: известного актера по фамилии Зицерман я действительно не знал. «Моего сына зовут Ефим Александров», — не без гордости произнес Борис Зицерман.

А вот что спустя время рассказал мне его сын.

«Когда говорят: все мы родом из детства, то я к этим словам добавляю: “А я из Бершади”. И хотя на самом деле я родился в Западной Украине, где работал мой отец, разговоры о Бершади, о бершадском гетто у нас дома никогда не прекращались. И каждое лето меня туда отправляли, точнее, я сам рвался в те края — к родственникам моей мамы, к друзьям. Сегодня уже трудно себе представить, что еще в начале 70-х годов в Бершади жили одни евреи, все разговаривали на идише, пели еврейские песни. Именно там я впервые услышал песню «Купите койфчен папиросн». Там, на майдане (площадь около синагоги), где собиралось все местечко, я слышал и другие еврейские песни, веселые и грустные. И уже тогда я понял, что песни на идише вошли в мою жизнь навсегда. Вот где начало того большого проекта, который мы осуществляем вместе с Яковом Михайловичем Ашкиназием».



Без сомнения, шоу-презентация музыкального альбома «Песни еврейского местечка» станет значительным явлением в жизни еврейской общины Москвы, да и всей России. Оно стало возможным в значительной мере потому, что проводится под эгидой Федерации еврейских общин России при непосредственном содействии главного раввина России Берла Лазара. Генеральный продюсер проекта Ян Ашкиназий.

Важно назвать и других участников этого праздника. Презентация альбома будет проводиться под патронажем Международного благотворительного фонда Юрия Башмета. Народный артист СССР, лауреат государственных премий СССР, почетный академик Лондонской академии искусств Юрий Башмет примет участие в шоу. Режиссер-постановщик – заслуженный артист России Алексей Гарнизов; художник-постановщик – заслуженный артист России Александр Гримм, звукорежиссер – Геннадий Папин. «VIP» предстоящего мероприятия — это прежде всего Российский государственный симфонический оркестр кинематографии под управлением народного артиста России Сергея Скрипки, академический хор под управлением Людмилы Урман, группа домристов оркестра народных инструментов имени Осипова. В создании диска «Песни еврейских местечек», который, несомненно, станет «золотым», приняли участие лауреаты международных джазовых фестивалей, заслуженные артисты России Игорь Назарук, Алексей Исплатовский, Евгений Баскаков, лауреаты международных джазовых фестивалей Виктор Гусейнов, Валерий Киселев, Владимир Фролов.

В чем отличие предстоящего события от многих других еврейских шоу? В последние годы подобные представления не редки, и не только в Москве, в частности, в Санкт-Петербурге ежегодно проходят конкурсы клейзмеров, и всякий раз это яркое, впечатляющее событие. Известно, что впервые состоявшийся в рамках Второго фестиваля искусств имени Михоэlsa такой конкурс в значительной степени повлиял на возрождение этого национального музыкального жанра в России.

А какой вклад в возвращение еврейской народной песни внес ансамбль «Симха» из Казани под руководством заслуженного артиста Татарстана Леонида Сонца! Многим раньше предпринял попытку, и весьма успешную, возродить еврейскую народную песню Еврейский музыкальный камерный театр, поставивший под руководством М. Глуза (еще в бытность СССР) незабываемый спектакль-концерт «Ломир алэ инейним» — спектакль, который почти два десятилетия не сходил со сцены КЕМТа (кстати, свою артистическую карьеру Ефим Александров начинал именно здесь, его учителями идиша были бывшие актеры ГОСЕТа А. Герцберг и М. Котлярова). «Ломир алэ инейним» стал представлением, в котором актеры и зрители составили единый ансамбль. Сделать после такого шедевра что-то новое, конечно, очень сложно, но постановщики шоу «Песни еврейских местечек», уверен, сумеют.

Несомненно, вечер песен еврейского местечка будет иметь продолжение далеко за пределами Москвы и России, он проводится в рамках подготовки к важной дате в истории евреев: в начале XXI века исполняется 1000 лет языку идиш. Песни будут старинные и созданные совсем недавно, но исполнение их будет новым. Еврейские народные песни, песни еврейского местечка актер Ефимов Александров исполнит в сопровождении симфонического оркестра. Такого еще действительно не было.

В аннотации к будущему диску Юрий Башмет написал: «Народное песенное творчество вообще, а еврейское – в особенности, требует от исполнителей глубокого проникновения в природу народной души, ощущения пережитых явлений, скрупулезного, бережного отношения к первоисточнику... Я уверен, что песни, записанные на этом диске, войдут в сокровищницу народной культуры, но не только как результат бережного сохранения нашего наследия, а еще и как факт превосходно выполненной работы, достойной прекрасных музыкантов, принявших участие в этом проекте».

Заметим, что поскольку Ю. Башмет участвует в осуществлении этого начинания не только как консультант, при всей своей занятости, когда жизнь расписана на много лет вперед, он нашел возможность бывать на репетициях.

Мне повезло – я услышал несколько песен этого диска, когда встречался и беседовал с Е.Александровым и Я.Ашкиназием, и осмелюсь предвосхитить: это действительно чудо, музыкальное чудо — еврейские песни, записанные с большим симфоническим оркестром (120 музыкантов). Песни, звучавшие в течение столетий в местечках Подолии, Галиции, Белоруссии, исполнявшиеся прежде в сопровождении одной скрипочки, изредка – небольшого клейзмерского ансамбля, прозвучат в сопровождении оркестра из самых выдающихся музыкантов современности. Специально для участия в проекте первой скрипкой приглашен концертмейстер оркестра Большого Государственного академического театра Александр Колосов. Аранжировщик – заслуженный деятель искусств России Юрий Якушев.

Прослушав новый диск, я не мог не припомнить легендарных сестер Берри и почти всерьез спросил Ефима Александрова, не покушается ли он на их славу. Вот что он на это ответил.

«Значимость всего сделанного сестрами Берри в возрождении еврейских народных песен переоценить невозможно. Они записали свои песни более сорока лет назад. Тогда была другая техника, другие возможности. Но искусство сестер Бери не стареет. К сожалению, стареют записи. А реставрация не всегда возвращает качество... Дай Б-г, чтобы “Песни еврейского местечка” мы осуществим на уровне сестер Бери. А там, через десятки лет, следующее поколение сделает что-то новое – и так из поколения в поколение, всякий раз на свойственном своему времени исполнительском и техническом уровне, будет продолжаться традиция идишской песни».

Кстати, этот музыкальный диск исполнители посвящают своим и вообще всем еврейским мамам, и, конечно же, на нем записана одна из самых популярных и по сей день песен «Аи идише мамэ» – песня, которую исполняли все великие эстрадные исполнители мира на десятках языков. И таким образом еврейская мама (а идише мамэ) сделалась гимном материнства всей планеты. Прав Ян Ашкиназий, сказав по этому поводу: «Просто еврейские мамы свою великую любовь изливали нам в песнях на идише, на прекрасном языке, который наши замечательные предки не случайно нарекли “мамэ лошн” — материнская речь».

Сказал некогда мудрец Натан бен Нафтали Герц: «Каждый еврей есть певец перед лицом Г-сподним, и каждая буква в Торе – музыкальная нота». Потому мы плачем и поем, смеемся и поем!

יִתְעַבֵּב יְהוָה

ОСМЫСЛЕНИЕ СЛОВ

27 марта в Доме ученых состоялась презентация новой, только что вышедшей книги раввина Адина Штейнзальца «Простые слова». Автор множества книг, на сей раз он написал о повседневных словах, которые люди произносят постоянно всю жизнь, особенно не задумываясь. О таких, например, как «Природа», «Добро», «Семья», «Секс», «Любовь». Он написал и о таком слове, ставшем одним из символов XX века, как «Голливуд» – тоже простое слово.

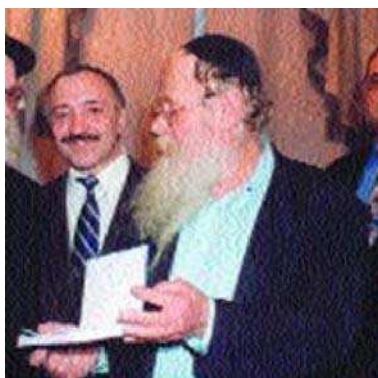


Человек систематического ума, Адин Штейнзальц начинает свою книгу со слова «Слова», раввин, он завершает ее словом «Б-г».

Председательствовал на презентации действительный член Российской академии наук Евгений Велихов, которого связывают с Адином Штейнзальцем давние дружеские отношения. Велихов в решающей мере способствовал открытию в Москве в 1989 году ешивы «Мекор Хаим». Тогда вице-президент Академии наук, вхожий в высшие эшелоны власти, он ходатайствовал об этом на самом высоком уровне. Открытие ешивы (событие по тем временам совершенно беспрецедентное) положило начало присутствию раввина в России.

Адин Штейнзальц посвятил Велихову свои «Простые слова».

Велихов – автор одного из предисловий к этой книге. Другое предисловие написал мэр Москвы Юрий Лужков – текст, который помимо всего прочего свидетельствует об отношении московских властей не только к раввину и его проектам, но и к еврейской общине города.



Первым обратился к собравшимся директор Института изучения иудаизма в СНГ Давид Палант – руководитель проекта издания этой книги. «Одно из “простых слов”, которое рассматривает в своей книге Адин Штейнзальц, – сказал Палант, – это “Дружба”. Дружба привела в этот зал людей разных национальностей, исповедующих разные религии или вообще нерелигиозных. Эта книга, адресованная всем им, сама по себе становится фактором взаимопонимания и дружбы между народами и отдельными людьми».

Среди выступавших были посол Государства Израиль в России Натан Мерон, министр правительства Москвы Кемер Норкин, заместитель руководителя аппарата комитета Государственной Думы и Федерального Собрания по национальной политике Павел Кисс, заместитель председателя Консультативного совета по делам национально-культурных автономий при правительстве Российской Федерации Александр Руденко-Десняк, ответственный секретарь отдела внешних церковных сношений Русской Православной Церкви отец Всеволод Чаплин, сопредседатель духовно-культурного диалога «Лицом к лицу» и председатель совета межрелигиозного диалога «Экклесия» Федор Шелов-Коведяев и другие. Это вовсе не были протокольные формальные выступления: ведь «простые слова», о которых идет речь, оказываются в то же время и самыми важными – это слова каждого из нас, слова посредством которых мы выстраиваем свое понимание мира, свою жизненную позицию. Выступления перекликались друг с другом, возникали микродиалоги, микродискуссии о простых (или не таких уж простых?) словах, попавших и не попавших в книгу раввина.



Посол Государства Израиль в РФ Натан Мерон.

Скажем, такое слово из не вошедших в книгу, как «Справедливость». Кемер Норкин назвал его одним из опаснейших слов, сотрясающих мир. А вот слово «Зависть» в книгу вошло. Академик Велихов так связал их, процитировав своего учителя – покойного академика Леонтовича. Тот говорил: «Справедливость – это осуществленная зависть».

Естественно, выступил и сам Адин Штейнзальц. «В своей книге, – сказал он, – я попытался малость очистить слова от пыли, грязи и ржавчины. Глядишь, они вдруг обретут новые значения, границы понятий станут четче, а их содержание глубже».



Академик Евгений Велихов.

Мне хотелось бы завершить свой краткий рассказ о презентации книги «Простые слова» простыми словами Шелова-Коведяева. «Было бы неплохо переиздать эту книгу массовым тиражом, чтобы она стала книгой для всех, книгой для школьников».

По-моему, отличная мысль!

Ī ēōāēē Āīōāēēē

ТРИО «КОЗМИЛЁДИЯ»

Сначала расшифруем это довольно-таки необычное название. Ни в одном словаре, уверяю вас, такого слова нет. КОЗ – Козловский, МИ – Михоэлс, ЛЁДЯ – так ласково называли друзья Утесова. Историю этого синтезированного неологизма, или аббревиатуры, мне еще в конце 80-х годов поведал Иван Семенович Козловский. Рассказывал с упоением. Я записывал на диктофон, а он иногда говорил: «Это не записывайте, это – между нами». Спустя много лет я решил рассказать эту историю поподробнее.



И.С. Козловский и С.М. Михоэлс

Михоэлс, Утесов и Козловский все как один родились в марте (16, 21 и 24), причем с разницей в пять лет. Было время, когда в среде московских актеров существовала традиция собирать родившихся в одном месяце и устраивать по этому

поводу праздник с непринужденным застольем, остроумнейшими «капустниками» — так, «для себя», а не «на публику». В Москве такие праздники отмечали в уютном Центральном доме работников искусств, «у Домового» — так называли директора ЦДРИ Б.М. Филиппова. Следуя суеверию (артисты, как известно, народ суеверный), запрещающему справлять день рождения до срока, собирались в конце месяца, выбрав день самого «позднего» именинника.

Последний раз, как вспоминал Иван Семенович Козловский, их троица собралась на «Капустник» в апреле 1947 года. Никто тогда не мог предположить, что эта встреча их — последняя. Иван Семенович вспоминал, как отмечали они этот день в 1945-м, когда Утесову исполнилось 50, а у двух других из «трио» даты были полукруглые — Михоэлсу исполнилось 55, а Козловскому — на десять лет меньше. Все они в тот день были счастливы. Скорая победа над фашизмом не вызывала сомнений, а с ней они связывали радостные надежды на будущее. На этом празднике Михаил Аркадьевич Светлов, человек, знаменитый не только своими стихами, но и тонким юмором, произнес такие слова: «Глубоко ошибаются те, кто утверждает, что гений рождается раз в столетие. Во всяком случае, это не относится к нашей стране. У нас гении рождаются раз в пятилетку! Свидетельством тому наши сегодняшние именинники!..».

Кстати, этот рассказ Ивана Семеновича напомнил мне о Светлове такую историю. Однажды после спектакля «Король Лир» он появился в уборной Михоэлса. Не многие из оказавшихся рядом с Михоэлсом обрадовались ему. На столе стояла еще не начатая бутылка водки. «Я так и знал, — сказал Михаил Аркадьевич Светлов, — что вы без меня не можете даже выпить бутылку». На что Михоэлс отвечал: «Мы ждали вас и вашего тоста». «Но сегодня мой тост не будет коротким», — заметил Светлов. И, приподняв рюмку, начал: «Мой дед внушал мне, что мудрым может быть человек только легкомысленный. Я уверен, что к такому гениальному заключению он пришел не сам — наверное, где-то его вычитал. Но я с этой мыслью согласен и хочу подтвердить ее легендой о некоем Шауле. В конце XVI века из Италии в Польшу (подумайте, какое легкомыслие!), кажется в Брест-Литовский, переехал обычный еврей по имени Шауль (я думаю, что Шауляй назван не только в честь него!). Так вот, он был так умен и удачлив, что король Польши присвоил ему звание “Слуга короля”. Существует предание, что после смерти монарха на престол было много претендентов. И кого, вы думаете, избрали?.. Не улыбайтесь так насмешливо, Соломон Михайлович! Целую ночь королем Польши был талмудист. Да, да! И лишь наутро королем избрали какого-то шведского принца, сохранявшего за собой трон почти 50 лет. Так вот, я хочу пожелать вам, Соломон Михайлович, чтобы вы были нашим королем столько же лет. И чтобы никто не имел повода повторить пословицу, которую так часто произносил мой дед: “Счастье длится меньше, чем царствование Шауля, а несчастье продолжительнее, чем диаспора”».



Л.О. Утесов

Но вернемся на Брюсовский, где жил Иван Семенович Козловский. Однажды, вспоминая о трио Козмилёдия (трио, потому что ежегодно на дне рождения Михоэлс, Утесов и Козловский пели одну и ту же песню, исполняя ее по куплетно на трех языках: Михоэлс – на еврейском, Утесов – на русском, Козловский – на украинском, а четвертый куплет пели вместе — на русском), Иван Семенович посетовал:

«Как жаль, что никто не записал нас на магнитофон. Тогда и в голову никому не приходило, что в марте 1947 года наше трио выступило в последний раз. Я сейчас вспоминаю нашего постоянного “дирижера”. Это был великий еврейский артист Вениамин Львович Зускин... Вы не смотрели “Короля Лира” в ГОСЕТе?.. Да, ведь вы еще молодой! Когда шумел этот спектакль в Москве, вас еще не было на свете. Так вот Зускин в “Лире” играл шута. Гениально, понимаете – гениально! Когда думаю о его трагической гибели, ужас и дрожь меня охватывают...»

Я видел его незадолго до смерти. Было это, кажется, в 1948 году. В синагоге в центре Москвы отмечался какой-то праздник. Пел в тот день Александрович. Народу было очень много, еще больше – в переулке, у синагоги. Рядом со мной сидел Утесов. Неподалеку я увидел Зускина. Лицо его было темно-серое, обреченность во взгляде. Он был страшнее, чем в день похорон Соломона Михайловича Михоэлса. Что вскоре произошло – вы знаете...».

Этот рассказ Ивана Семеновича Козловского мне напомнил встречу с другим участником «Козмилёдии» – с Леонидом Осиповичем Утесовым и его рассказ о последней встрече с Михоэлсом осенью 1947 года. Вот что он рассказал:

«Это было в ЦДРИ, кажется на юбилее Б. Филиппова. Михоэлс жаловался мне, что даже на “Фрейлехс” (один из самых популярных спектаклей, поставленных ГОСЕТОм после войны. – М.Г.) не все билеты продаются. Глаза Михоэлса были какие-то печальные, скорбные. Я чувствовал, что он хочет сказать мне что-то очень важное для себя.

Мы медленно прогуливались по Тверскому бульвару и, заметив свободную скамейку, не сговариваясь, сели. Михоэлс так смачно закурил, что я даже позавидовал ему. А потом, как бы не обращая внимания на меня, он сказал:

– Знаешь, Лёдя (давно он меня так не называл!), о чем я часто думаю в последнее время? О наших предках. В очень трудные для них времена средневековья, когда костры инквизиции могли окончательно выжечь из сознания наши древние заветы, они не тешили себя тем, как “легко на сердце от песни веселой”. Принуждаемые тиранами переходить в другую веру, они формально принимали ее, а ночами в тайниках молили Бога о прощении этого страшного, но вынужденного греха...».



М.А. Светлов

Михоэлс рассказал Утесову о том, как работает над ролью Реубейни в спектакле по пьесе Давида Бергельсона, а, прощаясь, почему-то сказал: «Наши предки были умнее нас, если много веков тому назад были уверены в том, что все воздастся».

Сегодня уже нет никого из тех, о ком я рассказываю. Но 19 апреля, в день Катастрофы и героизма, мы вспоминаем не только о жертвах геноцида второй мировой войны. Жертвы сталинского террора по какой-то внутренней логике продолжают этот список безвинных мучеников. А среди них Михоэлс, Зускин и многие, многие другие...

Вечная и добрая им память!

יְיָ אֱלֹהֵינוּ

О НЕМ НЕ СКАЗАНО В РЕЭ

К 50-летию Зеева Вагнера

Если вы хотите узнать, кто есть кто в мире российского еврейства, откройте один из томов Российской еврейской энциклопедии и среди тысяч персоналий РЕЭ непременно обнаружите статью о нужном человеке. Тем не менее есть, по крайней мере, один еврей, хорошо известный и в России, и в Израиле, и в Америке, а статьи, посвященной этому замечательному человеку, вы так и не найдете в РЕЭ, хотя его фамилию можно прочесть на титульном листе каждого тома. Человек этот – заместитель главного редактора и председатель редакционного совета РЕЭ Зеев Вагнер, чье имя и колоритная библейская внешность уже стали как бы олицетворением настоящего энциклопедического издания.



Этой весной у Зеева Вагнера сразу два юбилея: 31 мая ему исполняется 50, а в начале весны, накануне праздника Пурим, он отметил 25-летие своей жизни в Эрец Исроэль. Полвека на земле и полжизни – на Святой Земле!

Работа по изданию энциклопедии занимает сегодня главное место в жизни Зеева Вагнера. Однако на его жизненном пути было много дел, не уступающих по значимости нынешнему. И замечательные даты, которые он в этом году отмечает, хороший повод вспомнить о пройденном пути.

С малых лет Зеев знал, что он еврей, а к десяти годам сам открыл для себя Б-га. Те, кто знал его в юности, рассказывают, что он не только соблюдал мицвой (что было по тем временам не просто), но и отличался особым, еврейским, складом ума, еврейским взглядом на вещи. Наверное, потому-то студент четвертого курса и не потерял присутствия духа и не отчаялся, когда угодил в «отказ» и был исключен из института.

Всегда жизнерадостный, энергичный Зеев жадно впитывал знания, уже в юные годы он по крупицам собирал малодоступные сведения о жизни русского еврейства, был известен как знаток и любитель книги. Вопреки довольно распространенному в те годы представлению о людях, ведущих религиозный образ жизни, как об отрешенных от внешнего мира, Зеев был широко эрудированным молодым человеком, одним из ярких представителей русско-еврейского юношества начала 70-х годов. Он готовился к активной жизни на земле предков и мечтал об учебе в ешиве.

Кстати, в конце 70-х Вагнер сам станет организатором знаменитого колеля ШАМИРа – ешивы Союза религиозной еврейской интеллигенции из СССР и Восточной Европы в Израиле, а также главным редактором уникального еврейского теологического альманаха на русском языке «Возрождение», членом редколлегии журналов «Народ и Земля» и «Израиль сегодня» – первых информационных изданий для евреев, проживавших в Советском Союзе...

А пока «отказ». Участие Зеева Вагнера в еврейском подполье не могло ускользнуть от вездесущего КГБ. Пару раз его даже пытались «урезонить» при помощи «психушки». Но евреи, слава Б-гу, крепкий материал. Вот уж где пригодилось Зееву национальное упорство, а вернее сказать, упорство.

Находясь в «отказе», Зеев организовал семинар по изучению Торы для «еврейских сирот» – так называли молодых людей, родители которых выехали в Израиль, а они сами сидели в «отказе» из-за того, что служили в Советской Армии. Весной 1975 года Вагнер вошел в группу создателей легендарного самиздатовского журнала «Тарбут» («Культура»), который в сотнях машинописных экземплярах нелегально расходился по просторам СССР, пробуждая национальное самосознание евреев.

Слежка, обыски, допросы – все это выпало на долю тех, кто избирал тогда такой путь.

Когда зимой 1975–1976 годов власть предрержащие решили избавиться от самых активных еврейских «самиздатчиков» и наконец дали им разрешение покинуть СССР, Зеев ни минуты не раздумывал о выборе страны проживания. Он был убежденным сионистом и хорошо знал, что сытый ли, голодный ли галут (изгнание) – он и есть галут. 3 адара 5736 года — дата эта в семье, конечно, историческая — Зеев Вагнер с женой Ириной и маленькой дочкой Мирьям улетел в Израиль.

Легендарная со времен Праотцев своим плодородием Земля Израиля!.. Один за другим в семье Вагнеров появились на свет еще шестеро детей – три мальчика и три девочки! Старшая Мирьям всегда была хорошей помощницей маме. Сегодня она сама уже мать двоих детей. А двое сыновей Зеева стали раввинами: старший, Арон, черноволосый красавец-богатырь, основательный и надежный – директор еврейской общины Донбасса, средний, Беньямин, брату подстать, главный раввин Красноярска. В этот Пейсах и младший сын Зеева, Леви-Ицхак, приехал на Украину, чтобы помогать евреям в проведении кошерного праздника (кстати, родители Зеева родом с Украины). Видно, и он пойдет по стопам братьев. Такое это семейство, Вагнеры!

Через два года, в 2003-м, у члена совета директоров Союза религиозной еврейской интеллигенции из СССР и Восточной Европы в Израиле, заместителя главного редактора РЕЭ Зеева Вагнера будет еще один юбилей – 15 лет возобновления его работы в России. Получив от Любавичского Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона благословение на работу по возрождению еврейской жизни в России, Вагнер вместе с Хаимом-Ароном

Файгенбаумом и Михаилом Гринбергом наладил в Москве массовый выпуск литературы по иудаике на русском языке. Наконец-то в стране тоталитаризма и государственного антисемитизма были изданы сидур (молитвенник) «Тегилат Ташем» на иврите и русском, один из наиболее значительных трудов в области иудаизма и еврейской философии «Кузари» Иегуды Галеви, «Роза о тринадцати лепестках» и «Библейские образы» раввина Адина Штейнзальца, а также многие и многие другие книги, о каких здесь прежде могли только мечтать, да и то лишь самые смелые. За два года увидели свет книги пятнадцати наименований! Тиражи их были таковы, что литературу по иудаике, еще недавно подлежащую изъятию и аресту, стало возможным свободно купить в крупнейших книжных магазинах Москвы.

Столько всего было сделано в короткие сроки!

А с 1993 года уже началась подготовка к осуществлению российско-израильского проекта по изданию РЕЭ, и Зеев Вагнер, некогда исключенный из Плехановского института за неистребимое желание быть евреем, стал иностранным членом РАЕН.

Сегодня на книжных полках еврейских магазинов и во многих еврейских домах стоят первые четыре тома Российской еврейской энциклопедии, готов к сдаче в печать последний, третий том персоналий на английском языке.

...Что такое 50 лет? Лучшая в жизни пора, когда есть силы, опыт, признание, а до отпущенных 120-ти куда как дальше, чем осталось за плечами...

Поздравляем Зеева Вагнера, его маму Ревекку (Римму Иосифовну, урожденную Вайсберг, теперь тоже проживающую в Израиле) и все семейство Вагнеров с замечательными юбилеями. Да будет как можно больше таких людей на Земле Израиля! Лехаим!

בְּיָמֵינוּ אֵין אֵין «עֵינֵינוּ»

Я НАВСЕГДА ПОЛЮБИЛ ТЕВЬЕ...

Об одной роли Михаила Ульянова

Актеров нередко называют лицедеями. Думаю, что синонимами эти слова все же не являются, хотя нередко случается, что в словаре они пишутся через запятую. Кто-то сказал, что актер – это не профессия, а диагноз. Известно, что когда к Раневской обращались с просьбой – такое случалось нередко – помочь стать актером, она отвечала примерно так: «Если поможет Б-г, я его в этом поддержу». Даже не очень-то верующая Раневская полагала, что актер – профессия от Б-га. Однажды она сказала Михоэлсу: «Соломон Михайлович, в вас живет Б-г...». На что Михоэлс со свойственной ему иронией ответил: «Если так, то Он в меня сослан». И на мой взгляд, это безусловно, что истинный актер – только от Б-га.



Когда я думаю об искусстве Михаила Ульянова, в особенности о первых его работах в кино («Добровольцы», «Битва в пути», где он убедительно и талантливо сыграл роль инженера Бахирева, «Председатель» – роль Трубникова в фильме одна из самых потрясающих и запоминающихся в истории советского кино), то прихожу к выводу, что истинный актер, большой актер – явление исторического масштаба. Сыгранная этим великим русским артистом роль Тевье-молочника в одноименном телефильме Сергея Евлахишвили – одна из самых впечатляющих и в галерее представленных им героев, и среди тех, кто когда-либо брался воплотить образ Тевье. А надо сказать, что роль эту в истории мирового театра и кино играли многие первоклассные актеры. Не буду

перечислять их имена. Что же касается Михаила Ульянова, то здесь уместно процитировать слова знатока культуры на идише поэта Арона Вергелиса:

«Я всегда думаю о русском человеке, о его бесконечно доброй душе. Да, и на протяжении некоторого времени имеет место бум в еврейской теме в русском театре, и не только в русском – в украинском тоже. И у истока такого поветрия стоит не кто другой, как Ульянов. Играет он так, будто родился и вырос в местечке...».

Я знаю, что после показа телефильма «Тевье-молочник» много восторженных писем приходило в редакции разных газет, и почти в каждом из них задавался по-разному сформулированный один и тот же вопрос: «Скажите правду, Ульянов – еврей или нет?» Много лет спустя после премьеры телефильма «Тевье-молочник» мне выпало счастье беседовать с Михаилом Александровичем. В первые минуты нашей встречи я не мог не объяснить в любви к его искусству. Я благодарен ему и за то, что он читал по радио отрывки из моей книги «Семь свечей». Его выступление в концертном зале «Россия» на вечере памяти Соломона Михоэлса, где он блистательно исполнил отрывок из поэмы Переца Маркиша «Михоэлсу – неугасимый светильник», незабываемо. Когда он прочел строки:

*«Oañoü i eëëëííîâ æáðòâ íí òú
è ì áðòâúé ñí îã
Ñò àòü èñëóíëáí èáí èõ ÷ áñòè,
èõ ñò ðáááí èé.
Óú áñé çáí èá oáúðí èë èðíâáúé ñáíé
óí ðáé,
Í íæáí óá í à ñí ááñ, ì æe í ááñ ðáëúõ
çááí èé.
Ðáéé òá:áò í á:áëü Í í à ñéíðáèò
ááç ñéíá
Ê ò ááá èääò í áðíá ñí ííñëááí èì
öáëíááí úüí .
Oañoü i eëëëííîâ æáðòâ èç ýí,
èç ñí ðááí úõ ðáíá
Ñ æèáúí è çáíáí í òááý íí:òýò
ì íë:áí úüí ...»*

– весь огромный зал поднялся: слова «Прошу почтить память...» были уже не нужны. И слезы были у многих на глазах.

Когда мы беседовали с Михаилом Александровичем о фильме «Тевье-молочник», я напомнил ему об этом эпизоде, а он, задумавшись, сказал: «Мне казалось тогда, что не я, а Тевье вышел на поклон к Михоэлсу».

Моя встреча с Михаилом Ульяновым состоялась 15 февраля в его кабинете в театре имени Вахтангова. В самом начале ее Ульянов рассказал:

– После фильма «Тевье-молочник», показанного по телевидению, я получил много, очень много писем. Одно из них было очень интересное. Оно заканчивалось словами: «Если Вы – еврей, то ясно. Если русский – непонятно».

Так думали не только евреи. Один из наших актеров, узнав, что я взялся за роль Тевье, подошел ко мне со словами: «Говорят, ты согласился сниматься в “Тевье-молочнике”. Ты подумай...». А что тут думать? Я же играю Ричарда III – англичанина, я играю Наполеона – француза, я играю Карамазова – русского и что, что я играю Тевье-молочника – еврея? Что от этого меняется? Ничего.

Я не говорю о тех, непреодолимых до сих пор, трудностях, которые с годами становятся то глубже – я имею ввиду проблему антисемитизма – то затухают. Но вы знаете, кроме этого разговора, я ни одного звука больше не слышал в подтверждение тревожных мыслей моего товарища по работе.

Да, я получил много писем. Но вы знаете, самое интересное, что письма в основном присылали пожилые женщины. Почему? Потому что, так я подумал, этот фильм напомнил им молодость. Далекую-далекую молодость. И трясущимися руками были написаны эти письма. Я за занятостью, за суетой, ответил далеко не на все. Но если наша беседа будет опубликована и мои корреспонденты еще живы и прочтут ее, пусть знают, что я благодарен им за каждое слово в этих письмах.

Случилось так, что день премьеры на телевидении фильма «Тевье-молочник» совпал с захоронением праха Анастасии Павловны Потоцкой-Михоэлс согласно ее завещанию в могилу Соломона Михайловича. В тот день на кладбище Донского крематория около надгробья Михоэлса собрались близкие Анастасии Павловне люди. Поэт Моисей Цетлин прочел замечательные стихи, написанные еще к ее семидесятилетию. Там же, у могилы, Лев Михайлович Напельбаум, сын известного художника, сказал: «Я не видел Михоэлса в роли Лира, но Тевье он сыграл гениально». Вдруг кто-то из посторонних, оказавшихся тут же, спросил: «Ваше это мероприятие посвящено сегодняшнему показу по телевидению “Тевье-молочника”?». О том, что фильм демонстрировался именно в этот день, я (думаю, что и остальные) услышал впервые. Что снимается такой фильм с Ульяновым в главной роли, я знал от Майи Иосифовны Туровской, но работа над ним не афишировалась, наоборот, чуть ли не держалась в секрете...



С. Михоэлс в роли Тевье-молочника.



М. Ульянов в роли Тевье-молочника.

В тот же вечер я посмотрел этот фильм. Ульянов-Тевье – потрясение. Вскоре после премьеры фильма Михаил Александрович побывал в журнале «Советиш Геймланд». Вот что сказал он там:

– Актер стремится выразить свое миропонимание, дать творческий выход накопившимся мыслям и чувствам. И если он видит, что предлагаемая ему роль предоставляет для этого счастливую возможность, то считает ее для себя необходимой. Больше того, только за такие роли он и должен браться, если не хочет остаться равнодушным и тем самым обречь себя на неуспех. И когда режиссер Сергей Сергеевич Евлахишвили предложил мне роль Тевье-молочника, я сразу согласился. Прежде всего именно поэтому. Несмотря на то, что некоторым моим коллегам по искусству казалось, будто роль эта совершенно не подходит мне по амплуа. А между тем в знаменитой книге Шолом-Алейхема национальное неизменно ведет к общечеловеческому.

Работая над спектаклем, наш коллектив, конечно же советовался со знающими людьми по поводу разных подробностей, касающихся быта и этнографии, однако мы не ограничивали себя национальным колоритом, не сводили показ еврейской жизни к копированию жанровых сцен, отказались мы также от соблазнительного подшучивания и хохмачества, как иногда некоторые представляют себе шаржированный еврейский анекдот...

Здесь мне вспоминаются беседы с другом и соратником С.М. Михоэлса Соломоном Моисеевичем Беленьким. Он был консультантом при постановке этого фильма и рассказывал мне: «Вы не представляете себе благородство и такт, с которым подошел Ульянов к работе над ролью Тевье. Он сразу отказался от мысли играть Тевье как местечкового хохмача или мудреца. Михаил Александрович – человек по-настоящему культурный, знающий и еврейскую историю, и книги Шолом-Алейхема гораздо глубже, чем я мог себе это представить. На одной из репетиций я сказал ему: «Михаил Александрович, по-моему уже вы можете быть моим консультантом, а не я вашим».

А теперь вернемся к моей беседе с Ульяновым.

– Что привело вас к этой роли в то непростое время, ведь перестройки еще не было?

– Ничего особого. Я не считаю, что совершил нечто необыкновенное, тем более героическое. В актерской судьбе случай – это порой подарок судьбы. Мой сотоварищ, с которым мы учились в театральном училище, Сергей Евлахишвили стал известным телевизионным режиссером и, взявшись за эту работу, предложил мне роль Тевье, потому что был уверен, что я смогу с ней справиться.

– Знали ли вы что-то об исполнении этой роли Михоэлсом?

– Безусловно, я знал всю эту историю. Много мне рассказывал Моисей Соломонович Беленький, да и самого Михоэlsa я видел один раз. Мы разговаривали с моим учителем в Щукинском театральном училище. И в это время по коридору шел Михоэлс – шел с каким-то человеком, разговаривал. Развивались волосы, развивалось пальто. Так и запомнился мне.

Он был в те годы страшно популярен: входил в Антифашистский комитет, собирал деньги в Америке. Я все это знаю.

– Почему именно тогда, в начале 80-х годов, режиссер Евлахишвили взялся за этот фильм?

– Вы ведь помните те годы: ощущение какого-то невнятного будущего, страх за детей... Часто опускались руки, рождалась неуверенность...

Представьте себе, что к телевизору садится зритель в таком настроении. И ему показывают историю очень печальную, очень сложную – про человека, которому так непросто разрешать проблемы, возникшие в его жизни. И у самого зрителя хватает проблем, ему так непросто понять, в чем разница между русскими, украинцами, немцами, евреями и еще очень-очень много чего. И вот перед ним – Тевье-молочник, простой человек, который мудро понимает, что есть жизнь. В своих беседах с Б-гом он беседует с самой жизнью. Он благодарен ей за то, что сегодня заработает на молоке больше, чем вчера. Он благословляет жизнь со всеми ее муками и трудностями. И не сдаётся.

Бывает, что он плачет. И все же благословляет жизнь. Он прожил долгие годы, и в нем осталось чувство любви. Короче говоря, это счастливый человек: он живет в гармонии с миром. Он живет, принимая жизнь такой, какая она есть. И благословляет ее за то, что она ему дана.

Можно подойти по-разному к жизни. Можно утопить себя в вине либо в злобе, либо в отчаянии, либо еще в каких-то страстях. А можно жить так, как Тевье-молочник. Ему трудно, но он счастлив, что живет на этом свете. Поэтому «Тевье-молочник» Шолом-Алейхема – великое произведение. Образ Тевье – это образ философа, крестьянина-философа, человека, который очень хорошо знает жизнь. Он реалист. Он понимает, что все богатство с собой не унесешь. И если ты несчастлив тут, в этом мире, но не потеряешь надежду, веру в лучшее, жизнь не напрасна. Я бы сказал, что в этом смысле Тевье почти прагматик. Он верит в жизнь земную. Если хотите, надежда – это и есть черта еврейского народа...

Здесь я вынужден прервать интервью уважаемого Михаила Александровича ради своей ремарки. Меня восхищает его понимание, наверное, интуитивное, еврейского народа. Знает ли он, что гимн современного Израиля называется «А-тиква» – надежда? Знакомы ли ему слова французского историка Ренана? Прочитую их: «Что за странный народ, поистине поразительный в своих противоречиях!.. Они дали человеку надежду на Небесное Царство, и в то же время все их мудрецы учат, что отдаваться следует именно земле...».

Ульянов продолжал:

– Среди евреев много очень хороших музыкантов. Есть такая байка: если ты будешь прислушиваться только к погрому, то не услышишь звучания скрипки... Евреи повсюду возили с собой этот инструмент, чтобы всегда их сопровождала музыка. Поэтому лучшие скрипачи в мире были евреи. Но жизнь заставляла их не только играть на скрипке, но и размышлять, философствовать. Такие, как Тевье-молочник, знали цену всему, они понимали, что лучшее на земле – любовь, дети, работа...

– **Елизавета Моисеевна Абдулова не однажды видела Михоэлса в роли Тевье. Я видел слезы на ее глазах, когда она смотрела фильм с вами в этой роли. Она сказала, что вы – первый актер после Михоэлса, который был настоящим Тевье, не только киношным, но таким, каких она видела и знала в детстве, живя на Украине.**

– Спасибо. Вы знаете, как много значит для актера мнение зрителей, тем более из актерской среды.

А вот отрывок из статьи В. Каверина «Два артиста»: «Я редко смотрю телевизор. Но когда был объявлен «Тевье-молочник» Шолом-Алейхема с Михаилом Ульяновым в главной роли, я с нетерпением стал поджидать этот спектакль.

У Ульянова разносторонний и глубокий талант. Но справится ли он с этой, казалось бы, далекой от него ролью?

Этот вопрос, естественно, напомнил мне Михоэлса... Тот спектакль, который я видел по телевизору, – очень хорош. Прекрасно играет Михаил Александрович Ульянов. Я бы сказал, играет с необыкновенным тактом и (как это сделал бы Михоэлс) играет прежде всего характер... Весь спектакль построен совершенно независимо от того, каким поставил бы его Михоэлс, а между тем он производит не меньшее впечатление...

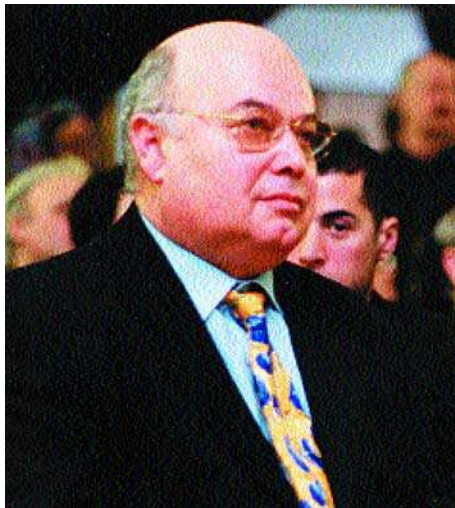
На старости лет я чувствую: как было бы хорошо снова услышать из уст Михоэлса речь Тевье-молочника! Но Ульянов дал мне полную компенсацию этого желания».

И добавлю от себя: блистательно сыгранной ролью Тевье-молочника Михаил Ульянов словно воздвиг памятник и Шолом-Алейхему, и Михоэлсу.

Бывают ли поступки благороднее этого?!.

ВСЕ МЫ – ОДНА СЕМЬЯ

По просьбе редакции с Генеральным директором Еврейского агентства в России Каролом Унгаром беседует писатель Владимир Познанский.



– Я знаю, вы родились в 1946 году в Трансильвании. Эта историческая область, повидав немало завоевателей, после второй мировой войны была окончательно закреплена за Румынией.

– До этого она входила в состав Венгрии, и я хорошо знаю и румынский, и венгерский языки, даже лучше, чем идиш и русский.

– Кто бы ни хозяйничал в Трансильвании, евреям на этой благодатной земле, как известно, все века приходилось несладко. Кажется, и вашей семье пришлось там пережить тяжелый период?

– Коммунисты стремились утвердить в стране примитивную форму интернационализма, обусловленную нивелированием национальных традиций и национальной культуры. Но я всегда ощущал себя евреем. Наша семья была очень религиозна. Я учился в средней школе, одновременно – в хедере. Школьные товарищи привыкли, что по субботам я не притрагиваюсь к перу и бумаге. Дома на столе была только кошерная пища.

Когда родители официально заявили о намерении уехать в Израиль, отца немедленно выкинули с работы, а меня – из пионеров. Как предателей Родины. Я на всю жизнь запомнил, как во время урока латыни в классе появился комсомольский вожак и по бумажке прочитал «приговор»: Карол Унгар изменил социалистической Румынии и пожелал жить в капиталистическом Израиле, а потому не достоин звания пионера. Гневным жестом, каким срывают с разжалованного офицера погоны, функционер сдернул с моей шеи пионерский галстук и знак звеньевского с рукава. Я чувствовал себя загнанным в клетку зверьком, которого показывают окружающим как опасного хищника, и был фактически лишен общения со школьными товарищами.

Наследники сигуранцы (тайной политической полиции, прекратившей существование вместе с нацизмом. – В.П.) измывались над нами: оставив фактически без

средств к существованию, не давали разрешения на выезд. Отец, бывший директор завода, работал шофером.

– Когда же, наконец, удалось выехать в Израиль?

– Спустя семь лет после подачи заявления на выезд, в 1964 году. Когда я готовился к выпускным экзаменам в школе, мы вдруг получили предписание в течение двух недель покинуть территорию Румынии и с большой радостью это сделали. В результате я уехал даже без аттестата зрелости. В кибуце выучил иврит, работал грузчиком на стройке, а через год пошел в армию. Там я получил возможность подготовиться к экзаменам на аттестат зрелости и успешно их сдал.

– Почему вы избрали карьеру военного?

– Трудно словами выразить огромное чувство гордости, которое я испытывал, гордости защитника обретенной предками земли, ставшей теперь и моей землей. Больше четверти века я прослужил в израильской армии, участвовал во всех войнах, которые пришлось вести в эти годы стране: в Шестидневной и Судного дня, и в Войне на истощение... Закончил службу в звании полковника.

К тому времени я успел окончить военную академию и приобрести гражданскую профессию инженера в университете имени Бен-Гуриона, жениться и вырастить двоих детей. Между прочим, свою будущую жену, с которой мы прожили уже тридцать лет, я встретил в армии...

– Это веский аргумент в пользу Армии обороны Израиля, раз там можно встретить такую хорошую жену! А какую карьеру избрали ваши дети? Не военную?

– Дочь – такую, что пригодится в любое время и в любом месте: она шеф-повар. А сын — художник. Но если придется защищать Родину, я уверен, он сделает это как надо.

– А как складывалась ваша дальнейшая судьба?

– В 1989 году перед демобилизацией меня вызвали в МИД и спросили, не хочу ли я поехать в Будапешт и организовать перевалочный пункт для алии. Прямых авиарейсов в Израиль из республик бывшего СССР тогда еще не было. В Будапеште я работал два года. А когда в Советском Союзе было покончено с коммунистическим режимом, вскоре распался и сам Союз. Тогда новая российская власть восстановила дипломатические отношения с Израилем.

– Тогда-то, как известно, и появилось в России отделение Еврейского агентства. Прежняя организация под названием «Сохнут», мягко говоря, не пользовалась симпатией властей.

– Вы правы. Первый представитель Еврейского агентства попал в Советский Союз в 1989 году, он приехал в Вильнюс. А в Москве официально агентство открылось только в 1991-м под моим руководством. Одной из главных задач тогда было организовать прямые рейсы между Израилем и бывшими республиками СССР. Уже к концу того же года компания «Трансаэро» начала осуществлять регулярные рейсы из Москвы. Вскоре самолеты стали напрямую летать в Израиль из Кишинева, Риги, Минска, Тбилиси и даже Душанбе. Тогда я пробыл в Москве до 1993 года.

– Это было время межэтнических конфликтов в странах СНГ...

– Совершенно верно. Вооруженные столкновения в Молдавии, грузино-абхазский конфликт, кровавые события в Азербайджане, гражданская война в Таджикистане... В этот период наше агентство делало все возможное для спасения евреев из опасных регионов. Мы открыли сборные пункты в одиннадцати городах, вывезли 480 евреев из Сухуми, больше тысячи – из Приднестровья в Одессу, а затем желающих – в Израиль, туда же было отправлено четыре самолета евреев из Таджикистана. Очень многих мы спасли от резни в Нагорном Карабахе.

– С 1993 года и до настоящего назначения вы работали в Израиле?

– Да. Демобилизовался из армии и работал в Сохноте руководителем отдела Восточной Европы. В основном моя деятельность была связана с репатриацией евреев из стран СНГ. А полгода назад мне предложили вновь возглавить Еврейское агентство в России.

– Очень изменился характер работы здесь по сравнению с первым периодом вашего пребывания?

– Теперь приходится решать совсем другие задачи. До 1993 года в России и СНГ было много желающих уехать в Израиль. Даже возникали транспортные проблемы. Сегодня все иначе. Сегодня — это работа с еврейской общиной, то есть с людьми, оставшимися в России. Мы стремимся помочь им вернуться к родным корням, а потому большое значение придаем образованию, еврейскому воспитанию.

Хочу обратить внимание на очень важный момент: мы не считаем тех, кто выбрал местом проживания страну рассеяния, людьми «второго сорта» (вынужден говорить об этом, потому что слышал подобное мнение). Для нас все евреи – члены одной большой семьи. Но кто сказал, что большая семья должна обязательно жить в одном доме?

– Репатриация евреев из России в последние годы значительно уменьшилась?

– Если сравнивать с алией 1999 года, да. Но тогда резкий отток евреев из России был вызван дефолтом августа 1998-го. И причины были не только материальные, – люди боялись, что понижение жизненного уровня россиян вызовет усиление антисемитизма. Такие прецеденты, к сожалению, случались. И не только в России... Однако сегодня обстановка нормализовалась, и причин для серьезного беспокойства подобного рода нет. Тем более что Россия начала выбираться из кризиса.

Вообще я не хочу, чтобы евреи уезжали из России только потому, что им здесь плохо. Я хочу, чтобы они ехали в Израиль как люди, мотивирующие свой выбор более высокими соображениями.

– Как строятся ваши взаимоотношения с еврейскими общинами в России?

– Наше главное правило – не вмешиваться в жизнь общин. И уж тем более не поучать их. Мы только помогаем евреям всего мира стать сплоченнее, духовно ближе друг другу. И сотрудничаем в этом направлении со всеми еврейскими организациями.

– А что вы думаете о нынешнем уровне антисемитизма в России?

– На мой взгляд, он не выше, чем в какой-нибудь другой стране мира. И с полной ответственностью могу заявить об отсутствии государственного антисемитизма. Если президент России господин Путин присутствует на открытии синагоги в Марьиной роще, если приезжает в ту же синагогу на праздник Хануки и находится там в течение трех часов, если приглашает президента Израиля и в его честь дает кошерный обед в Кремле, если мы наблюдаем расцвет деятельности еврейских организаций в России, как можно говорить о государственном антисемитизме?

К сожалению, здесь существуют пронацистские организации, и было бы логично, если бы к ним относились менее лояльно. По крайней мере, я надеюсь, что так будет.

Есть и хулиганы, позволяющие себе антисемитские выходки. Как говорит русская поговорка, в семье не без урода. Но подобная шпана есть даже в таких странах с давними демократическими традициями, как США, Франция и многие другие.

– Как с точки зрения израильтян выглядит оживление российского сотрудничества с Ливией, Ираком и Ираном? В частности, продажа оружия Ирану?

– Недавно наш посол в России господин Мерон пригласил меня на ужин. За столом присутствовали главы администраций Астрахани, Саратова и Перми. Все пришли к единодушному выводу, что никогда отношения между нашими странами не были такими хорошими, как сейчас. Но это не значит, что все, что делает Израиль, нравится России, а все, что делает Россия, нравится Израилю. Тем не менее я верю, что отношения между нашими странами будут развиваться позитивно.

ИЗ ЕГИПТА – К СИНАЮ

Скрытые процессы, проходившие в еврействе в годы перестройки и, конечно, до нее, в последнее время вдруг явили результат, превосходящий все разумные, мыслимые ожидания. Пожалуй, лучше всего это проиллюстрировала парадоксальная ситуация, сложившаяся в канун праздника Пейсах в Марьиной роше: за неделю до праздника вдруг закончилась маца! Сотрудники синагоги в недоумении разводили руками: запасы мацы были значительно больше, чем в прошлом году!.. Что происходит?.. Хорошо, что запасы оказались в других синагогах.

После праздника Пейсах, в преддверии Швуэса, наша редакция обратилась к руководителям еврейских организаций с просьбой рассказать о своем видении нынешнего состояния еврейства, обозначить первоочередные задачи нашего народа в России на пути из Египта к Синаю.

Надеемся, этот спонтанно сложившийся «круглый стол» положит начало новой рубрике журнала «Лехаим», из которой наши читатели смогут узнавать мнение еврейских лидеров по ключевым вопросам.

ТОРА ИЗ УСТ МОШИАХА

Раввин Адин Эвен-Исроэль (Штейнзальц)



Как сказано в Талмуде, Пейсах в годичном цикле еврейских праздников не случайно следует за Пуримом: одно освобождение сменяется другим, пуримное – пасхальным, хотя исторически было наоборот. Баал-Шем-Тов относительно Пурима сформулировал такой принцип: кто читает Свиток Эстер «задом наперед», то есть вспоминая о событиях древности как о давно минувшем и не актуальном, не выполняет заповеди праздника, не понимает его истинного смысла и назначения, соответственно, он не получает всего того духовного заряда, который может получить. То же верно и в отношении других праздников.

В каждую эпоху Исход из Египта наполнялся своим особым историческим и духовным смыслом. Я думаю, если брать непосредственно наше поколение, то, как провозгласил Любавичский Ребе, оно будет последним в изгнании и первым поколением освобождения.

Египет стал олицетворением рабства во всех его проявлениях, на всех уровнях. С наступлением праздника Пейсах все поколения евреев выходили из египетского рабства. Точнее говоря, это процесс постоянный: во время праздника Пейсах еврей получает те необходимые силы, благодаря которым он способен преодолевать любые барьеры и преграды между ним и Всевышним и дальше уже расходует эти силы в течение всего года.

Сказано, что в конце времен подобно тому, как это было в дни Исхода из Египта, в дни Пророков, Б-г явит чудеса. Наверное, это относится прежде всего к нашему поколению: мы будем выходить из Египта не только духовно, не только освобождая в себе еврея из рабства животной души – мы будем реально выходить из галута, и, в отличие от египетского, это будет окончательный Исход.

Когда евреи вырвались из Египта, важен был не столько этот факт сам по себе, сколько позитивная, созидательная цель, ради которой произошел Исход, – это получение Торы. Мы знаем, что Мошиах принесет нам новое, принципиально более глубокое понимание Торы, в сравнении с которым все, что мы учили до сих пор, как свет свечи по сравнению с ярким солнечным светом в летний полдень. Поэтому можно сказать, что спустя более трех тысяч лет мы повторяем тот же самый путь ради Торы. Дай Б-г, чтобы это был окончательный Исход и чтобы Тора была той обновленной Торой, которую мы будем учить из уст Мошиаха.

ОБРАТИТЬ СЕРДЦА К ИЗРАИЛЮ

Чрезвычайный и полномоченный посол Государства Израиль в Российской Федерации Натан Мерон



С тех пор как я приступил к выполнению обязанностей чрезвычайного и полномочного посла Израиля в РФ, прошло полгода. В первые же дни я понял, что еврейская тема в России – уникальное явление, которое требует от посла Израиля гораздо более внимательного отношения, чем в любой другой точке земного шара.

Часто сравнивают алию (возвращение) в Израиль с библейским Исходом евреев из Египта. Конечно, некоторое сходство есть, но существенное отличие заключается в том, что евреи, выехавшие из бывшего СССР, сохранили теплые чувства к странам, в которых родились. Невозможно разорвать дружеские и родственные связи людей, которые, как мосты, соединяют наши страны.

Без сомнения, еврейская жизнь расцветает и в Москве, и в Петербурге, и во многих других городах. Этому в большой степени способствует руководство России, еврейские общины пробуждаются, растет их активность.

Недавно я видел в центре Москвы огромный плакат, на котором было написано, где можно приобрести мацу на Пейсах. Времена изменились.

Вспоминается церемония зажигания первой ханукальной свечи в Москве с участием президента Путина и мэра Лужкова. Такие же свечи одновременно зажигались во многих местах города. Тысячи людей встречали Пейсах в городах бывшего Советского Союза, не прячась и не таясь. Это самое убедительное свидетельство того, что еврейские традиции крепнут и голоса евреев сегодня без страха звучат повсюду. Очень важно, чтобы крепло еврейское самосознание. Вместе с ним будет крепнуть связь евреев России с Израилем. Хотелось бы, чтобы каждый молодой еврей побывал в Израиле, и культурные связи между общинами продолжали развиваться. Жизненно важно показать российскому обществу красоту традиций иудаизма, познакомить с его духовными ценностями. Необходимо вести диалог между иудеями, мусульманами и христианами в России.

Израиль заботится об увеличении алии. Мы считаем своей обязанностью помогать всем тем, кто еще не репатриировался в Землю Обетованную, поэтому особое значение придаем сотрудничеству с еврейскими общинами в области образования и культуры. Необходимо укрепить связи между еврейской общиной и всеми работниками посольства Государства Израиль.

Я прибыл в Москву, чтобы делать все возможное для развития связей еврейской общины России с Израилем во всех сферах. В период между празднованием выхода из Египта и получения Скрижалей Завета на горе Синай мне кажется, всем нам надо сделать самое главное – обратить сердца к Израилю.

ЕВРЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЯМ

Раввин Ицхак Коган



Уже несколько тысячелетий евреи встречают Пейсах как время нашего освобождения. Мы, представители нынешнего поколения, ощущаем это в большей степени, чем евреи, которые жили в России 30, 50, 70 лет назад и на чью долю выпали красный террор, воинствующий атеизм, государственный антисемитизм. Сегодня не надо тайно, под угрозой смерти выпекать мацу – рекламные плакаты с адресами, телефонами мест, где ее можно купить, вы встретите в центре столицы. И это одно из самых явных свидетельств приближения Мошиаха.

Пятнадцать лет назад я услышал от Любавичского Ребе: Россия хочет меняться, и ей надо в этом помогать. Я вижу, как Любавичское движение помогает евреям России и бывшего СССР снова обрести те, казалось бы, утраченные связи с Всевышним (на самом деле утраченные только на видимом уровне), со своими традициями и своим будущим, о котором говорили Пророки.

Несомненно, физическое освобождение евреев 3313 лет назад дало огромный духовный потенциал, возможность обрести особую духовную высоту. Впервые этой высоты еврейство достигло у Синае при даровании Торы. Через призму этого Божественного Откровения весь мир увидел Творца. И заповеди, полученные на Синае, стали основой мирового законодательства. Все 3313 лет эта скрытая духовная мощь ведет евреев тернистыми тропами истории по бездорожью, через погромы, Катастрофу, советский тоталитаризм. Особое единение народа Израиля и Торы – это путь настоящей духовной свободы. Возвращаясь к Торе, мы обретаем огромные силы, способные окончательно вывести нас из галута, и сегодня у каждого есть возможность приобщиться к этому Источнику. Дело за нами.

Одним из главных событий этого года (по еврейскому календарю) в России, несомненно, является открытие нового здания синагоги в Марьиной роще «Бейс Менахем». Я считаю, это рукотворный памятник тем, кто верил, что духовные силы одержат победу над силами богоборчества и террора, и сегодня это случилось. Теперь задача каждого еврея, если самому не удалось получить достаточное еврейское образование, дать его своим детям. Они в свою очередь дадут более глубокое еврейское образование своим детям. Только так произойдет настоящее духовное освобождение в целостности, то есть освобождение, которое предшествует приходу Мошиаха.

ДЕНЬ КОРОТКИЙ, А РАБОТЫ МНОГО

Раввин Довид Карпов



Люди моего поколения еще молоды, хотя получали среднее и высшее образование в советскую эпоху и знают о ее тотальном идеологическом прессинге не по рассказам. Процесс возрождения еврейства проходит на наших глазах, начавшись, казалось бы, буквально с нуля, из ничего. И, конечно, мы испытываем ощущение, что происходит чудо. О чуде возрождения еврейства на территории бывшего СССР говорят сейчас все: и те, кто приехал сюда работать во имя этого возрождения, и здешнее молодое поколение. Они могут об этом говорить, но, к сожалению, не могут ощутить в такой степени, как те, кто последовательно проходил все этапы порабощения и освобождения.

Но в то же время можно сказать и противоположное. Когда приходишь в гости к другу, у которого редко бываешь, или когда он приходит к тебе спустя большой срок, то слышишь: «Ой, Г-споди, как твой ребенок подрос!». А я и не заметил. Так и я. Все это я пережил, будучи уже около двадцати лет в еврействе. И это ощущение чуда для меня, может быть, немного притупилось, но по другим причинам: я видел, как один этап сменялся другим, и то, что делало одно поколение, продолжало другое.

Но главное не в этом. В силу своего положения я должен смотреть вперед – не оглядываться часто на достигнутое, а смотреть, что еще предстоит. В этом смысле я вижу непочатый край работы, потому что большая часть еврейства – я имею в виду еврейства по своим корням – бесконечно далека от традиций, а люди, которые так или иначе к традиции приобщились, еще в абсолютном меньшинстве.

Да, впереди непочатый край работы. Как говорится, «день короткий, а работы много». Когда тебе кажется, что работы мало, а времени много, на самом деле это всегда не так, потому что отведенный нам день, то есть этот мир до прихода Мошиаха, для тех, кто что-то делает, он всегда по времени в обрез. (Кто ничего не делает, для тех времени всегда много!) Если только мы напряжем все свои силы, только тогда успеем к сроку.

ДЕЛАТЬ, КАК УЧИЛ РЕБЕ

Заместитель главного редактора Российской еврейской энциклопедии, представитель Союза еврейской религиозной интеллигенции «Шамир» в России Зеев Вагнер



Как известно, месяц Нисан связан с выходом из Египта – из года в год, вспоминая и рассказывая историю давних дней, мы на каждом новом этапе стараемся решать проблемы, связанные с рабством во всех его проявлениях. Для нашего поколения Нисан – это еще и месяц, когда родился седьмой Любавичский Ребе. То, что с ним пришло в нашу жизнь, и какие это дает всходы, кажется невероятным, такое не под силу обычному человеку.

Я, как и тысячи других евреев, верю, что Ребе – Мошиах, и хочу, чтобы это увидели и другие, а, увидев, поверили и все остальные евреи, и все человечество, ведь Мошиах – для всех, и пусть происходит то, что должно происходить с его приходом!

В том, чему мы сегодня являемся свидетелями в еврейской жизни на территории бывшего СССР, конечно, есть доля нашего участия. Но в том, какого уровня происходят перемены и здесь, и во всем еврейском мире, нашей заслуги нет. Это заслуга Ребе: сеятеля видно уже по первым всходам. И нам не надо бить себя в грудь, гордясь заслугами, а надо делать все, что в наших силах, как учил Ребе. Каждому на своем месте. Потому что, как говорил ребе Зуся, когда придет пора, Б-г не спросит тебя, почему ты не был Моше, а спросит: «Почему ты не был Зусей?..».

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС – О ЕДИНСТВЕ

Президент ВААДа России, профессор Михаил Членов



Мы все прошли Синай давным-давно, и от этого никуда не деться. Если Исход повторяется с Пейсахом каждый раз, то Синай не повторяется, а постоянно помнится. И Тора всегда с нами, она многолика и проявляет себя в разных аспектах, разными путями.

Сейчас мы, безусловно, находимся на том сорокалетнем пути, что тысячелетия назад пролегал между Египтом и Синаем. Формально вроде мы вышли из Египта, но блуждаем в пустыне, и я боюсь, как бы не затянулся этот путь.

Что такое сорок лет в ожидании? Поиск, бесконечный поиск. Это выдавливание из себя раба по капле, что, как известно, всегда в достаточной степени сложно. Тем не менее русское еврейство на пути своих утрат немало и обрело. Как мне представляется, это не просто одна, достаточно крупная, часть нашего народа, который продолжает свое существование. Русское еврейство, где бы оно ни находилось: в России, на Украине, в Израиле, Германии, Америке, – это сильная, жизнеспособная часть, имеющая большой опыт выживания и мощный потенциал. Доказательством тому является интеграционный процесс, происходящий время от времени.

Недавно я был в Нью-Йорке на конференции, куда съехались русские евреи из многих стран мира. Что же нас объединяет? Что заставляет собираться вместе, тратить время, усилия, деньги ради общения? Думаю, здесь много причин. Кроме того, что мы все говорим по-русски, выросли в Советском Союзе и прошли особую школу жизни, нас объединяет кое-что еще. На протяжении достаточно долгого времени – в течение полутора веков – русское еврейство выработало некое специфическое понимание того, что такое еврейство. Я опубликовал статью на эту тему в сборнике «Проблемы существования в диаспоре», вышедшем пару месяцев назад, она называется «Соотношение религиозного и национального аспектов в еврейской идентификации».

Мы видим, что в разные времена в разных странах разные евреи по-разному понимают, что значит быть евреем. Сейчас в мировом еврействе, насколько я понимаю, существует три крупных модели. Одна – западная, в наиболее характерном виде она присутствует в Западной Европе, США, Латинской Америке, Австралии, Южной Африке, Новой Зеландии, где еврейство – это в первую очередь иудаизм. И евреи, которые живут в этой западной модели, воспринимают еврейство как религиозную культуру, национальный момент для них оказывается как бы не очень существенным. Если вы спросите у американского еврея, является ли он евреем или американцем, то он не поймет ваш вопрос, потому что одновременно он и то, и другое. Был в советское время анекдот, как политический комментатор Зорин встречается с Киссинджером. Киссинджер спрашивает: «Ты – русский?» «А ты?» – спрашивает Зорин. «А я американский», – отвечает Киссинджер. Такой анекдот невозможно перевести американскому еврею: он не поймет, в чем соль. Киссинджер – американец и еврей, и никаких противоречий тут нет.

Другое дело в России. Здесь всегда стоит вопрос: либо русский, либо еврей. И всегда одно противопоставлялось другому. Зато в Израиле мы – русские... И мы воспринимаем себя как особый этнос или по крайней мере воспринимали до недавнего времени.

И, наконец, третья модель – израильская, ее можно назвать национально-государственной. Израиль – это неоеврейский этнос. Вот три разных модели.

Русское еврейство является носителем той специфичной модели, которую мы выработывали в очень сложных условиях на протяжении нескольких десятилетий и которая, несмотря на ее недостатки, помогла нам выжить в этот советский период и не

просто сохраниться, но даже дать миру такой яркий пример еврейского сопротивления, как история еврейского национального движения 60-х–80-х годов, так называемая история «отказа». Наверное, именно это и определяет особое место советского еврейства в еврейском мире.

На новом этапе своего существования мы повторяем сорокалетнее странствие и что-то ищем. Конечно, эта наша старая советская модель – восприятие себя как национальности – уже начинает немного размываться. Молодому поколению нужно нечто большее. Несомненно, еврейская религия, пришедшая к нам с Запада, из Израиля, начинает занимать в сегодняшней жизни свое важное место, но что будет в перспективе, сказать очень трудно.

Сейчас в России существуют все три основных направления иудаизма: любавичский хасидизм, «литовский» иудаизм, и, наконец, реформистский. Все три течения и прежде были на здешней почве. Но сейчас они пришли к нам извне как бы в виде разной одежды: европейской, американской, израильской, и они примеряют на себя, если можно так выразиться, старый русский лапсердак. Процесс далеко не простой, потому что в качестве портного выступает наше трудное русское еврейство. Как оно скроит этот кафтан, неизвестно. Но для меня совершенно ясно, что этот кафтан будет скроен, и мы в достаточно короткий срок не просто вернемся к Торе, от которой в принципе далеко и не уходили, но мы вернемся к ней своим собственным путем.

Какие перед нами сегодня стоят проблемы? Главная – одна: она и первоочередная, и вечная. С момента выхода из Египта перед нами все время встает вопрос о единстве. На самом деле его никогда не было в еврействе: улыбающегося плакатного единства не было никогда! Евреи всегда ожесточенно спорили друг с другом, каждый отстаивал свою грань истины, видение этой истины, и в этом тоже, наверное, наша сила. Но вместе с тем мы не должны забывать, что беспричинная вражда приводит к катастрофическим последствиям. Достаточно вспомнить историю, когда две тысячи лет назад из-за беспричинной вражды евреи лишились Храма. И все это время не удастся найти правильный баланс между беспричинной враждой и творческим спором. Это одна из главных задач, которая перед нами всеми стоит сейчас. Сможем ли ее решить? Хочется надеяться, что да.

НАДО ИДТИ И ИДТИ

Главный режиссер театра «Шалом» Александр Левенбук



Тора описывает события далекого прошлого, но это не значит, что подобное не может происходить в наши дни. Пейсах отмечает главное событие еврейской истории – Исход из Египта, выход из рабства с чувством достоинства, образование еврейского народа, – это как раз то, что происходит сейчас.

Сейчас мы идем по пустыне. И хочется думать, что сегодня, когда все скорости возросли, удастся пройти этот путь не за 40 лет, а быстрее. Но, конечно, для этого нужно желание.

Еврейское движение в последние годы достигло у нас колоссальных, революционных успехов и в первую очередь благодаря тем людям, которые его начинали. Эти люди рисковали свободой, очень многим ради того, чтобы еврейство в России выжило. И сегодня они не складывают руки.

Когда 13 лет назад я пришел в еврейский театр, он был в стадии становления, и никакой книги, кроме Шолом-Алейхема, я тогда достать не смог. А что сегодня? Есть много еврейских библиотек с огромными фондами... и единичными читателями. Почему?.. Проще было бы обвинить евреев, что стали «ленивы и нелюбопытны» по отношению к родной традиции. Но что делать, такая была жизнь, и нет привычки. Ведь традиция – это не только Закон, но и привычка, доставляющая радость и удовольствие. А сегодня даже такое удовольствие, как театр, привлекает не всех: огромное количество евреев Москвы до сих пор так и не выбрались в свой, еврейский, театр. И очень многие, к примеру, даже не знают, что есть такой изумительный писатель, как лауреат Нобелевской премии Исаак Башевис-Зингер, писавший на идише, хотя переведено уже пять его книг. Его знают во всем мире. Русские театры, такие как МХАТ, ставят Зингера, а евреи его не знают, тем самым лишая себя колоссального удовольствия!..

Но в то же время все не так уж грустно: многие стали отдавать детей в еврейские школы, взрослые учатся в еврейских университетах, постоянно проходят различные еврейские мероприятия, отмечают праздники: на Пейсах были организованы сейдеры для большого числа людей. Колоссальна роль организаций, способствующих всему этому процессу в России.

Вместе с тем, как говорил Соломон Михоэлс, «научить нельзя, но научиться можно». Чтобы в сознании человека что-то сдвинулось, он должен захотеть это сделать сам и с чего-то начать. Есть такая притча. Еврей приходит к раввину и говорит: «Я еврей по крови, но не знаю ни языка, ни культуры, ни истории своего народа. Что мне делать, с чего начать?» «Для начала в пятницу вечером выпейте бокал хорошего вина», – ответил раввин. «И все?» – удивился еврей. «Для начала достаточно», – сказал раввин.

Наверное хорошо, когда первые шаги к себе, к своему еврейству человек делает с удовольствием, и никто его не заставляет. Десятки лет он жил вне этой традиции, религии, народа, и слово «еврей» произносилось редко, в основном при заполнении анкет или получении паспорта, и причиняло боль. Поэтому хочется, чтобы первые свои шаги еврей сделал с удовольствием. Это очень важно! Когда наши прадеды приводили своих малолетних детей учить еврейской грамоте, первую букву алфавита, алеф, смазывали медом, чтобы малыш, слизывая его, навсегда запомнил сладость, удовольствие от соприкосновения с родным языком.

Скоро Швуэс, это праздник дарования Торы – великой Книги. Я думаю, и в этом история повторяется: каждый из нас эту Книгу должен принять. Многие ждут новых законов, но с нашей Думой многого могут и не дожидаться. Почему же наконец не обратиться к Торе, в которой заложены все основы права, морали, и не установить с Законом личный контакт?!. Между прочим на Торе основано мировое законодательство. Конечно, в ней нет про Интернет, но если бы мы соблюдали только 10 заповедей из 613, знали, что Б-г один, и не растили свою гордыню, и не поклонялись идеям коммунизма, и не фетишизировали власть, то жизнь была бы намного лучше. Так что сначала надо

разобраться в себе: прошел я пустыню или только иду, и смириться с тем, что надо идти и идти.

Ī àò àèè àèù ĭîãîîîèè:

Đ Ī àì èðà, Â. Ī ĭçì àì ñèèé, Â. Â ĭðí àì ñàà



Анатолий Козак

Разрешите рассказать небольшой сюжетец. Время действия – XIX век. Место действия – Орловская губерния.

Некий помещик, человек темпераментный и вспыльчивый, взбалмошный, проезжает верхом на лошади по деревне соседа. Вдруг слышит шум у кабака. Направляется туда и видит: толпа разъяренных мужиков творит самосуд над каким-то жалким бродягой. Помещик нагайкой разгоняет мужиков. За какие грехи они собрались порешить несчастного? Неизвестно, но уверяют, что все равно его для расправы найдут.

Через несколько дней спасенный от смерти бродяга вдруг является к помещику на великолепном скакуне-донце. Оказывается, это спасителю подарок. Помещик смущен, но в конце концов лошадь берет. Спустя время скакуна похищают. Помещик вначале подозревает в краже самого дарителя, но затем вместе с ним отправляется на поиски донца. Следы бродяги теряются... Больше о нем неизвестно ничего.

Таков сюжет небольшого рассказа, написанного в 70-е годы позапрошлого века писателем, являющимся гордостью русской литературы, классиком, чьи произведения изучают школьники России вот уже полтора столетия.

Правда, рассказ этот не считается шедевром в творчестве упомянутого писателя, но, надо сказать, в свое время он был хорошо встречен критикой, публиковался в Германии и Франции.

Я заинтересовался именно этим рассказом не случайно. Один из его героев – некий Мошель Лейба. Да, тот самый еврей, которого хотели убить мужики. За что? Автор не объясняет. Только какая-то древняя старуха, стоящая у своей избы, лениво и

убийственно равнодушно сообщает помещику: «А не знаю, батюшка. Стало, за дело. Да и как не бить? Ведь он, батюшка, Христа распял».

Спасенный Лейба, поднявшись с земли, лепечет:

– Да ей же Б-гу, не могу сказать! Тут вот у них скотинка помирать стала... так они и подозревают... а я же...

Странная дикция, не правда ли? А вот еще любопытные детали.

Как мы знаем, Лейба приехал к помещику на лошади. Автор описывает это так: «Чертопханов (помещик. – А.К.) не только не ответил на его привет, а даже рассердился; так весь и вспыхнул вдруг: паршивый жид смеет сидеть на такой прекрасной лошади... какое неприличие!

– Эй ты, эфиопская рожа! – закричал он, – Сейчас слезай, если не хочешь, чтобы тебя стащили в грязь!

Жид немедленно повинился, свалился мешком с седла и, придерживая одной рукой повод, улыбаясь и кланяясь, подвинулся к Чертопханову.

– Васе благородие, извольте посмотреть, какой конек? – промолвил жид, не переставая кланяться.

– Н... да... лошадь добрая. Ты откуда ее достал? Украл, должно быть?

– Как же можно, васе благородие! Я цестный зид, я не украл, а для васега благородия достал, точно! И уз старался я, старался...

И опять эта странная дикция Мошеля Лейбы!.. Автор рассказа не объясняет причину такого дефекта речи (врожденный, зубы выбили, прикусил язык?..). Поэтому не трудно догадаться: такова «речевая характеристика», позволяющая писателю индивидуализировать персонаж.

В данном случае автор посчитал, что еврей, в отличие от окружающих его русских, должен шепелявить. Почему? Разве русский, украинец, француз, немец не может иметь такой дефект? Или у евреев он бывает чаще? Если же еврей в те времена действительно плохо знал русский язык, то это выразалось иначе: могли быть неудачно подобраны слова, неправильно построена фраза... Представьте себе иностранца, едва говорящего по-русски. Он будет делать паузы, мучительно вспоминать слова, тянуть междометия, но никак не «зюкать» и «сюкать»!

В конце концов, почему классик не прибег к традиционному способу изображения «еврейской картавости»?..

Как бы то ни было, но меня, признаться, эти речевые эксперименты покоробили, словно я встретил на улице примитивнейшего антисемита, пытающегося подхихикнуть по поводу идущего мимо «еврейчика».

В этой связи вспомнился случай из собственной литературной практики.

Отдал я как-то знакомой на перепечатку рукопись одной своей повести. Был в этой повести заикающийся персонаж. Получив напечатанное, я стал просматривать текст и пришел в ужас: целая страница была исписана чем-то вроде «жу-жу, чу-чу, ша-ша, тютю,

з-з-з-з-з-з, ж-ж-ж-ж-ж...»...

Как выяснилось, сынишка этой дамы, пока она была на работе, решил маме помочь. Он «залез» в компьютер и стал допечатывать повесть.

На мой вопрос, зачем он замусорил целую страницу странными звуками, мальчик искренне изумился:

– Но у вас же написано, что этот дядя заикается! Вот и надо показать, как он это делает.

Попытки изобразить болезненно заикающимся или шепелявящим еврея, чтобы этим несимпатично выделить его из всех, по-моему, вовсе неприглядно. А главное, это уже не наивность.

Ладно, мелочи. Намного важнее другое. Посмотрите, как встречает «жидка» помещик! Еврей «посмел» оседлать породистую русскую лошадь!

Какое НЕПРИЛИЧИЕ!

Еврей в конце концов уговаривает принять дорогой подарок, да еще за бесценок, в долг. И все равно самолюбие помещика уязвлено:

«Чертопханов все не мог решиться поднять глаза. Никогда в нем так сильно не страдала гордость... И обнял бы он этого жида, и побил бы его...

– Васе благородие, – начал жид, приободрившись, – надо бы, по русскому обычаю... из полы в полу...

– Вот еще что вздумал? Еврей, а русские обычаи!...»

Полагаю, этих цитат достаточно. Какие качества олицетворяют герои? Один – чванство, высокомерное презрение к нерусскому, другой – подбострастие и униженность, постоянный страх...

А давайте представим себе другую картину. Мошель Лейба сидит не на коне, а в дорогом иноземном самокате, да еще с охраной в дюжину добрых молодцев. Он в отличном костюме, а не в рваном кафтане и вовсе не жалкий бродяга, которого совершенно безнаказанно может пнуть любой, а руководитель департамента. Или банкир. Или предприниматель, прославленный артист, выдающийся ученый. Или еще пуще – генерал, да весь в орденах! Подумать только, Мошка – генерал!..

Поверил бы в такое Чертопханов? Протер бы глаза, да сплюнул: ну и почудится же такая ерунда! Мошель – банкир, Лейба – артист... Расскажи ему кто-нибудь такое, он покрутил бы пальцем у виска!

Правда, когда у Чертопханова – проблемы, он бросается за помощью к тому же Мошелю:

– Лейба, ты хоть и еврей, и вера твоя поганая, а душа у тебя лучше иной христианской! Сжался ты надо мной! Одному мне ехать незачем, один я этого дела не обломаю. Я горячка, а ты голова, золотая голова! Племя ваше уж такое: без науки всё постигло!

Здесь хочется поаплодировать автору рассказа: как мастерски он уравновесил психологический рисунок, как точно сбалансировал! Пора, наконец, открыть и его имя: Иван Сергеевич Тургенев. Рассказ же, заставивший нас поразмышлять, вошел в его знаменитые «Записки охотника».

Хочу быть правильно понятым. Размышляя над одним из произведений выдающегося реалиста, мастера психологического анализа, чье творчество оказало существенное влияние на развитие русской и мировой литературы, я отнюдь не ставил перед собой задачу «выводить его на чистую воду» или критиковать. А обратился к истории Чертопханова и Мошеля Лейбы лишь потому, что увидел в ней – как в зеркале – важнейшее для себя обстоятельство: КАК ОТНОСИЛИСЬ В РОССИИ К ЕВРЕЮ, какова была его судьба в стране, куда силой исторических обстоятельств был заброшен маленький и совершенно незащитный народ.

Конечно же, Тургенева эта тема не волновала. Просто как художник он постарался нарисовать портреты своих героев ярче, правдоподобнее. И надо признать, это ему удалось... Но разве мог предположить уважаемый Иван Сергеевич, что оставляет нам подлинный документ своей эпохи, красноречивый, предельно точный, свидетельствующий не менее сухих архивных материалов...

Читаю-перечитываю новеллу Тургенева и думаю: стоит ли удивляться сегодня вспышкам антисемитизма, если еще не так давно (сотня лет для истории – миг) еврея в России просто не считали человеком? Да, эпоха, в которой жили герои Тургенева, осталась далеко позади, пришли иные времена. Но разве перевелись Чертопхановы?

Включает такой тип сегодня телевизор и с негодованием видит: вроде тот же Мошель Лейба, но уже не в драном кафтане и не на коне, а в удобном кресле. И не кланяется, не суетится униженно, а напротив. Еще и позволяет себе высмеивать российскую жизнь! И нельзя теперь этому Лейбе крикнуть: «Эй, эфиопская рожа, слезай, пока тебя не выкинули!», – приходится выслушивать «поганого жидка»...

Как можно стерпеть подобное НЕПРИЛИЧИЕ!

Да, Лейба с тех далеких времен здорово изменился. А вот Чертопханов – нисколечко! И хочется ему верить, что все еще вернется назад...

Нет, он не хочет, чтоб Мошку убивали, раз он уже сюда затесался. «Жид» еще может пригодиться: коня подарить, в деле подсобить. Но пусть знает свое место, презренный... Спасай таких, а они уже лезут со своим «из полы в полу»!..

Тургенев назвал рассказ «Конец Чертопханова». Не хотелось бы, да придется Ивану Сергеевичу возразить. Увы, Чертопханов все не кончается...

ОТ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА К НАЦИОНАЛ-ПАТРИОТИЗМУ

Владимир Нетроцкий

Памяти А. Чистова посвящается

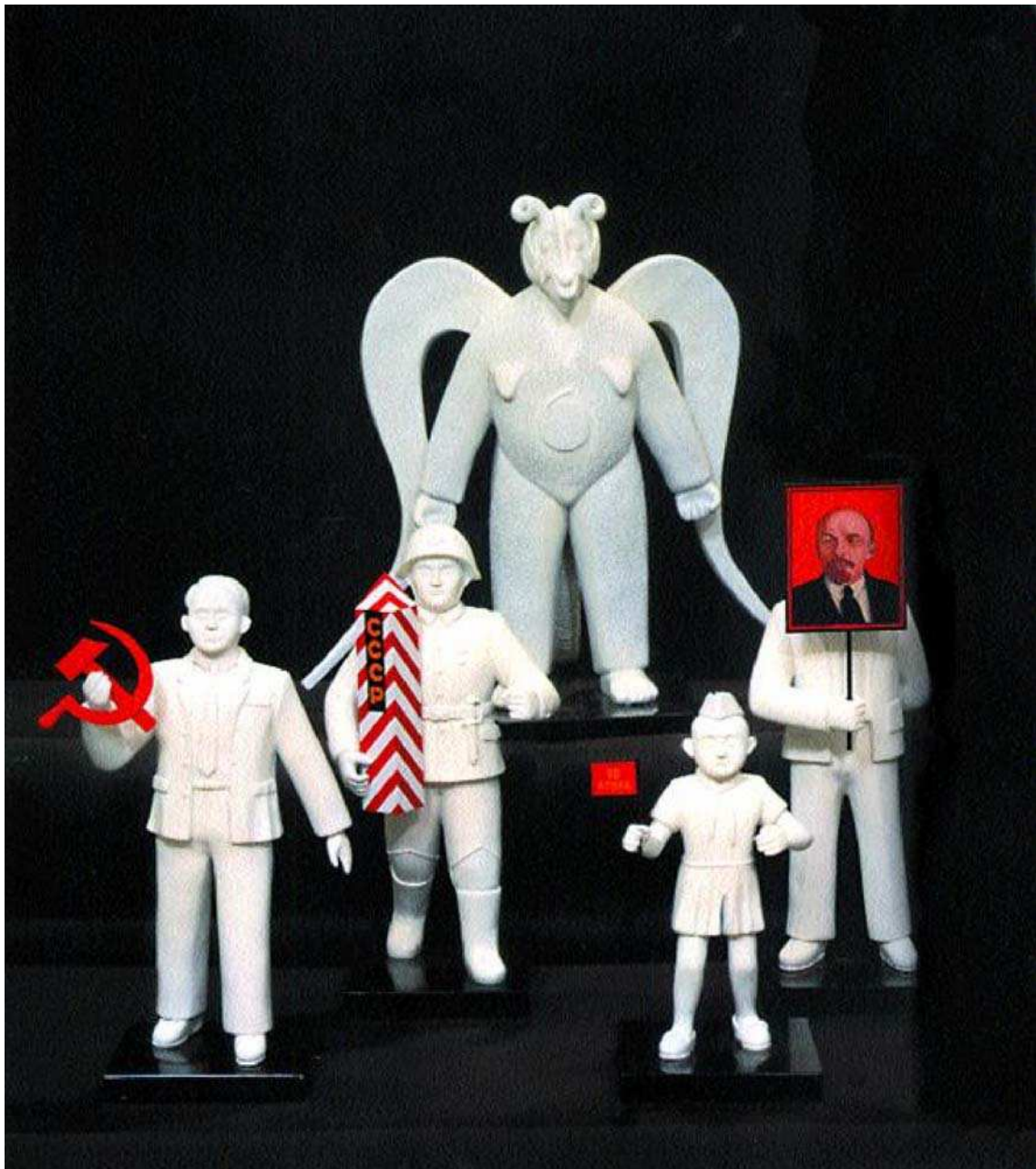
*Ḥāšīā-ōī ādāi ŷ ī īlāā āēāī ūā īlēēōēēē n-ēōāēē Ā.Ā. Ḥpāīlīāā āāḥ īyōē
ī ēīōō mōēāē-āāī lēdāōīī, āīlēīā dāīlāēōāāāēīūī ēēāāōīī ēḥ āūāōēō
īīī āīēēāōōdūēēīā, īōīōēāīēēīī ÷ā-āīlēīē āīēīū. Īā āīā-āōēyēā āāī ēē-īīlōū
āāī lēdāōē-āīlēēā mōāīlō-āā ī āīlīāīē ēīōīōī āōēē, īīā īdāīlō-āāēyēāāīī ēī mēōīī īlē,
īāāīdāḥēōāēīū lē.*

*Īī āīōāīōāy ā mōō ā lēōyādā 1995 āāā āā ēīēā «Ḥā mōēāē-ōīī»
ī lēāḥēā ēīlōēīīā ēēōī «mōēāē-āāī lēdāōā». Īīēēlō-āāī āā*

«Сталину не хватило каких-нибудь пяти-семи лет жизни, чтобы сделать свою “идеологическую перестройку” необратимой и обеспечить восстановление необоснованно прерванной (когда и кем? – В.П.) российской духовно-государственной традиции» (стр. 50).

Что понимает Геннадий Андреевич под сталинской «перестройкой»? Наметившийся с конца войны резкий поворот от «интернационализма» к квасному урапатриотизму? Вехи того времени: депортация тринадцати народов и аналогичная угроза для ряда других, в том числе еврейского; гонения на лучших композиторов, писателей, поэтов; беспощадная борьба с «безродными космополитами», а также «лженауками – наемными девками империализма» – кибернетикой, генетикой, клеточной биологией; громкие дела-фальшивки – «ленинградское», «врачей-отравителей» и пр. – прелюдия новой ежовщины, дискриминация по «пятому пункту» при трудоустройстве, прописке и т.д.; перегибы с русскими приоритетами по принципу «Россия – родина слонов».

Чем авторитетен Сталин для Зюганова? Совсе не продолжением ленинского дела. Главная историческая заслуга «отца народов», по его мнению, в том, что тот-де после войны возродил идеологию русского патриотизма, разделавшись перед тем с «русофобским крылом» партии (то есть ленинскими кадрами, ликвидированными в годы репрессий).



Гриша Брускин. «Рождение героя». 1987 год.

«Не вдаваясь в оценки Сталина, надо признать, что он как никто другой понимал необходимость мировоззренческого обновления в рамках новой геополитической формы – СССР» (там же).

«Не вдаваясь в оценки Сталина...». Только эти слова в книге и намекают на кровавый режим, установленный в стране.

Кроме «За горизонтом», Зюганов написал книги «Держава», «Верю в Россию», «Россия – Родина моя» и другие. Все они написаны скучным канцелярским языком и отличаются друг от друга главным образом названиями и цветом обложек. Однако не это главное.

Эксперты из Московского антифашистского центра и историк – профессор А.Л. Янов (Нью-Йорк, «Сити-юниверсити») утверждают: основные идеи и даже целые куски

текста в книгах Г.А. Зюганова позаимствованы из произведения Гитлера «Майн кампф», а также из научных трудов главного его идеолога «жизненного пространства» Карла Хаузофера (после войны был осужден за нацистскую деятельность и покончил с собой в западногерманской тюрьме). Свое духовное единство с ним Зюганов не пытается скрывать, напротив, многократно цитирует нацистского теоретика в тех разделах книг, где пишет о вековой борьбе не на жизнь, а на смерть двух якобы во всем чуждых друг другу цивилизаций: «континентальной» – русской, славянской (в гитлеровско-хаузоферовском оригинале, разумеется, немецкой, арийской) и хищной «океанской», западной.

В книгах коммунистического лидера немало таких примеров болезненной мнительности: «Неизменные геополитические интересы Запада требуют ослабления, а тем более и уничтожения России потому, что на мировоззрение, культуру и идеологию западного мира все более ощутимое воздействие начинает оказывать иудейское рассеяние, влияние которого возрастает не по дням, а по часам... («За горизонтом». Орел, 1995, с. 18,19; «Верю в Россию». Воронеж, 1995, с. 12).

А вот для сравнения почти те же фразы из гитлеровской «Майн Кампф»: «... собственно британские интересы Англии не требуют ослабления, а тем более и уничтожения Германии. Зато в этом чрезвычайно заинтересован космополитический еврейский капитал. Он добивается не только полного экономического уничтожения Германии, но и политического порабощения ее». («Майн Кампф». М., 1992, с. 527).

Налицо даже полные текстуальные совпадения. Для случайного их чересчур много. А ведь это всего лишь один пример.

Статьи лидера КПРФ и его партийных соратников публикуют коммуно-патриотические периодические издания, которые (чего бояться?) нередко без околичностей называют евреев жидами. В свое время Геннадию Андреевичу охотно предоставляли свои страницы совсем уж погромные газеты «Штурм» и «Аль-Кодс», и он не гнушался в них печататься. Даже тогда, когда ныне почившая «Аль-Кодс» дважды (02.09.95 и 01.07.96) обнародовала «План освобождения Палестины», принадлежавший перу ее главного редактора, беглого палестинца д-ра Шаабана Хафедата Шаабана. А план предусматривал уничтожение палестинскими террористами-самоубийцами «крупнейшего города США» (надо понимать, Нью-Йорк), Иерусалима и Тель-Авива с помощью купленных у России атомных бомб и самолетов для их доставки. В номере с первой публикацией шаабановского «Плана» на той же первой полосе соседствовала передовица зюгановца О.Д. Дудко «Сталин и Иисус Христос», а с перепечаткой «Плана» – «Обращение к красному казачеству» самого Г.А. Зюганова. Может, лидер КПРФ и его сторонники «не замечали», как относится редакция газеты к бомбам в автобусах, магазинах, авиалайнерах и, главное, к перспективе ядерного террора?

Кто-то, возможно, отмахнется: «Книги – еще не дела».

Напомню: Адольф Гитлер в начале 30-х был всего лишь одним из многих лидеров парламентской оппозиции. Освенцимы еще не строились, но уже издана «Майн Кампф», где довольно откровенно изложены все мечты и планы. Как ни парадоксально, эту книгу не удосужились прочитать – до самого Нюрнбергского процесса! – не только миллионы немцев, но даже некоторые главари третьего рейха (см., например, «Воспоминания» А. Шпеера).

Книги Зюганова в Москве недоступны широкому кругу читателей: тираж их только порядка 10 тысяч. К тому же продаются они в основном в книжном киоске Госдумы, штаб-квартире КПРФ и других подобных местах, где пропускная система.

Бытует мнение, что «звездный час» Зюганова как претендента на президентское кресло позади, и Россия необратимо стала на путь рыночной экономики и демократического развития. Возразим: и Веймарская Германия до 1933 года «уверенно» шла этим путем. Но зрело в ней такое же массовое недовольство, что и в нынешней России. И если нашей стране не удастся на деле, а не на словах выйти из затянувшегося экономического кризиса, трудно сказать, чем это может обернуться.

Что же касается необратимости демократического пути...

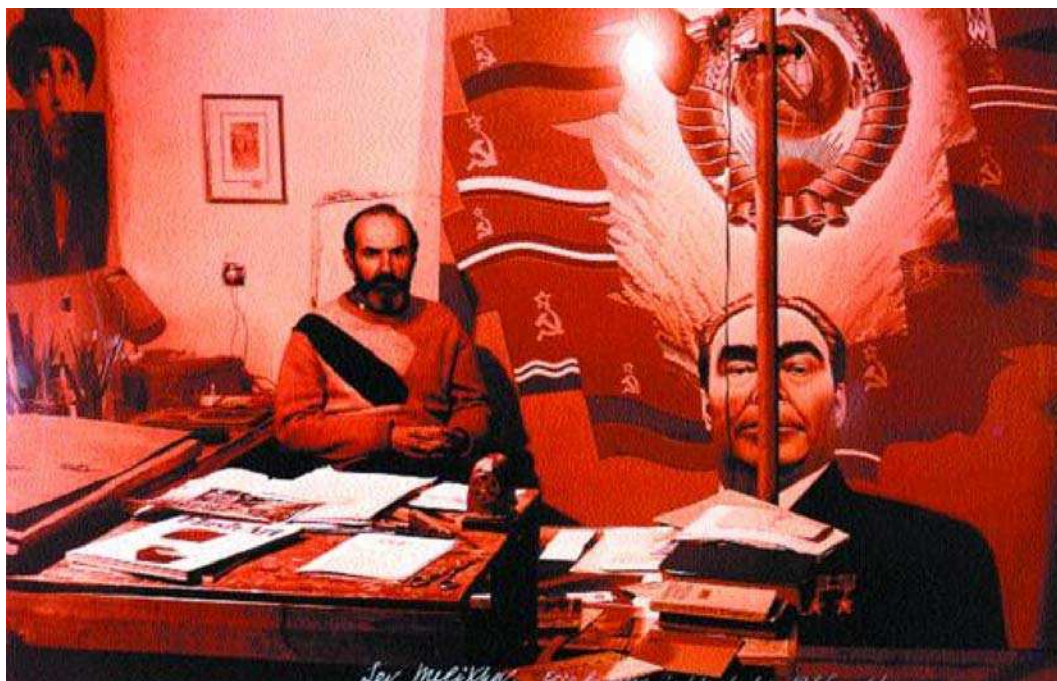
Незадолго до нового года в «Новостях» телеканала НТВ был показан впечатляющий сюжет: грузинские коммунисты-радикалы на сходке реабилитируют Сталина, объявляя недействительными решения всех советских партийных съездов, порочащих «честное имя вождя». А в интервью корреспонденту НТВ один из участников этой акции выразил безусловное одобрение политики нынешнего президента. Остается надеяться, что интересы сталиниста и Владимира Путина не совпадут, и слова Фридриха Шиллера: «Победить Россию могут только русские» не станут пророческими.

«ФИГА В КАРМАНЕ»

КАК ОРУЖИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Ааааа I ааааа

Под вынесенной в название общественной формацией имеется в виду «советская интеллигенция»: свободным людям, тем более интеллигентам, нет нужды демонстрировать кому-либо красноречивое сочетание из трех пальцев в темноте кармана. Но, в отличие от свободного человека, советский интеллигент не имел решительно никакой возможности высказывать свое несогласие с окружающей действительностью иным способом, более прямолинейным: свободно высказываться, печатать статьи в газетах и журналах, осуществлять театральные и кино постановки или выставлять картины и скульптуры на всеобщее обозрение. Попытка осуществить такие действия вела творческого интеллигента напрямик на тюремные нары или в сумасшедший дом, в круг немилосердных врачей и грубых санитаров.



Художник Э. Булатов в мастерской. 1986 год.

Разумеется, не все поголовно племя творческой интеллигенции сидело за решеткой, подобно волкам и тиграм в зоопарке. Малая часть творцов служила советскому режиму преданно и без задней мысли, подавляющее же большинство, существуя в раздвоенном состоянии, прославляло «самую гуманную и прогрессивную власть в мире» с высоких и низких трибун, показывая в то же самое время в кармане знаменитую фигу... Следует отметить, что такая карманная демонстрация тоже была отнюдь не безопасна: демонстранта если и не сажали до поры, то наказывали иными способами, всегда болезненными.

Советская власть любила свою «творческую прослойку», любила до такой степени, что иногда насмерть душила в объятиях. Властители жизни и смерти превосходно знали, как сильно воздействие искусства (или же псевдоискусства) на массы замороченных людей, составлявших «единый советский народ». Знали и о том, как опасно для их власти живое острое слово – пусть даже завуалированное, произнесенное со сцены или с экрана, напечатанное на книжной странице. Поэтому творческие союзы были густо нашпигованы стукачами и партийными кураторами, а денно и нощно трудившийся цензорский аппарат, рядом с которым царская цензура показалась бы сопливой девчушкой, включал в себя таких пронизательных монстров, как «специалисты по неконтролируемому подтексту». Казалось бы: как можно контролировать то, что не поддается контролю? Ничего, справлялись...

Когда-нибудь, возможно, составят и издадут энциклопедию, собранную из примеров такого вот неконтролируемого, но вместе с тем подконтрольного подтекста. То будет, несомненно, достойный труд; он вызовет уважительное изумление читателя. Познакомившись с ним, можно будет прийти к выводу, что творческая интеллигенция довольно-таки успешно – совместно с диссидентами и неутомимыми тружениками теневой экономики – расшатывала ствол тоталитаризма. А то ведь существует нынче мнение, что «советские» писатели только тем и занимались, что жевали бутерброды с икрой в своем закрытом клубе на Поварской.

Писать о евреях – во всяком случае писать хорошо – в эпоху зрелого социализма было запрещено. Запретный плод, как известно, сладок и манящ, поэтому попытки написать что-нибудь о семени Авраамовом все же предпринимались. Но Б-г Свое – а черт свое: рука цензора, вооруженная красным карандашом, вырубала из русских текстов все, что было так или иначе связано с еврейством. Облегчу труд будущих составителей энциклопедии, приведу примеры. В верстке однотомника Переца Маркиша из «Большой библиотеки поэзии» красная цензорская рубка пришлась на само слово «еврей»; предлагалось заменить его на «брюнет», «человек», «гражданин» или «прохожий». Заодно выбросили из стихов и израильские географические названия: Иерусалим, Галилея. Вот так...

Но переведенный с идиша на русский язык «еврей» Маркиша не был прикрыт фиговым листком, и цензору не приходилось напрягаться. А вот с поэтом Семеном Израилевичем Липкиным получился настоящий конфуз: цензура прошляпила его стихотворение «Народ на букву “И”», газета «Вечерняя Москва» его опубликовала, и «вся Москва» заговорила о том, как ловко Липкин провел власти с их запретами, какой замечательный кукиш показал притеснителям творческой свободы и антисемитам. Объяснения цензуры, получившей щелчок по носу, носили формальный характер: кто ж тут поймет, может, это «итальянцы», может, «ингуши», может, даже угнетенные американским империализмом «ирокезы» – не обязательно же «идн», если к тому же «евреи» начинаются на совсем другую букву алфавита! Липкину долго не могли простить этой его «фиги» – она, собственно говоря, пометила его на всю жизнь.

Не секрет, что в советском искусстве, как его ни жали и ни давили, до самого конца существования режима сохранилось немало евреев. Было бы странным, если б эти люди не проявляли никакого интереса к своим национальным корням, не стремились бы каким-либо образом обозначить свой интерес, свою озабоченность. Цензура, однако же, с подозрительной трубой в глазнице, с карандашом в одной руке и с топором в другой, бессонно стояла на страже. Насквозь фальшивое понятие «дружба народов» (люди, человеки дружат друг с другом, а не народы!) не включало в свои рамки еврейское беспокойное племя. Украинец с бандурой, русский с гусями, чукча на олене, узбек с дыней, туркмен в

алом халате – все дружили, а еврею там места не было, еврей оставался за кадром. Единственный, быть может, случай «еврейского присутствия» в русском искусстве – Соломон Михоэлс с его колыбельной песенкой в кинофильме «Цирк», одобренном цензурой.

Итак, еврейская тема была под запр

етом – и далеко не она одна. Сильнейший удар ниже пояса нанес Софье Власьевне (так остряки «закодированно» именовали советскую власть в 60-е – 70-е годы) кинорежиссер Михаил Ромм своим «Обыкновенным фашизмом». Выходя из зала, зритель не сомневался в том, что гитлеровский Берлин и сталинская – да и послесталинская – Москва поразительно напоминают друг друга. Посещения нацистскими бонзами и советскими вождами художественных выставок ничем не отличаются друг от друга: те же тупые скучные физиономии, те же холеные ладошки, заложенные за спину или скрещенные пониже пупка... Сходство было столь велико, что становилось страшно: как бы чересчур сообразительных зрителей не перехватили на всякий случай тут же, в кинозале.

«Обыкновенный фашизм» – это и есть рельефный пример неконтролируемого подтекста: Ромм показывал коричневую Германию, а на ее примере исследовал собственную красную страну. И результаты исследования были печальны.

Приведу пример из собственной литературной практики. В середине 60-х было создано телевизионное театральное объединение на Шаболовке. Стали искать пьесы – с учетом телевизионных возможностей и особенностей. Решили заказать несколько пьес авторам. И я получил заказ на пьесу об Омаре Хайяме.

Инсценировать шаг за шагом биографию Хайяма мне было неинтересно. Взаимоотношения такого художника, как Хайям, и абсолютной власти – это дело другое! Хайям и его довольно вздорный покровитель Малик-шах, убитый религиозным фанатиком-исмаэлитом, – вот о чем надо было писать. Убийцу к шаху подослал Старец Горы – основоположник и теоретик политического исламского терроризма Хасан Саббах, построивший на своей Горе действующую модель мусульманского рая. Коротко говоря, я написал подробную, развернутую заявку, и заявка была принята и одобрена руководством ТВ.

Вскоре была готова и вся пьеса. Оставалось ее только поставить.

И вот тут-то и начались проблемы. Меня пригласили к какой-то даме для неофициальной беседы.

– Я прочитала вашу пьесу два раза, – сказала неофициальная дама. – Ваш злодей, этот Хасан Сабах, мне кого-то напоминает... Знаете, кого?

– Нет, – солгал я. – Понятия не имею.

– Неужели? – усомнилась пронизательная дама. – Так-таки и не знаете?

– Именно так, – стоял я на своем.

– Тогда я вам скажу, – сказала дама. – На Сталина он похож, вот на кого. А пьесу вам заказывали о Хайяме, а не о Сталине.

– Пьеса написана в строгом соответствии с заявкой, – привел я аргумент в свою защиту.

– Ну и что же? – парировала дама. – Ошибиться каждый может – и редактор, и всякий. Уберите сходство, добавьте биографии. Ведь Омар Хайям был знаменитый математик – вот и пишите об этом!.. А то напрашиваются нежелательные ассоциации: художник и власть, всякое другое.

– Солженицын – и.., – предположил я.

– И это, конечно, – подтвердила дама. – И весь подтекст сомнительный... Вот видите, вы и сами все отлично понимаете. Добавьте математики, и пьеса будет принята к постановке. А так – что вы кому хотите доказать? Вы молодой писатель, думайте о своем будущем.

Я не добавил, и пьесу завернули. Я хотел показать красивую фигу в кармане, но дама цепко схватила меня за руку.

Зато как изящно обошел «неформальных специалистов» Андрей Кончаловский! В финале его «Сибириады» белый, «беляк» стоит в одном ряду с погубившим его красным большевиком. Это была не фронда, а крамола. Сама идея примирения красных с белыми выглядела в те времена чудовищно. Не знаю, как Кончаловскому удалось протащить такой финал через все препоны, – но фильм вышел на экраны. И так называемый «массовый зритель» был на стороне режиссера, а не на стороне советской власти. Казалось бы, ничего страшного – ну, стоят себе на кладбище двое, плечом к плечу! Но взрывчатая идея, заложенная в этот символ, перехлестывала далеко за экран...

А у Чингиза Айтматова «фиговый бунт» провалился. Я слышал эту историю от самого Чингиза. Вот она.

«Мосфильм» снимал кино по повести Айтматова «Гульсары». Автор сам написал сценарий, там у него лошадь умирала в кадре. Тяжкая картинка, очень впечатляющая и наводящая на размышления. Так вот, рассказывал Чингиз, звонят ему во Фрунзе с «Мосфильма», говорят:

– Лошадь не должна умирать в кадре. Дело тут, как вы понимаете, не в лошади – напрашиваются человеческие ассоциации: почему умирает, кто довел до смерти и так далее. Цензура это все равно не пропустит ни при какой погоде, можете быть уверены. Так что решайте.

– Что же тут решать? – говорит Айтматов. – Гульсары умирает, на этом построена вся вещь. Как же оставлять ее в живых?

– Лучше, конечно, оставить в живых – так спокойней, – говорят из Москвы. – Или, на худой конец, пусть умирает за кадром.

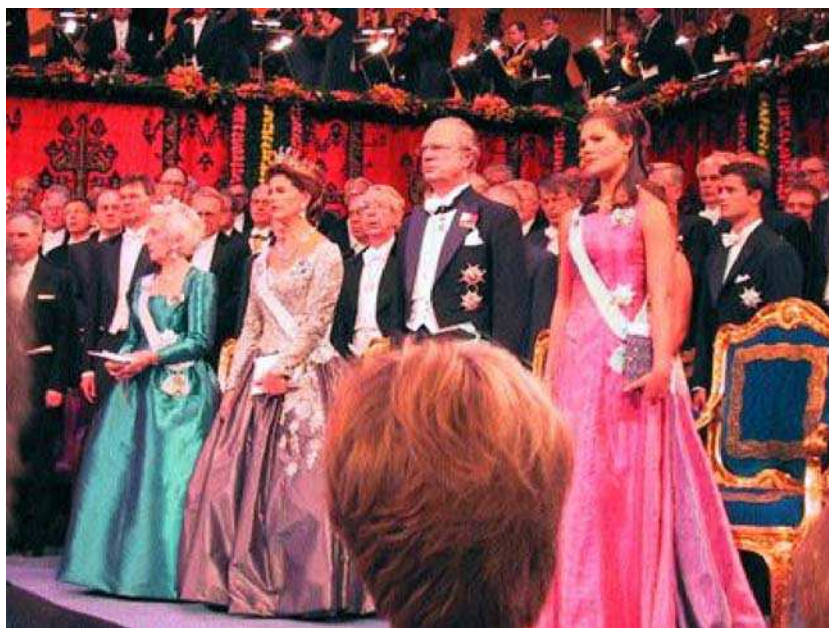
На том и порешили. Айтматов не смеялся, рассказывая эту историю, он был подавлен, грустен. Интеллигенция знала, с кем она имеет дело. И ее смешные, на первый взгляд, попытки бунтовать никогда не угасали – они светились и вспыхивали, как угли под пеплом.

НОБЕЛЕВСКИЕ ПРЕМИИ И ЕВРЕЙСТВО

אָדיר × אָדירע

*אַאַוֹיֹד - יִדִּיֹוֹאִיִּיֹד, אַאַעִיֹוֹאַעִוֹאַעִיִּיֹוֹעִ אַעִאִיֹוֹ יִאַעִאִוִיֹוֹאַדִּיִּאִיֹוֹיֹעִ אַעִאַאַאִיֹוֹ עֵעִ
עִיֹוֹיֹדִיֹוֹ אֹוֹעֵעֵ, עִעִדִּאַעִעִיֹוֹ יֹאַוֹאַד*

«Зал этот удивляет своей высотой, простором. Теперь он весь декорирован цветами и переполнен народом: сотни вечерних дамских нарядов, в жемчугах и бриллиантах, сотни фраков, звезд, орденов, разноцветных лент и всех прочих торжественных отличий. В пять без десяти минут весь кабинет шведских министров, дипломатический корпус, Шведская Академия, члены Нобелевского комитета и вся эта толпа приглашенных уже на местах и хранит глубокое молчание. Ровно в пять герольды с эстрады возвещают фанфарами появление монарха. Фанфары уступают место прекрасным звукам национального гимна, льющим откуда-то сверху, и монарх входит в сопровождении наследного принца и прочих членов королевского дома. За ним следует свита и двор... Открывает торжество председатель Нобелевского фонда. Он приветствует короля и лауреатов».



Это яркое описание торжественного акта вручения Нобелевских премий принадлежит перу лауреата Нобелевской премии по художественной литературе Ивану Бунину. С тех пор прошло 67 лет – ничего не изменилось. «Несмотря на большие изменения в жизни науки, – писал П. Капица, – одна вещь осталась неизменной – это Нобелевская премия. Ее значение ... общепризнанно». 10 декабря 1901 года произошло первое вручение этих самых престижных наград – и ныне идет подготовка к столетнему юбилею этого события. И наш журнал также включился в этот процесс. Как известно, Нобелевские премии были учреждены согласно завещанию шведского инженера и промышленника Альфреда Нобеля 27 ноября 1895 года. Призовой фонд в сумме 31 млн. шведских крон делился на пять равных частей, присуждаемых следующим образом. «Одна часть – лицу, которое совершит наиболее важное открытие в области физики; вторая часть – лицу, которое добьется наиболее важного усовершенствования или совершит открытие в области химии; третья часть – лицу, которое совершит наиболее

важное открытие в области физиологии или медицины; четвертая часть – лицу, которое в области литературы создаст выдающееся произведение идеалистической направленности, и, наконец, пятая часть – лицу, которое внесет наибольший вклад в дело укрепления содружества наций, в ликвидацию или снижение напряженности и противостояния вооруженных сил, а также в организацию или содействие проведению конгрессов миролюбивых сил». Таков текст из завещания А. Нобеля. В состав Нобелевской премии входят: золотая медаль с изображением А. Нобеля и надписью – «Альф. Нобель. С 1833 по 1896», диплом, денежный чек (ныне сумма составляет около 1 млн. долларов). Дата 10 декабря 1901 года была приурочена к 50-летию со дня смерти А. Нобеля и 100-летию со дня рождения его отца. В этот день Нобелевская премия была вручена шести лауреатам. Вот их имена: В. Ренген (физика), Я. Ван-Гоф (химия), Э. Беринг (физиология и медицина), Р. Сюли-Прюдом (художественная литература); пятую премию – за укрепление мира – разделили А. Дюнан и Ф. Пасси. В 1968 году в связи с 300-летием Шведского Государственного банка учреждена мемориальная Нобелевская премия – по экономическим наукам. Нобелевские премии мира утверждает Нобелевский комитет парламента Норвегии, они вручаются в Осло. Остальные Нобелевские премии утверждаются соответствующими научными учреждениями Швеции, и награждения производятся в Стокгольме – из рук короля. Нобелевские премии, за редким исключением, вручаются ежегодно. Начиная с 1901 года, произведено свыше 650 награждений. Интересен страноведческий анализ состава Нобелевских лауреатов. До установления нацистского режима первое место по числу Нобелевских премий занимала Германия, затем первенство перешло к США. С 1901 по 1990 год было выдано премий по странам (в скобках указано число эмигрантов, поселившихся или, наоборот, уехавших из страны): США – 216 (67), Германия – 87 (28), Англия – 75 (9), Франция – 48 (6), Швеция – 30 (7), Россия – 23 (7), Швейцария – 21 (11) и т.д. Видимо, комментарии здесь не нужны. Большая часть лауреатов Нобелевской премии – выпускники наиболее престижных высших учебных заведений мира. Первое место занимают американские университеты: Гарвардский, Колумбийский, Чикагский, затем Оксфордский, Парижский, Мюнхенский, Берлинский университеты.



В этой статье автор поставил своей целью обрисовать место евреев среди лауреатов Нобелевской премии и дать оценку полученной картины, прокомментировать ее. Задача эта оказалась весьма трудной. Хотя имеется довольно значительная литература о лауреатах Нобелевской премии, далеко не всегда удается установить их национальную принадлежность. Даже авторы немногочисленных специальных работ: Э. Фрейерштейн – «Евреи – Нобелевские лауреаты» (Тель-Авив, 1956), Т. Левитан – «Евреи – лауреаты Нобелевской премии» (Нью-Йорк, 1960) – не избежали ряда погрешностей. Далее. Встал вопрос извечный – кого считать евреем, имея в виду полукровок? В течение длительного времени мы проводили кропотливую работу по выявлению евреев – лауреатов Нобелевской премии: были подвергнуты анализу многие, разнообразные источники,

производилась сверка их друг с другом и сопоставление данных. Иногда приходилось идти, так сказать, против течения. Например, в солиднейшем немецком издании «Евреи в сфере немецкой культуры» (1959) приведен, с немецкой обстоятельностью и скрупулезностью, перечень ученых, которых иногда ошибочно принимают за евреев. Среди них великий итальянский физик Энрико Ферми – однако ныне достоверно установлено, что он еврей по матери; это признано официально. Что же касается полукровок, то мы вынуждены были исходить из галахического принципа – считать еврейство в таких случаях лишь по матери. В результате наших разысканий (с учетом галахического признака) мы составили следующую таблицу, охватывающую период с 1901 по 1992 годы включительно. Такое хронологическое ограничение связано с состоянием источников. Однако полученная картина данных в процентном отношении почти точно соответствует современному положению.

Полученная картина, безусловно, производит весьма серьезное впечатление. Представители одной из самых малых наций на земном шаре являются обладателями пятой части всех Нобелевских премий, полученных учеными и общественными деятелями различных национальностей. Каждый пятый лауреат Нобелевской премии – еврей! Можно ли объяснить столь странное явление? Вопрос чрезвычайно, я бы сказал, невероятно трудный. Сложности возникают с двух сторон: и в смысле научных доказательств, и в смысле преодоления обвинений в шовинизме, национализме и т.п. Но мы отмечаем подобные обвинения: если наблюдается явление, то оно нуждается в объяснении. Ведь объяснение – неотъемлемая функция науки. Во всех случаях мы подходим к таким понятиям, как «еврейский ум» и «еврейский характер», смысл которых со строго научных позиций представляется неясным. Например, в начале XX века во Франции вышла книга Ж. Мюре «Еврейский ум». Автор, ярый антисемит, признал наличие такого понятия, но не смог его определить. Даже великий И. Павлов в специальной работе «О русском уме» также отказался от универсального определения «русского ума».

Возвращаясь к ответу на поставленный вопрос, мы после предпринятых попыток приходим к выводу: в настоящее время объяснить явление «еврейского засилья» в ситуации с Нобелевскими премиями однозначно вряд ли возможно. Говорить можно лишь на гипотетическом уровне. Выдвигаем две гипотезы. Первая – НАУЧНЫЙ АВАНГАРДИЗМ, иными словами стремление еврейских интеллектуалов сказать новое слово в творчестве, вырваться вперед, обогнать коллег. Конечно, это не исключительное свойство евреев, но нельзя отрицать, что оно часто сопутствует еврею, принимая иной раз страстные, фанатические формы. Здесь просматриваются генетические корни – вековое, впитанное с молоком матери, субъективное или объективное стремление вырваться из тесных рамок прежнего положения еврейства. Вторая гипотеза также связана с генетикой. Это ТЕОРИЯ ВЗРЫВА, или феномен «СВЕРХНОВОЙ ЗВЕЗДЫ». Суть ее такова. Многие сотни лет еврейство, его представители накапливали скрытый творческий потенциал. Ныне он вырвался наружу в форме взрыва, что привело, в частности, к обвальному выделению научной энергии.

Но столь высокие темпы роста долевого участия евреев-лауреатов со временем снизятся – это закономерность перехода экспоненты в логистическую кривую. Слабое место обеих гипотез – вопрос, почему за 50 лет Израиль не дал ни одного лауреата Нобелевской премии по науке?

Теперь об отраслевом составе евреев-лауреатов Нобелевской премии. Здесь свои гипотезы. Высокий удельный вес евреев в области экономической науки можно, видимо, объяснить традициями участия евреев в экономической жизни и в экономических исследованиях. Напомним, что из трех великих основателей политэкономии капитализма

двое – Маркс и Риккардо – были евреями. Кроме того, в современных работах по экономике велика роль математических методов, а в развитии математики роль евреев весьма велика. Примерно то же самое можно сказать и о медицине, где исторически сложилось широкое участие еврейских специалистов.



Успехи еврейских ученых в области физики, полагаем, связаны с ростом роли теоретических разработок этой науки, что требует определенного склада ума, в известной мере характерного для еврейских ученых. Относительно химии не беремся рассуждать. Что касается малого числа лауреатов по литературе, то, возможно, ответ надо искать в отсутствии в течение многих веков государственных, почвенных корней еврейской литературы.

Значительная часть лауреатов Нобелевской премии в области борьбы за мир – это государственные деятели, но и их число среди евреев незначительно по той же причине.

Таковы наши гипотетические попытки объяснить куда как незаурядную роль еврейства в кругу высших достижений минувшего века – в кругу Нобелевских лауреатов.

У нас нет, разумеется, возможности провести анализ по странам, по географическому признаку, хотя это и представляет несомненный интерес.

Но вот несколько слов о ситуации в России. В этой стране лауреатами Нобелевской премии стали девятнадцать человек – не считая тех, кто покинул ее в молодом возрасте. Из них евреев – восемь, что составляет 42% – цифра, вдвое превышающая среднемировой уровень. Перечислим этих лауреатов. По литературе – Б. Пастернак и И. Бродский, по физиологии и медицине – И. Мечников, по физике – И. Тамм^[1], И. Франк, Л. Ландау и Ж. Алферов, по экономической науке – Л. Канторович (единственный экономист-лауреат в России).

А теперь приведу несколько конкретных примеров, заслуживающих внимания. Первым евреем, награжденным Нобелевской премией, был знаменитый германский физик Адольф фон-Байер (1835–1917). Целых 70 лет он находился в авангарде мировой химической науки, он создал знаменитую научную школу, был автором многих крупных открытий, оказал огромное влияние на формирование и развитие науки и промышленности органического синтеза. С именем Байера и его школы связаны основополагающие работы по бензолу, фотосинтезу растений, ализарину, аспирину, вероналу.

Назову имена лауреатов-евреев, первых в своих направлениях: А. Майкельсон (1907, физика), И. Мечников (1908, физиология и медицина), П. Хейзе (литература, 1910), А. Фрид и Т. Ассер (за укрепление мира, 1911), П. Самуэльсон (экономика, 1970).



Привлекают общественное внимание лауреаты Нобелевской премии – бывшие малолетние узники нацистских концлагерей. В 1981 году премии по химии удостоен Роалд Хофман. При вручении ему награды секретарь Нобелевского комитета шведский барон С. Рамель заплакал: – он знал биографию Хофмана. В 1941 году на Украине четырехлетний мальчик попал в гетто, затем в концлагерь. В 1943 году отец переправил жену и сына в маленькую деревушку, где они прятались, подкармливаемые крестьянами. Впоследствии Роалд окончил Колумбийский университет (медицина), Гарвардский (физика), Упсальский в Швеции (квантовая химия), стажировался в Московском университете. Ныне – крупнейший химик мира. После вручения премии выступил с речью в Стокгольмской синагоге; он активно пропагандирует иудаизм, автор поэтических сборников «Если я забуду тебя, Иерусалим», «Преувеличение Маркса». После публикации моей статьи о нем Р. Хофман прислал мне письмо. «Дорогой профессор Черняк! Для меня было большим сюрпризом открыть “Вестник Хайфы и Севера” и прочесть вашу статью... Что важно – это ваша сердечность и теплые чувства к маленькому мальчику, которым я был, и к нашему народу. Стиг Рамель, прекрасный человек, был прав, когда плакал обо всех сотнях тысяч маленьких детей, которые погибли. Я тоже плачу о них, невинных, потерявших жизнь...»

В 1986 году Нобелевскую премию мира получил Эли Визель, выдающийся писатель, публицист, профессор иудаизма в Нью-Йорке, председатель Американского мемориального совета по Катастрофе европейского еврейства. Э. Визель родился в 1928 году в Румынии, в хасидской семье. В 1944 году семья Визелей оказалась в лагере смерти Биркенау, родители Эли и его сестра погибли. Затем Эли попал в Бухенвальд, где его ждала верная смерть, но его спасло наступление Красной Армии. В 1958 году в США выходит в свет его автобиография «Ночь», она стала всемирным бестселлером, переведена на 18 языков. В романе «И мир молчал» и в трехтомном сочинении «Против молчания» – обличение тех, кто хранил молчание в период Холокоста. Роман «Нищий в Иерусалиме» – о Шестидневной войне. Перу Визеля принадлежит свыше 30 книг. Он награжден орденом Почетного Легиона, медалью Конгресса США, другими почетными наградами. При вручении Нобелевской премии в адрес писателя прозвучали слова: «Визель обращается к человечеству с посланием о мире, искуплении, человеческом достоинстве».



В 1992 году из семи лауреатов четверо – евреи. Один из них – Жорж Шарпак, крупнейший ученый в области элементарных частиц, изобретатель ряда важнейших приборов, в частности применяющихся в рентгенологии, член Академии наук Франции. Участник Сопротивления, юношей он был схвачен нацистами, отправлен в лагерь уничтожения Дахау, провел год между жизнью и смертью и в самом конце войны был освобожден в результате разгрома нацизма.

Три лауреата Нобелевской премии, которые в детском или юношеском возрасте были узниками нацистских лагерей уничтожения, спаслись благодаря счастливому стечению обстоятельств. Сколько погибло среди миллиона детей-жертв нацизма – возможных лауреатов Нобелевской премии, не знает никто и никогда не узнает...

Отрасль	Общее колич.	Колич. евреев	Доля евреев	Место отрасли
Худ. литература	89	11	12,4%	5
За мир	75	6	8,0%	6
Физиология и медицина	155	42	27,1%	2
Химия	116	19	16,4%	4
Физика	140	35	25,4%	3
Экономика	32	11	34,4%	1
ИТОГО:	607	124	20,3%	

«МОЯ ВОЙНА ЕЩЕ СТРЕЛЯЕТ РЯДОМ»

Ёаҫади Ёаҫади

О Борисе Слуцком и его поэзии



Через пять лет после смерти Бориса Слуцкого, в 1991 году, литературный критик Юрий Болдырев, которого поэт выбрал своим литературным душеприказчиком и который очень много сделал для публикации его архивного наследия (как выяснилось, огромного – напечатанное при жизни автора было лишь малой частью), опубликовал в библиотечке «Огонька» маленькую книжку его мемуарной прозы «О других и о себе». Мемуарная проза – это, пожалуй, слишком громко сказано, книжечка состоит из набросков, зарисовок, заметок, которые, правда, свидетельствуют о том, что мысль о книге воспоминаний время от времени у Слуцкого возникала.

Вообще же он не любил писать о себе: ни одной опубликованной автобиографии, единственный раз – к сборнику «Доброта дня» (1973) – сочинил авторское предисловие «Слово к читателю», видно, очень уж в издательстве настаивали, уговорили. Да и повод был серьезный – вот как начинается это предисловие: «Стихи, составившие книгу, написаны преимущественно после 7 мая 1969 года. В этот день автору стукнуло 50 лет. Такую дату приходится и продумать и прочувствовать. Хотя бы потому, что “и погромче нас были витии”, а шестой десяток распечатывали очень редко».

Стоит заметить, что ни юбилейного вечера, ни официальных поздравлений в честь этой даты не было. А мысль о том, что «и погромче нас были витии», всегда присутствовала в самооценке Слуцкого. И рассказывать о себе он не любил, не принадлежал к тем, кого называют душой общества, кто в компании держит площадку, разве что к слову что-то вдруг вспоминал. Немногословен был и всегда точен. В «огоньковской» книжечке есть такое его признание: «Когда истории рассказываешь по многу раз, они меняются, становятся впечатляющей, отточенной. В худшую сторону меняются. Я это заметил и рассказывать перестал». Однако собеседником Слуцкий был замечательно интересным, не зря же Илья Эренбург дружил с ним, часто встречался. «Никогда прежде я не думал, – писал он о Слуцком в книге “Люди, годы, жизнь”, – что смогу разговаривать с человеком, который на тридцать лет моложе меня, как со своим сверстником; оказалось, что это возможно».

Слуцкий и в стихах привержен к «точности дотошной», к «прямоте и краткости». Один из любимых его эпитетов – «толковый». Не без свойственной ему самоиронии представляется Слуцкий в одном из стихотворений читателям:

Ôàèòîâèé, íàòòðàèèòò, ýì í'èðèé,

à í á ááññ àðäññ í í úé èèðèé!

Ì àèîá çí àòî:áññ áñ ññîá

Í á ññ áíýþ í à áðäí úá

«Ì àòîá»

Но ирония корректирует здесь скорее форму выражения, чем суть сказанного. Потому что Слуцкий по природе дарования, конечно, лирик, и в его стихах, как говорил Маяковский, «отстоялось словом» многое из пережитого, увиденного, прочувствованного, это та почва, на которой они взошли. Так и не написанная им для печати автобиография растворилась в стихах, они буквально набиты точными, без поэтических вольностей и художественных красот, конкретными подробностями его жизни.

Я еще вернусь к этому, но сначала хотя бы краткие биографические сведения.

Борис Абрамович Слуцкий детство и школьные годы провел в Харькове, в рабочем районе, жила его семья скудно, родители едва-едва сводили концы с концами. Но вспоминая об этом в стихах, он никак не выделяет себя и свою семью – таково органическое свойство его мировосприятия, природный, ставший затем осознанным демократизм:

В ññ íþ éáððèèðú í àèè òí'èîáí úá

È çàí àð ááññú.

È áçðññèúó òðúáú.

Í ú áññ áúèè ááññ úá

Í á òí ÷òíá áèíáí úá

À i òĩ òĩ - i àèĩ àúèĩ àáú.

Áĩĩĩ àúèĩ i àèĩ.

Áĩĩĩ í á òáà ò àèĩ

Ááòyĩ è àòĩ òúĩ ò íá èáà ò àèá

Áááü òĩĩ

«Ááááü è i ú»

Лизарю,
прикрывшую
трудом и
Борис Слуцкому
эту книгу
и предисловие
10.10.1969

Автограф Слуцкого на книге, подаренной автору.

Интерес к поэзии возник у Слуцкого очень рано, он уже в школьные годы жил поэзией. Кажется, в единственном его большом интервью, опубликованном в «Литературной газете» незадолго до его тяжелой болезни под рубрикой «Скажи мне, что ты читаешь...» (конечно, это была перестраховка: мол, Слуцкий интересуется газету не столько как поэт, а как одержимый читатель), он вспоминал: «В семье у нас книг почти не было... Первая книга стихов, самолично мною купленная на деньги, сэкономленные на школьных завтраках, – томик Маяковского... В середине 30-х годов в Харькове мне и моим товарищам, особенно Михаилу Кульчицкому, читать стихи было непросто: достать их стоило немалого труда. Книжку Есенина мне дали домой ровно на сутки, и я сутки подряд, не разгибая спины, переписывал Есенина. До сих пор помню восторг от стихов и острую боль в глазах. Точно так же, как радость от чтения какого-нибудь однотомника – тогда это был самый доступный вид книгоиздания – смешивалась с легким чувством недоедания. Короленко – полтора рубля – тридцать несъеденных школьных завтраков». Это все отозвалось в прекрасных стихах:

В í á i àáú úá àáú úèè ó: èèüü òò èòáì ,

Í á òýæáèòò, àèèèòò i àáú

È í áááò yò íé i àáè òò áá i í ò í á

òò èòáè,

Áí òèò i í ò i ò í á i èèè

àò ãñì àòü

Ì àòü, áúâèí, í à áóèéó àààò ì í á

íÿòàé,

À íîçáí áá - è ááá íÿòàéà

В ò äñí äë äí í áááà è çàòò ðäèèé ò àé,

Ì íéóí àÿ éí è æ í í è è ñ è ò è à

«Ì ááí ù á ááí ù è»

Закончив школу, Слуцкий отправляется в Москву, поступает в юридический институт, затем параллельно учится и в Литературном институте. В предвоенную пору появилась в Москве группа молодых поэтов, в нее, кроме Слуцкого, входили Павел Коган, Михаил Кульчицкий (земляк и самый близкий друг Слуцкого со школьных лет), Давид Самойлов, Сергей Наровчатов, Николай Майоров, Илья Лапшин, Борис Смоленский, Всеволод Багрицкий. Их заметили в литературной среде, они много обещали. Но началась война, и из студенческих общежитий молодые поэты отправились на фронт, разделив печальную судьбу большинства своих ровесников – «немногие вернулись с поля». О павших в те свинцовые годы друзьях Слуцкий напишет пронзительные, ставшие хрестоматийными строки:

Ñäé: àñ áññ ÿò í ñò ðáí í í,

Çäó: èò áññ ÿò í äëóí í.

À íÿò è ññññí è ò ñò ðáí à ò

Çàðú ò ù í à ò è ò ðñí ù.

È ì ðáí í ð è ä é ò áí áí ò í á -

Òáí äñí ù é ì í í òí áí ò -

Ááí ÷ áí ù á ò á ò ò ä è áí ò í á

Ðàçáÿçèà ò á ò è ááí á

«Áí è ññ ä ðññ»

Литературная судьба Слуцкого сложилась так, что, напечатав перед самой войной, в мае 1941 года, первое стихотворение, он замолчал на десять с лишним лет (по его собственному признанию, в войну он написал единственное стихотворение – «Кельнская яма»). Следующее стихотворение – «Памятник» – опубликовано в августе 1953 года в «Литературной газете», когда многие ровесники Слуцкого уже выпустили не одну книгу.

Между этими двумя датами была война: Слуцкий пробыл на фронте все четыре года – как потом говорили, «от звонка до звонка». Начинал на Смоленщине, а кончил в

Югославии и Австрии, был ранен, контужен, стараясь служить в тех частях, которые «пехотнее» (этим словечком в письмах с фронта родным и друзьям он обозначал высшую меру военных тягот и опасностей), сполна изведаль и фронтовых бед, и госпитальных мучений. «На войне, – это одна из записей Слуцкого, вошедших в “огоньковскую” книжечку, о которой я уже говорил, – я почти не писал по самой простой и уважительной причине – был занят войной. По нашу сторону фронта не было, как известно, ни выходных дней, ни солдатских отпусков».

После войны почти два года Слуцкий провел в госпиталях – последствия контузии: непрекращавшиеся головные боли, бессонница, депрессия. Преодолевая эти тяжелые недуги, с великим трудом стал он сочинять стихи. Потом признавался, что стихи его «вытолкнули из положения инвалида Отечественной войны второй группы, из положения, в котором есть свои удобства». Он написал потом и об этом – о мучившей его невыносимой головной боли и о том, как он от нее избавился, как ее преодолел.

*Ni añeái æá àiì, ñòèòè ì íè,
Çà òí, ÷òí, éíããà ì ðèøéà ááããà
Âù áúèè ì í á àì àñòí ñàì úè,
Âì àñòí éþááè, àì àñòí òðóãà
Ñi añeái, ÷òí ì ðíùàèè ì áíÿ,
Èàè áú ì èíòí àñííé ì èñàè,
Â òíò ãã, éíããà, áúéäÿ èç íãÿ,
B íò ì ñíèááñò àèé ñáÿ ñí' àñè.
Ñi añeái àiì, ì íè áðà:è,
Çà òí, ÷òí ÿ í á çàì íèé, í á ñòèã
Òáì áðíÿ çáíðí' Òáì áðí- àíð:è,
Áñè á ÷àì ñí' áðí
ì íè ñòèã*

«Как я снова начал писать стихи»

Но и преодолев более или менее болезнь, жил Слуцкий в послевоенные годы очень нелегко. Для многих вернувшихся с войны солдат и офицеров это были тяжелые годы. По воле Сталина вытравлялась фронтовая вольница, уже и в грош не ставились военные заслуги, заработанные на фронте ордена и звания, даже день Победы был упразднен как государственный праздник. Об этом горькие строки Слуцкого:

*Éíããà ì ù ááðí óèèñí ñáíéí ù,
B ìííÿè, ÷òí ì ù í á í óæí ù.*

Çaõëááúááúññí îò íñò áëúãë,

Í ò í ãñ ááðòáí í é àéí ú.

В íííÿë: èí úá, äðáëá

Ñíáñí í á ò àéëá í óéí ú.

«Éíááà ì ú ááñí óëèññí ñ áíéí ú...»

И для него самого это были годы скудные и бесприютные, своего жилья не было – снимал углы, постоянной работы тоже – шестой пункт в анкете становился в те годы непреодолимой преградой, жил на скудную инвалидную пенсию и перепадавшие время от времени гонорары за радиопередачи. Но уже всепоглощающим содержанием его жизни стали стихи. Писал много – видно, поэтической энергии накопился мощный, неиссякающий запас. И, конечно, больше всего о войне писал – она была главным событием, главным содержанием жизни:

À á íáúáí, í è:áã, éðñí á áíéí ú!

Í ó õñ ò ù áú õí ú. Í àò, í è:áã.

Í èñéíéúéí. Í í à ñéðèí èò,

éàé èí ááéëáó - éíééà

Ñéðèí èò áñ ñí:ü

ááíéü áñé áá äééí ú.

«À á íáúáí, í è:áã, éðñí á áíéí ú!..»

Снова и снова возвращался Слуцкий к пережитому в те трагические годы. «В моем стихе, – признавался он, – как на больничной койке, к примеру, долго корчилась война». Он написал о войне много очень сильных стихов, но неотступая память о фронтовых испытаниях пронизывает и его стихи о мирной жизни, она всплывает в произвольных ассоциациях, во вдруг возникающих сравнениях. О времени, проведенном в больнице, он скажет: «в многосуточной отлучке самовольной из обычной злобы дня»; о вдохновении: «словно в самом конце войны, когда от волнения в горле першит»; о старых рифмах: «не снятые с вооружения, как штык, хранимый на случай рукопашной схватки».

Уже стихотворение «Памятник» – первое опубликованное стихотворение Слуцкого – обратило на себя внимание читателей, заставило их запомнить фамилию автора. На фоне широко распространившейся в ту пору благостной казенщины, бодряческого равнодушия оно особенно резко бросалось в глаза. Картиной боя начинается стихотворение:

Áéáéçéÿ éáçëà í à äðááí ú ã ðú

Í í ì áðçéí ì á

і адо аі і а

і і адо і о аі і р...

Все происходит так (и разговорное «лезла», и описание камня, который только и видит – ничего, кроме него – прижимающийся к земле пехотинец, это подчеркивается, как обычно бывало в трудном бою. И солдат, которому на вершине теперь сооружен памятник, не водрузил там, как этого требуют романтические каноны, знамени: «И ниже меня остается крутая, не взятая мною в бою высота». Смерть его была мучительной (это только одубевшие генералы и пуровские соловьи утверждают, что солдаты умирают с улыбкой на устах): скульптор, резавший из гранита памятник, – здесь пронизывающая стихотворение внутренняя полемика с эстетикой приглаженности выходят на поверхность, идут уже почти впрямую, – «гримасу лица, искаженного криком, расправил, разгладил резцом ножевым». Стихотворение строится на перемежающихся контрастах, благодаря которым высокое не превращается в риторику: «Я умер простым, а поднялся великим», живой человек – и гранитный памятник, прах солдата-пехотинца, который «с пылью дорожной смешался», – и «пример и маяк» для целых народов. Поразителен ритм «Памятника», соединивший затрудненное дыхание солдата, штурмующего кругую высоту, и величавый покой реквиема, возносящий над всем бранным.

Памятник в океане. или Эрленбург.
Памятник убитой плавилье,
Но - восторгом. Нидерланд.
"Горю" - по-русски значить "слаба" -
Эта вам запомнится штега
Шел корабль, свел на бабелю горюю
Океан старался - превозмочь.
В Троне, доброме штега штега,
Туда - штега штега штега и штега.
Туда штега! Поэт штега Туда!
Счастьи штега штега не штега.
Далеко корабль пробил штега
Далеко - штега от земли.
Людям штега в штега, в штега штега.
Людям штега штега штега
Как же штега и что же штега, штега.
Нету штега на штега и штега?
Пили по океану, рожне оштр,
В штега, в штега, оштр штега штега.
И штега штега - штега штега,
Океан штега штега штега.
Но не было штега штега штега
Но штега штега штега штега
Дураг штега штега штега штега
Туда, кто штега штега штега штега
Кому штега на штега и штега штега,
Штега штега штега штега штега
Штега штега штега штега штега штега

Автограф стихотворения Слуцкого.

Появившимися после «Памятника» в журналах стихами (а еще больше их распространяли в рукописном виде, передавали из уст в уста) заявил о себе человек, за плечами которого был выстраданный жизненный опыт, и поэт, вполне сложившийся, с уже определившейся эстетикой, с самобытной манерой. Он последовательно отвергал какую-либо приглаженность, ретушь, «домалевыванье», наигранный пафос. То была не только эстетическая, но и жизненная позиция, проверенная войной и нелегкими послевоенными годами.

У Слуцкого в отличие от многих его ровесников, заявивших о себе раньше, даже в первых стихах не было ничего ученического. Не было в них и молодой задиристости, и часто возникающего у вступающего в литературу желания непременно выделиться, ошеломить демонстративной неординарностью, во что бы то ни стало привлечь к себе внимание, – он просто неуклонно гнул свое, не стараясь произвести впечатление, понравиться. Он не числился в молодых, не ходил в начинающих – разве что в предвоенные годы, для него в сущности еще внелитературные. Но не в середине 50-х, когда он начал печататься.

Не был он, тоже в отличие от многих ровесников, певцом своего поколения. Он писал о народной войне, о том, чего стоили эти четыре кровавых года народу. О тяжелых потерях, о братских могилах: «их много на шоссе на Ленинградском и на других шоссе – их без числа»; о наших пленных, «мрущих с голодухи в Кельнской яме»; об инвалидах, «тела которых исчиркала война»; о горькой судьбе солдатских вдов: «дорожки от слез – это память о нем»; о «городах, большой войной измученных»; о том, «сколько черствого хлеба мы ели, сколько жидкого чаю мы пили»; о мальчишках-ремесленниках, вставших вместо отцов за станки, отдавших «отечеству не золото-серебро – единственное детство, все свое добро». Он писал об испытаниях, через которые прошел весь народ.

Вот вам село обыкновенное:

Сăăтї êæăăÿ âò îðăÿ áááá
Áúêà æáí à, ññ ðññ ááðí àÿ,
Ï îêà í á îðêáúêî ê ç ò ááá
Ï êññ î, áóì àæêà î îîîðí í àÿ
× ò î î êññðñ í áí êññê áðàçí àðêá
«Áî ò ááí ññê î áúêê í ááí í á...»

Это подчеркнутое – «село обыкновенное», «каждая вторая баба» – чрезвычайно характерно для поэта. Здесь отчетливо проступает эстетический принцип, краеугольный для поэтики Слуцкого.

У этой поэтики, у стоявшего за ней жизнепонимания были очень влиятельные противники, пользовавшиеся благосклонностью властей. И когда на Слуцкого напали, это были не легкие критические шлепки, которыми учат уму-разуму молодых, а настоящие удары, которыми норовят свалить с ног, уничтожить. Но и хвалили его не в кредит, не авансом, а без каких-либо оговорок – за то, что уже было добыто, заработано. Он сам писал об этом. С иронией – в прозаических мемуарных записках.

«Моя поэтическая известность была первой по времени в послесталинский период новой известностью.

Потом было несколько слав, куда больших, но первой была моя глухая слава. До меня все лавры были фондированы, их бросали сверху.

Мои лавры читатели вырастили на собственных приусадебных участках».

И вполне серьезно в стихах:

В і а аіе і іеіаіі ііуоіі.
І е аіу і а :еііеіі. І іуоіі о
І а і іео: ае у і аааіі уо,
х о і аіааеур о іі аеу і еа
В уо і е ау о ее, уо і е ііе ае
І а ауе. Е аі і іііаіі ае і е о ее
çаі еіаі і і а і а і а і у ііае!
Е даі: аеіі, даіі еа о еіі.
І і і а аао аеіі, і а едоо еіі
Е і а аіе і іеіаіі - і е аіу!
«В і а аіе і іеіаіі ііуоіі...»

В 1956 году Илья Эренбург напечатал в «Литературной газете» статью, посвященную стихам Слуцкого (еще не вышла – только готовилась – его первая книга). Статья эта вызвала газетную бурю. Эренбург поставил не известного широкому читателю автора в первый ряд отечественной поэзии, состоящий из самых громких имен: «Конечно, стих Слуцкого, – писал он, – помечен нашим временем – после Блока, после Маяковского, но если бы меня спросили, чью музу вспоминаешь, читая стихи Слуцкого, я бы, не колеблясь, ответил – музу Некрасова».

Это пронизательное, точное наблюдение. Какие же особенности некрасовской музыки имел в виду Эренбург? Вот что об этом думали в ту пору, когда Эренбург входил в литературу, что уже тогда было общепризнанно. Василий Розанов утверждал, что «Некрасов дал первый образец прозаического стиха». Юрий Айхенвальд так характеризовал новаторство Некрасова: «Решительно и без боязни расширил он владения поэзии, с лугов зеленых и вольных полей ввел ее также в городские ворота, на площади, в угар суетливых улиц. Это – завоевано, это – мрачная провинция красоты».

Ассимиляция прозы жизни в стих – вот в чем Слуцкий следует за Некрасовым, это одна из важнейших особенностей его поэтической индивидуальности. Такой большой прорыв прозы в поэзию, как у Слуцкого, случается не часто. Он изменил современные ему представления о границах поэтического, существенно расширил их. Проза жизни не только определила круг насущных тем, к которым обращается поэт, не только обусловила его пристальное внимание к быту и подсказала выбор героев – солдаты, посетители районной бани, жители городских окраин, соседи по коммунальной квартире... Вторжение прозы оказало воздействие на все элементы стиха: образный строй, язык, интонацию. Смело и широко Слуцкий использует солдатский жаргон военных лет, просторечия, даже вошедшие в разговорную речь канцеляризмы. И перебои ритма, и недосказанная, оборванная или намеренно несладкая фраза, и повторение какого-то характерного словечка – все это от сегодняшнего говора улицы, который чутко схватывал Слуцкий. При

этом угловатость стихов Слуцкого, которую отмечали едва ли не все писавшие о нем критики, обманчива – он из тех поэтов, которые огромное значение придавали форме, «технике», инструментовке. Угловатость – результат не небрежности, а стремления разрушить, взорвать гладкость, зализанность, преодолеть литературщину.

Существует точка зрения, наивная, но довольно распространенная, что поэзия такого склада идет по следам прозы, зарифмовывая то, что до нее было описано в повестях и романах. На самом деле речь идет не о повторении того, что рассказано прозаиками, а о расширении сферы поэтического за счет прозы жизни, об «удивительной способности делать поэтическими самые прозаические предметы», которую Белинский отмечал у Пушкина.

И не об этом ли, выступая на первом съезде писателей, говорил Борис Пастернак: «Поэзия есть проза, проза не в смысле совокупности чьих бы то ни было прозаических произведений, но сама проза, голос прозы, проза в действии, а не в пересказе. Поэзия есть язык органического факта, т.е. факта с живыми последствиями. И, конечно, как все на свете, она может быть хороша или дурна, в зависимости от того, сохраним ли мы ее в неискаженности или умудрится испортить. Но как бы то ни было, именно это, т.е. чистая проза в ее переводной напряженности, и есть поэзия».

Как правило, Слуцкий обращается к обыденному, не укладывающемуся в утвердившуюся «норму» поэтичного житейскому факту. Он стремится воспроизвести «натуру» – вполне будничную, примелькавшуюся, если и способную как-то привлечь наше внимание, то как раз явным отсутствием привычных, прочно закрепленных традицией поэтических «примет». Это один из краеугольных камней его поэтики. Поэзия для него вообще начинается с этого.

Приведу в качестве примера стихотворение «Как отдыхает разведчик» (стоит, кстати, попутно обратить внимание на очень характерный для Слуцкого тип заглавия: сказано деловито, просто, кратко, как в инструкции или справке; эта деловитая точность очень важна для автора, и его несколько не смущает повторение одной и той же формулы:

«Как меня не приняли на работу», «Как растаскивается пробка», «Как сделать революцию», «Как убивали мою бабу», «Как я снова начал писать стихи» и тому подобное).

Стихотворение начинается так:

Âî ò îí ààðí òéñŷ ñçàââí ùŷ.

Âî ò îí ï ðîñŷ àè, ñèîüüèí ï îâ

âî ò ŷí óâ àâîëü ï èðŷçââí ùŷ

ï àðò èñŷŷæâí í ùð í îâ

Âî ò ðàñŷò àèèè ï èàù-ï àèàò èá

Âî ò ï îâñŷ ðèâîò óñŷ.

Î, âí ÷âñ æá âí ñèââèè,

Áíëüøéá ðöèè áýéí ðáñí éáñò áá

Éáæèò ññääò.

Автор словно боится оскорбить неуместным пафосом или сентиментальной нотой скорбную минуту. Даже эпитеты – «последнею», «предсмертным», «большие» – могут быть прочитаны и как простые определения. Но глубоко спрятанная горечь нарастает, становится почти нестерпимой:

Он мог лежать иначе,

Он мог лежать с женой в своей

постели,

Он мог не рвать намокший кровью

мох,

Он мог...

Áà ì íáèè? Áöüòí? Í áææèè?

Í àò, íí íáì íã

Áì ó áíáí éíì àò ì íáñò èè ññää,

Ñíèì íðèöáñí øèè, øáññèè.

Á òúéó ñò ó: äè ì àøéí éíé ò ðè áóí äè.

За четырежды повторенным печальным «он мог» и тремя короткими вопросами, безжалостно отсекающими все эти «мог», – горькая неотвратимость трагической судьбы солдата. Куда ему было деваться – военкомат, офицеры, приказы которых он должен беспрекословно выполнять, иначе безжалостный трибунал. Но неужели все дело было в непреклонной воинской дисциплине, в суровых карах, которые угрожают солдату, не выполнившему свой долг? Нет, не этим кончается стихотворение, Слуцкий копает глубже – в финале трагическая неизбежность осмыслена как высокая необходимость:

Íí ááç ì íáñò íé, íí áú ñí ì íøää

È í á çà ñò ðáö - çà ññääò ù

è çà íí: áñò ù

Éáæèò ññääò - á éðí áè éáæèò,

á áíëüøíé,

Á æàèí áàò ùññ í èéíì ó í á õí: àò.

Как легко здесь было впасть в высокопарную патетику или, наоборот, в сентиментальную слезливость. А для Слуцкого этих опасностей словно бы не существует. В его стихотворении сочетается, лучше сказать, сплавлено несочетаемое – предсмертная тоска и готовность к самопожертвованию, ужас кровопролития и высота духа.

«Поэтическое вдохновение» – это стало устойчивым словосочетанием, согласно традиции оно окрыляет, одаряет божественной легкостью и свободой. В стихотворении «Как делают стихи» творческий процесс с неслыханной в истории поэзии дерзостью уподобляется атаке пехотинцев, которую Слуцкий рисует, отбросив традиционные романтические костюмы и декорации, не скрывая жестокой реальности, и между этими, столь далекими сферами действительности – муки творчества и кровавый бой – возникает поле поэтического напряжения.

Ñòèõ ãñò ààò, èàé ìéääò.

Í àò, íí èàé ííèèò ðóé,

× òí íáÿçáí áñçãääèò ù áðí ìé,

íò ðñááÿ íò ááóò íòí íðí æáí íúó

ðóé

çáí èþ áñþ.

Áèèíó - áñþ. Ááññ - í áññé

Ñòèõ ãñò ààò, à ñéíáà, èàé ìéääò ù,

èáæàò,

Èàé ñéááÿí á è èàé áéääòè,

áññí èíáÿ í ðí èçáú, í ðí æáí,

í ðí èíøàò.

Íí-òí ãñò àé, à èðñáñí í è áóøé.

È òíáñà ííèèèò ðóé... áñ ðí÷áí, ÷òí æá

ÿ áàí

Áíáñðþ - ñòèõ! - ðáàò ààò í áññí,

áññò ñéíáà ðóéíÿò èíþ íí áéíáàí,

ñáííáñí áññò ñéíáà íí ííáñí.

È ñéíáà èç ñéíááññ ùó íéíííá ãñò àþò,

âiîîēçâpò èç-îîâ îēîââöy
è áââò çà ìòèèîî è îðè ýòîî îîpò,
ì èðîçâîî üî âîî ì àòâöy.
È, ôââò âyîîî (çà: âðéí óò úâ) çà æèâîò,
Óî èðâpò, ìî èðîî è òèèè...
Âîò èâè ðîòó îîâüâî èpò áâòâéó
è âîò
èâè îēââpò ìòèèè.

Слуцкий резко расширил владения стиха, отвоевал для него большие массивы прозы, считавшиеся прежде поэтически бесплодными. И при этом его «прозаический стих», как его часто называли в критике, пронизан замечательной музыкой – это органическое соединение прозы и музыки и делает Слуцкого большим поэтом. Внутренняя мелодия в стихе Слуцкого преобразует прозу, властно подчиняет ее себе, ведет за собой. Поразительны сила и энергия этой музыки – как разнообразны, но сразу же узнаваемы – это Слуцкий – его мелодии. Прислушаемся к ним, чтобы убедиться, что определение «угловатый» никак не может быть исчерпывающей характеристикой стиха Слуцкого. Вот примеры.

Î î îèè îâè è èî î - íâîîâèè,
Î î âîî áü îâèââèè ìòîðîîé,
Î î ââç ââîè è òîâèèèèè èðîîâèè,
À y ââðî óèîy. Óâèüé è æèâîé.
«Îâîîòâî èèâî»

Или другая мелодия.

Î ðââî à òâîâðîîèèèòî îâîîîèè.
Î èâîèè îîîyò òîèüèî áóðâèè.
È îîé, íâââðîî, îèîðîî âðîîyò,
Îââðîîy îèâæèèè.
«Î ðââî à òâîâðîîèèèòî îâîîîèè...»

Еще одна.

Î ââèðâpîîî òâðîîî üy î à âîp îîèîîò-

y ñçàì àmì àñ í ààèdàp,
í íèíæó í íóáíáí àà èdàñò è í àñ,
í èá:è - àñ àí èdìæ ñò èdàp.
«Í íèíñà í áóáá:»



В прошлом году в Петербурге изданы «Записки о войне» Слуцкого. Они были написаны в первые месяцы после победы, автору и в голову не приходило на протяжении полувека предложить их какой-нибудь редакции, уровень правды в записках был таков, что это грозило ему нешуточными неприятностями, с рукописью он познакомил лишь самых близких друзей. Это уникальный исторический и человеческий документ. В предисловии Даниил Гранин пишет: «"Записки" Бориса Слуцкого отличаются от всего того, что было написано: они не обличают, нет в них и похвальбы победителя. Спокойно, чуть иронично, свидетельствует он о том, как мы входили в Европу, что там творили хорошего и плохого. С какой-то отстраненной мудростью изображает он, чем кончаются войны. Любые, самые справедливые, оправданные, необходимые. Как они портят человека, и как они возвышают его... В них ощущается сбивчивое дыхание пришедшего с войны офицера, ожесточенного и счастливого, израненного и не знающего, как дальше жить, во всяком случае без прежних иллюзий».

Надо сказать, что в войну и даже тогда, когда писал свои «Записки», Слуцкий был человеком идейным, истово верующим – он твердо верил в советские гуманистические и демократические лозунги, несмотря на то что под их прикрытием власти творили черные дела. Но это не мешало ему видеть правду, как бы горька она ни была порой, скорее наоборот, расхождение между словами и делами воспринималось им особенно остро. Да, он чувствовал себя солдатом армии, которая освобождала народы от фашистского ига, но он видел, что эта армия принесла им (да и его собственному народу) не свободу, а новое порабощение. Он видел, как армия-освободительница становилась оккупационной армией со всеми присущими такой армии порядками: беззаконием, жестокими расправами, насилиями, грабежами, мародерством.

Гранин пишет о том, что Слуцкий избавлялся от «прежних иллюзий». Трудное преодоление Слуцким этих иллюзий, разоблачение демагогии, которая была духовными

оковами, державшими людей на положении рабов, противостояние бесчеловечности, проникшей во все поры советской жизни, становится на долгие годы содержанием его поэзии, ее пафосом. Он пишет о самых тяжелых, о самых мрачных явлениях российского XX века («в том веке я не помню вех, но вся эпоха в слове “плохо”»), о его оболыщениях и трагедиях, о духовных драмах современников, переживших катаклизмы революций и войн. Пишет о жестоком полицейско-лагерном режиме, созданном в стране Сталиным и его сатрапами: о «единогласных голосованиях и терпеливых колесованиях голосовавших не едино», о том, как «философов высылали вагонами, эшелонами, а после их поселяли между лесами зелеными, а после ими чернили тундру», о «русской прозе», которая «пошла в лагеря», о том, что «за три факта, за три анекдота вынут пулеметчика из дота, вытащат, рассудят и засудят», о том, как «на рассвете с утра пораньше пустеют нары», о том, как ни за что, ни про что «расстреливали Ваньку-взводного», о том, как «малый народ» «погрузили в теплушки, в ящики простые, и увозили из России, с Кавказа, из его природы в степи, в леса, в полупустыни», о том, что «восстанавливается справедливость, как промышленность, то есть не скоро», о горемычных солдатских вдовах – у них «руки отвердели от труда, голодуха изнурила тело».

Из большого цикла стихотворений Слуцкого о Сталине в хрущевскую «оттепель» были опубликованы лишь нынче широко известные «Бог» и «Хозяин» (остальные были еще явно не по тогдашней идеологической погоде, и долгие годы им пришлось дожидаться своего часа). Но и напечатанные стали для многих читателей знаком начавшегося духовного очищения жизни. Разоблачение Сталина и сталинщины у Слуцкого потому так глубоко и основательно, что не отделимо от суровой самокритики, от признания краха своей веры, от раскаяния за то, что «всю жизнь работал на него», «любил его». Он подводит нелюбимый итог собственным иллюзиям и заблуждениям:

Âĩĩĩ ěĩçĩĩĩ ŷ âĩđěě âĩ ěĩĩĩĩ
Ě ĩ ĩě-âěěâĩ ĩěâĩĩĩâě çâ ĩ ěĩ ě,
Ěâě őěě â ĩâĩũâĩ ĩũĩâ, âĩ Ĩĩĩĩĩ
Âĩ âĩěĩũ ĩâŷĩĩâ Ăĩĩĩĩ ěĩ ŷ.
Ě âĩĩĩ ě ĩĩĩĩĩ đâĩĩĩĩĩ âěâĩĩĩ ĩěâěâ,
Ě âĩçĩĩ ě đâçĩĩĩçâĩĩĩĩ, ĩâĩ âŷ,
Ě âěâě ĩĩěâĩ-ěâ âũěâ-
Âěĩĩĩ ĩâ ĩâŷũ ŷ ĩĩĩĩĩ ěĩ âĩ.
«Âĩĩĩ ěĩçĩĩĩ ŷ âĩđěě âĩ ěĩĩĩĩ...»

Первыми опубликованными, а особенно ходившими по рукам стихотворениями Слуцкий привлек к себе повышенное внимание идеологически-карательных служб и их ретивых добровольных помощников из писательской среды, которых Твардовский не зря называл «птицами ловчими». В последнее время обнародовано немало документов, свидетельствующих об этом.

Вот «Записка» (названа она так, но, наверное, для обозначения этого жанра более подходило другое слово – донос), отправленная в ЦК КПСС 19 августа 1959 года

тогдашним главным редактором газеты «Литература и жизнь» В. Полторацким. Он сообщает:

«У задержанного Резницкого имелась записная книжка со стихами. На одной из страниц ее имелось указание, что это стихи Б. Слуцкого.

Этот своеобразный “альбом стихов” работники милиции передали сотруднику нашей газеты тов. Берникову.

Ознакомившись с записями, я увидел, что это действительно стихи Бориса Слуцкого, которого И.Г. Эренбург в свое время объявил “настоящим народным поэтом”. Впрочем, партийная критика резко расходилась с мнением Эренбурга о творчестве Б. Слуцкого. В записной книжке Резницкого были переписаны некоторые стихи Б. Слуцкого, появлявшиеся в печати, а большинство таких, которые не печатались и, на мой взгляд, недостойны печатания по своей антинародной направленности.

Стало быть, их распространяют путем переписывания. Кто это делает – мне неизвестно, но само собой разумеется, что без участия автора стихов это не обходится».

К «Записке» автор услужливо приложил перепечатанные стихи Б. Слуцкого «антинародной направленности», не без оснований рассчитывая на то, что работниками ЦК будут приняты необходимые меры и света они не увидят. Так и случилось: приведенные им стихи были занесены в черные гавлитовские списки.

И еще один документ – «Справка», направленная в ЦК КПСС 27 мая 1964 года начальником Главного управления Госкомпечати СССР В. Мочаловым. Он докладывает об обнаруженной крамоле и принятых мерах – стихи, которые цензоры расценили как порочные, из сборника «Работа» были сняты.

«При ознакомлении с версткой подготовленного издательством “Советский писатель” сборника стихов Б. Слуцкого выяснилось, что в целом ряде случаев автор стоит на сомнительных, а иногда и явно неправильных позициях, нередко прибегает к двусмысленности, делает какие-то намеки, в том числе касающиеся вопросов социально-политического характера. В стихотворении “Связь времен” автор пишет:

...Ôî, ÷òî áúëî äî Î èò'ýáðý,

Âñò àëî äîçëá

(äîî ðáëè è áëáá'ááðý)

Ñ òáî, ÷òî ääëäëîññî îîñëá

Ôú - çááî î á'ýòîé èðáî èîé òáî è

È áá î àò'æáî üá

Âúî îñè è òáð'è,

Èáé è î ðî ÷-èá çááî üý...

Нельзя не привести стихотворения “Как убивали мою бабу”... Здесь Слуцкий с национальной ограниченностью толкует, в сущности, о судьбах в годы войны русского и еврейского народов. Можно подумать, что в то время, как фашисты расстреливали евреев, русские отсиживались, ограничиваясь пассивным сочувствием к их страданиям...»

Конечно, ничего похожего в стихотворении Слуцкого «Как убивали мою бабу» нет. Но советской партийно-государственной номенклатурой, натасканной Сталиным на антисемитизм, одно лишь обращение к трагедии Холокоста, к еврейскому вопросу, к судьбе евреев в России истолковывалось как «национальная ограниченность», национализм, антисоветские настроения, вызывало у многих деятелей, занимавших командные посты, иступленный идеологический гнев. Вот как выглядят их фарисейские укоры и претензии, воспроизведенные в одном из стихотворений Слуцкого, в название которого он вынес часто употребляемую ими дипломатическую формулу «Ваша нация» (в своем кругу они говорили «жиды»):

Ñò àèí áúòü ï íéó: ààòññ àíò éàé:

ñèèøéíì ÷ àñò í ì àëùéààò á á ñáí àéàò

í íáñò áé,

ñèèøéíì àíéàò ðíááí èé

àé: óò í áðá: í è ààøéò ñò ðáááí èé.

Í àáíáéè ÿì íòèè íáòèè

ààøáé,

éàè è áá ì àòéí áòèè,

ñááñò ááì ì àññáíé èí óí ðì áòèè!

Í àáíáéè èì ààøé ñáí ñáòèè.

Для Слуцкого вся эта проблематика была непроходящей сердечной болью, и занимает она в его творчестве большое и важное место, – настоящий поэт всегда на стороне преследуемых и унижаемых, всегда им сочувствует, всегда их защищает.

В 1999 году стараниями Петра Горелика – земляка и друга поэта со школьных лет – в Петербурге издана книжка «Теперь Освенцим часто снится мне...», в которой собрано все написанное Слуцким на эти темы. Эти сны о лагере уничтожения преследовали поэта: кроме стихотворения, которое дало название сборнику, о «дороге между станцией и лагерем», по которой он бредет в толпе обреченных, стихотворение о «березке у освенцимской стены» – «Ты столько раз в мои вросла сны». Все это было пережито им, прожгло душу – и расстрел юными немцами и полицией бабушки – маленькой старушки, и окончившие свой земной путь в лагерном крематории близкие родственники – тетя, дядя, двоюродные сестры: «твердо помню до сих пор, как их соседи, в землю глядя, мне тихо говорили: “Сожжены”...». Ведь и он мог разделить их судьбу – отсюда неотступные его сны об Освенциме. С печалью и любовью вспоминает Слуцкий уничтоженный, стертый с лица земли гитлеровцами мир еврейских местечек в былой черте оседлости – с его особым жизненным укладом, с его скромными праздниками и

нелегкими буднями, с привычкой к сегодняшним невзгодам и неугасавшей надеждой на лучшие времена:

xàðò à í îä ÷ àðò í þ. Í ðí í à è à

î ñ ä è î ñ ò ü

ø à è ü ï á á í ñ ò ñ ò ä î, ä ä ñ è ä ý

á á ä î ñ ò ü

Í ðí í à è î. Í ò è í ÷ á ä è î ò ó ä à,

ä ä í ð è ç ð à ÷ í î ñ ÷ à ñ ò ü ä,

ò ä í ò î ï á à á á ä ä

Ñ ä è ä ä î ÷ è à - ñ è ä ä ä è ä ð ä ä î ñ ò ü ñ ò í è ä,

ñ è ä ä ä î ÷ è à á È à ò ó ä ä ä ä î ó í è ü è ä

Í í ä ü è à ò ä è á ò ð ä ä ü î ñ ä ä î ò è ï ñ è è ð

ò í í è,

ì è ð ñ è à ò ä ð ò è á ä è î è á ñ ä ä ä î ò ó

è ñ ò í í è.

Í í - ÷ à ð í ü è. Í í - æ è ð í ü è.

Í í - ñ è ä ä ä î ñ ò í ü è ä ü ï.

Ä ý ä ä í î ï í þ ä ü á ï î è í ä ü ï ...

«xàðò à í îä ÷ àðò í þ.

Í ðí í à è à î ñ ä è î ñ ò ü ...»

Даже стихи о Холокосте, судя по тому, как реагировал на стихотворение «Как убивали мою бабу» тогдашний руководитель цензуры, с трудом пробивались в печать (и пробились далеко не все), а уж стихам об антисемитизме, во всю разгулявшемся в последние годы жизни Сталина, дорога была закрыта на прочный замок – даже заикнуться об антисемитизме нельзя было, это влекло за собой очень серьезные неприятности. Да и поэзия до Слуцкого не знала, как подступиться к позорному «бытовому явлению», можно ли вообще поднять эту тяжелую прозу, нужно ли? Слуцкому это удастся. Его могучая лирика перемалывает и такие «камни», как погоня за ведьмами во время состряпанного по указанию Сталина дела «убийц в белых халатах» и готовящейся депортации евреев:



*B èèi äë òÿæäëî è ìî ðàáí î,
Ñëîáí î ÷áðí úé àíðàëüò áéîòëá
Áúëî ñòúáí î. Áúëî ñðàì í î.
Áúëî òíøí î òíæèòü í î çàì èá
Áúëî òíøí î áçæèòü á òðàì ááá
Âîá èàçàëîíü èèëáð í òðóáàÿ
Èèè ñáá-ó í áðáááááÿ,
Èèè í ðíðò î í ðíðíá ááááÿ
È í èá-àì è çàááááÿ,
Âîá æÿÿò ñ í îé-æèáé çéíáé
È òáéò î í ðááááí èé æáóò.
«Á ÿí ááðá»*

С уничтожающим сарказмом пишет Слуцкий о расхожих антисемитских легендах:

Ááðáè òëááá í á ñáðò,

*Ἀἰὲς ἀεὶ ἀεὶ ὀϊδαῖο,
 Ἀἰὲς δαί ἴσα εὐταῖο,
 Ἀἰὲς αἰεὶ ἴσα αἰδῶο.
 Ἀἰὲς - ἐπαε εὐεῖα
 Ἴε μεῖα ὀϊεῖα
 Ἐαὶ αἰπαὸ ἀεῖα
 Ἀδαὶ ὀϊδαῖο ἀδαεῖα
 Βὺ ὀϊεῖα εἰ πᾶσιν ἀεῖ,
 Νεῖ δὲ μεῖα ἰεῖα ἀδαῖο,
 Ἴε αἰεῖ εὐεῖα ἴα ἀδαῖο
 Ἴὸ εὐεῖα: «Ἀἰὲς, αἰὲς!»*

И на примере собственной судьбы поэт показывает, чего стоит все это ксенофобское варево:

*Ἴα ὀϊδαῖο εἰ εἰ δαῖο
 Ἴα αἰεῖα εἰ εἰ δαῖο
 Ἴε ὀϊεῖα, εἰ εἰ δαῖο
 Ἴε εὐεῖα ὀϊεῖα
 Ἴε εἰ αἰεῖ εἰ εἰ δαῖο
 × ὀϊεῖα αἰεῖα εἰ εἰ δαῖο
 «Ἀἰὲς ἴα εὐεῖα!»
 Ἀἰεῖ αἰεῖ εἰ εἰ δαῖο
 «Ἴε αἰεῖα»*

Слущкий напоминает, предупреждает, что эта пропаганда ненависти подготавливает погромы, завершается ими. И «еврейским хилым детям, ученым и очкастым, отличным шахматистам, посредственным гимнастам» советует «заняться коньками, греблей, боксом», чтобы быть готовыми в случае чего дать отпор погромщикам, – «ведь он еще не кончился двадцатый страшный век».

Понятно, что в советские времена многие стихотворения Слущкого (среди них и подлинные шедевры) не имели никаких шансов добраться до печатного станка, многие

были исполосованы, изуродованы цензурой. Однако он надеялся, что придет пора, когда в стране жизнь, порядки изменятся, воцарится справедливость, в искусстве утвердится «гамбургский счет», преследовавшимся и оттертым в тень воздается заслуженное и должное:

Долголетье исправит

все грехи лихолетья.

И Ахматову славят,

кто стегал ее плетью.

Все случится и выйдет,

если небо поможет.

Долгожитель увидит то,

что житель не сможет.

«Долголетье исправит...»

Увы, не суждено было Слуцкому стать долгожителем. И не знал он, какая судьба ждет его стихи, оставшиеся в рукописи. Все-таки надеялся, что дождется лучшего:

Èàèèðð ããéñò àè ò àéüü îñò ü -

Èñ ðàãéÿð ñò è õè.

Ï àðà: àñò ü - óãè àè ò àéüü î -

È ñ è ðí ú è ò è õè.

È í à ò îéüéî î í éî ðí ú

Àñî çàéî í àì ñò ðàí ú -

Ñí î ò àà ò ñò àð ò í î ðí à!

Ðàñ è ñàí úð àà ðí ú!

× ò í áú ñ : à ðí î ñ ò í àà

È õ í ò è è è á í à : à ò ü

Ï í à çà î ðàãéé í õ î ò ó

Ï î ðó : è è è í à : à ò ü

× ò í á à ðí à ñ î ðÿ î àÿ

*Í ðéááèà èõ é ðáéþ,
B èì ðáèè èîì àþ,
B èì íîæ ðáéþ,
Áúááþ ñ ä èí äþ,
Ëàèèðþ è ään..
Áñ äá èíá÷òí ñèðþ,
Ëíá÷òí ñáðáñ
Ñàì úõ ñèèúú úõ è áðááúõ
Í èèì ò í á î ò äàì.
B àìá ááç í î ðááí é
Ýò ó èí èä èçäì !
«Ëàèèðþ äáéíð äè ò äèúú î ñ ò ü..»*



Не случилось. Не была издана при его жизни такая книга – «без поправок». А кто знает, доживи он до поры, когда открылась дорога в печать «самым сильным и бравым» его стихам, может быть, справился бы с депрессией, которая отняла у него почти десять последних лет его жизни.

Назым Хикмет говорил: «Поэты ревнивы, как красивые женщины». И признание поэтов-современников много значит, дорогого стоит. В 1954 году, когда Слуцкий читал свои стихи на секции поэтов (напечатано у него было всего несколько стихотворений), Михаил Светлов сказал на обсуждении – и в этом не было ни вызова, ни

желания кого-то усть, – только признание очевидного: «По-моему, всем ясно, что пришел поэт лучше нас». А через четверть века Константин Симонов, в сущности, повторил то, что говорил Светлов: «И о войне, и о послевоенном времени Слуцкий написал много таких стихов, читая которые нередко кажется; вот это ты хотел написать сам, но не написал, а вот об этом думал так, как он, но у тебя твоя мысль не воплотилась в стихи, а ему это удалось».

А не так давно Александр Межиров, принадлежащий к тому же, что и Слуцкий, фронтовому поколению, писал: «Вероятно, Я. Смеляков и Б. Слуцкий были последними перед нынешним промежутком крупными поэтами России». Поэты следующих поколений судят еще увереннее, еще определеннее. «Теперь можно сказать то, что почему-то не принято говорить при жизни, – это слова Евгения Евтушенко. – Да, я убежден: Слуцкий был одним из великих поэтов нашего времени». Слуцкий – самый большой поэт последних десятилетий – это утверждали Иосиф Бродский и Евгений Рейн, Владимир Соколов и Дмитрий Сухарев.

Слуцкий не писал поэм, но мозаика его лирических стихотворений складывается в поразительную, эпического масштаба фреску. Когда перечитываешь трехтомное собрание сочинений Слуцкого, становится ясно, что это, в сущности, своеобразный дневник, – стихи были для него самым органичным, самым естественным способом размышлений о жизни, о людях, об истории, о поэзии.

Есть у Слуцкого стихотворение, в котором он замечает, что «в двадцатом веке дневники не пишутся и ни строки потомкам не оставят», – страх и смятение, рожденные его катастрофами и жестокостью, не дают это делать. Дневники заменяла поэзия, потому что «за стихотворною строкой» «как за броней цельносталльной» все-таки – пусть и не всегда – удавалось скрыться от недреманного ока охранных дел мастеров.

Ėĕouĭĭĭ ĭđĭoáĭoáĕp ááéĭá

ĕçĭĕĭĭ ĕáĭĭúô ÷áđĭĭáĕĕĭá

ĕçĭĭóáĭĭúô ĭáòáóĭđ

áĭĭĕçáĕáéóò, ÷òĭĭĕ òáÿò:

ĕ æĕçĭŭ ĕ ĭĭáđòŭ

ĕ ĭáĭ, ĕŷă

à òáĕæáĭĕŭĕ ĭĭóáđ

«Ā ääüöòĭĭ ááĕá ĭĭáĭĕĕĕ...»

И, быть может, одним из самых верных свидетельств о «двадцатом страшном веке», так мало оставившем откровенных дневников и достоверных мемуаров, о разоренных им жизнях и несломленных душах будет потомкам нашим служить поэзия Слуцкого. А свобода, правда и добро, которые он отстаивал, не упадут в цене и в XXI веке.

Известный французский поэт Реми де Гурмон писал: «Крупный писатель всегда находится в становлении, даже после смерти – возможно даже более всего после смерти. С ним никогда не бывает все ясно, и судьба его развивается от поколения к поколению».

В становлении находится и поэзия Бориса Слуцкого. Звезда его только сейчас начала по-настоящему восходить, она стремительно движется на поэтическом небосклоне вверх и светит все ярче и ярче.

ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИИ

Ėאַסאָדן י אַיִן אַאָד

Впервые ее имя появилось на театральной афише сразу после Великой Отечественной войны в теперь уже далеком октябре 1945 года. Московская государственная консерватория имени П.И. Чайковского извещала, что 22 октября состоится «Первый концерт центральной музыкальной школы-десятилетки учащихся класса В.И. Меренблюм... Художественный руководитель – заслуженный деятель искусств профессор В.Я. Шебалин».

Также сообщалось, что весь сбор поступит в пользу детей бойцов, погибших в войну. Концерт проходил в Малом зале консерватории. Третьим номером программы значилась «Соната соль минор» Генделя в исполнении Марты Кушницкой (скрипка). Выступление было тепло встречено публикой.



Прошли десятилетия. Остались позади годы учебы в консерватории и аспирантуре, многолетняя работа в оркестре Государственного академического Большого театра СССР и его знаменитом ансамбле скрипачей, созданном и руководимом Юлием Реентовичем. После смерти руководителя и распада ансамбля Марта некоторое время продолжала играть в оркестре Большого театра, а затем перешла на преподавательскую работу в единственную в стране Государственную еврейскую академию имени Маймонида.

Восхождению на музыкальный олимп она обязана не каким-либо случайным удачам, а упорному труду и большой любви к музыке. А со скрипкой ее жизнь связана если не со дня рождения, то во всяком случае не намного позже него...

Родилась Марта Кушнирская в московской еврейской семье потомственных музыкантов. Отец, Лазарь Кушнирский, был виолончелистом оркестра филармонии, мать, Ида, – пианисткой, концертмейстером солистов балета и педагогом. Если учесть и предыдущие поколения, то «трудовой стаж» музыкантов семьи Кушнирских насчитывает около 300 лет.

В шестилетнем возрасте Марта была принята в «Школу одаренных детей», преобразованную позже в школу-десятилетку при Московской консерватории. Здесь учились и такие будущие знаменитости, как Игорь Ойстрах, Леонид Коган. Кстати, И. Ойстрах также был участником упомянутого выше первого концерта школы.

Отлично окончив школу в 1952 году, Марта отлично сдала и экзамены по специальности в Московскую консерваторию. Но ее не приняли – консерватории не нужны были «безродные космополиты», против которых тогда велась кампания. Она ответила на все вопросы по истории СССР (в основном по истории КПСС), но на следующий день увидела в списке абитуриентов против своей фамилии неудовлетворительную отметку. Пришлось забрать документы и отправиться в Ленинград, где она снова сдавала те же экзамены в Ленинградскую консерваторию. Здесь она была принята и попала в класс профессора В. Шера. С первого курса это была единственная студентка, получавшая «Сталинскую стипендию».

В 1958 году Марта с отличием закончила консерваторию, а в 1962 году – и аспирантуру при ней. На протяжении всей учебы она выступала в концертных залах Ленинграда и с сольными концертами, и в составе ансамблей.

Спустя год был объявлен конкурс в оркестр Государственного академического Большого театра СССР: открывали Кремлевский Дворец съездов, сцена которого по существу стала филиалом сцены ГАБТа. В этом конкурсе, состоявшем из трех туров, приняла участие и Марта Кушнирская. Газета «Советский артист» 16 марта 1963 года писала: «В результате прослушивания в двух турах и тайного голосования в оркестр принято 25 человек, в числе которых такие замечательные музыканты, как лауреаты международных конкурсов, солист оркестра Ленинградского театра оперы и балета имени С.М. Кирова фаготист С. Красавин, аспирантка Ленинградской консерватории скрипачка М. Кушнирская... Часть артистов, принятых по конкурсу, в самое ближайшее время приступит к работе в оркестре театра».

Бывший тогда главным дирижером Большого театра Евгений Светланов не скрывал своего нежелания видеть среди вновь принятых скрипачей женщину. На предыдущем конкурсе в оркестр было принято несколько женщин-скрипачек, но через год они ушли в декретный отпуск. И все же среди скрипачей, принятых в оркестр, одна женщина оказалась.

В составе оркестра Большого театра Марта Кушнирская проработала более 30 лет, оставаясь одной из ведущих скрипачек при таких знаменитых дирижерах, как Е. Светланов, Ю. Файер, Б. Хайкин, Г. Рождественский, А. Мелик-Пашаев... Исполняла она и сольные партии в концертах артистов театра.

На одном из сольных выступлений произошел такой казус. Постановщик оперы «Руслан и Людмила» Б. Покровский решил, что в четвертом действии арию Людмилы (ее исполняла Бэла Руденко) будет сопровождать скрипачка-солистка, которую зрители должны видеть. Для этого была сооружена высокая тумба с «пяточком» наверху на уровне

сцены. На этом «пяточке» и должна была стоять солистка со скрипкой. Выбор пал на Марту.

По ее просьбе вокруг «пяточка» было сделано небольшое ограждение, чтобы предохранить ее от падения. Но во время спектакля в какой-то момент одна нога Марты пошла мимо тумбы, и все восемь минут своего соло она отчаянно искала опору...

Поступив в оркестр, Марта вскоре получила приглашение и в другой прославленный коллектив – ансамбль скрипачей Большого театра. Причем участие в ансамбле не освобождало музыканта от основной работы в оркестре театра.

Организатором ансамбля и бессменным руководителем его на протяжении более 25 лет был выдающийся музыкант – народный артист РСФСР Юлий Маркович Реентович. Ансамбль был создан в конце 1955 года, а его первое публичное выступление состоялось 25 февраля 1956-го, и эта дата считается днем его рождения. Марту приняли в ансамбль через семь лет после этой теперь уже исторической даты.

«Первые шаги ансамбля скрипачей, – пророчески писал тогда Дмитрий Шостакович, – нас убеждают в том, что будущее этого коллектива прекрасно, и он займет видное место в строительстве советской музыкальной культуры».



Ю. Реентович. 1975 год.

Это был первый и единственный в Союзе классический профессиональный ансамбль скрипачей, игравший в сопровождении рояля, без дирижера и без нот – они играли свои партии наизусть, тем не менее все скрипки звучали синхронно.

Давид Ойстрах так писал об этом ансамбле:

«Разумеется, все его участники и в первую очередь руководитель ансамбля, заслуженный деятель искусств РСФСР Юлий Реентович, талантливый музыкант, обладающий исключительным художественным вкусом, – скрипачи высокого класса, для которых, кажется, не существует технических или звуковых трудностей. Только при таком редком единстве музыки и исполнительской техники мог возникнуть столь удивительный и такой чудесный ансамбль».

На первых порах трудность состояла в выборе репертуара. Каждая скрипка поет по-своему, и чтобы они звучали синхронно, произведение должно быть написано именно для такого ансамбля. А поскольку подобных не существовало, то и музыкальной литературы, и специальных произведений для него не было. Приходилось аранжировать (специально переключать) различные музыкальные произведения для исполнения

ансамблем. Реентовичу удалось привлечь высококвалифицированных аранжировщиков, а также композиторов, писавших специально для ансамбля. Среди них такие имена, как Г. Рождественский, Г. Заборов, Л. Фейгин, А. Гурфинкель, Р. Щедрин, А. Хачатурян, Е. Светланов, М. Чулаки... Постепенно репертуар расширился, в него вошло множество произведений разных эпох и стилей.

Особенно в начале своей деятельности ансамбль давал много благотворительных концертов. Его восторженно принимали в многочисленных аудиториях заводов и фабрик, в колхозах и совхозах, воинских частях и студенческих клубах. Артисты не считались с неудобствами и, когда не было настоящей сцены, играли на импровизированной. В памяти участников ансамбля остались многие необычные эпизоды из этих гастрольных поездок.

Для выступления в огромном сборочном цехе одного из заводов площадку для сцены соорудили прямо перед самым концертом. Пианино сюда принесли из клуба. Концерт проходил во время обеденного перерыва, и около тысячи рабочих в спецовках и халатах стоя слушали, как поют скрипки. Никто не уходил... Наградой артистам были горячие аплодисменты слушателей.

В пригороде Новосибирска играть пришлось в одном из рабочих клубов в нетопленном помещении. Артисты вышли во фраках и платьях, мерзли пальцы. В первых рядах зала оказались бабушки в белых платочках, в последнем – мужчины с бутылками: шум, гам... Реентович приказал играть «Аве Марию» Шуберта. В какой-то момент из первых рядов послышались рыдания. Когда смолкли последние звуки музыки, увидели в последнем ряду мужчин с так и не початыми бутылками в руках, они словно онемели. Несколько секунд полного молчания, и взрыв аплодисментов с криками «Здорово! Давай еще!» «Вот ради чего стоит жить», – резюмировал Реентович.

А в Лондоне выступление проходило в одном из лучших концертных залов. Он был полон, и музыкантов удивило наличие полицейских. Не успели артисты занять места на сцене и поднять скрипки, как из первых трех рядов поднялись молодые ребята с транспарантами в руках: «Убирайтесь в свою Россию...» Полицейские не вмешивались. «Стойте с поднятыми скрипками», – распорядился Реентович. Так и стояли 15 минут, пока публика сама разбиралась с «бунтовщиками». В конце концов большую часть удалось выпроводить из зала, а остальные свернули транспаранты и уселись слушать. Концерт прошел с большим успехом, причем было замечено, что первые ряды аплодировали особенно рьяно.



За время своего существования Ансамбль скрипачей дал более двух тысяч концертов, выступал во многих городах (свыше 70) и почти во всех республиках Советского Союза, на целинных землях Казахстана, Алтая, Сибири, в двадцати странах мира. Фирма «Мелодия» выпустила более 100 грампластинок с его записями. Ансамбль часто выступал на радио и телевидении, озвучивал кинофильмы, сопровождал выступления многих выдающихся артистов нашей страны. Ансамбль Реентовича объединял 17 скрипачей. Значительная роль в этом творческом коллективе принадлежала концертмейстеру Ирине Зайцевой.

В 1985 году уже после смерти Реентович

а московское издательство «Планета» к XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов выпустило фотоальбом «Ансамбль скрипачей Большого театра СССР». Кроме многочисленных фотографий он содержит отзывы знаменитых музыкантов страны к разным юбилейным датам ансамбля. Вот некоторые из них.

«Искусство ансамбля ныне считается эталонным и принадлежит к тому лучшему, чем по праву гордится наша музыкальная культура... Наверное, мало кто знает, что свои выступления ансамбль скрипачей сочетает с напряженной повседневной работой в оркестре Большого театра. А ведь это совсем не просто, учитывая не только ежедневные репетиции и спектакли, но и главным образом содержание самой работы, требующей полной отдачи сил, нервного напряжения, — пишет Светланов и заключает: — Думается, Реентович владел теми современными принципами общения руководителя с коллективом, к которым необходимо нам всем стремиться в своей работе».

Этому мнению вторит и Г. Рождественский: «Труд артиста оркестра, помимо всего прочего, — тяжелый физический труд... И вот между репетициями и спектаклями, а иной раз и после спектакля, а иногда и перед репетициями собираются скрипачи оркестра Большого театра для того, чтобы поиграть музыку, написанную специально для их инструмента — скрипки, для того, чтобы ощутить себя в новом качестве солиста-

ансамблиста, для того, чтобы в повседневном рабочем процессе избежать самого опасного, что может быть в искусстве – инерции. И они работают, работают тщательно, скрупулезно отделявая мельчайшие детали исполнения. Ведь их задача зачастую труднее, чем задача скрипача-солиста, – они делают виртуозный репертуар достоянием коллектива».

Заслуженный работник культуры РСФСР В. Зарубин пишет после концерта: «...Замер, затаив дыхание, зрительный зал. Простая, близкая сердцу мелодия “Песни” Дворжака захватывает слушателей. Семнадцать скрипачей в сопровождении фортепиано играют в унисон, как один музыкант, и звук их скрипок то объемный, симфонически насыщенный, то трепетно-прозрачный, то наполненный лирической теплотой, – очаровывает своей красотой. Выступает Ансамбль скрипачей Большого театра Союза ССР...»

А вот письмо первого космонавта планеты Юрия Гагарина: «Часто слушаю ваши выступления и всегда восторгаюсь. Ваше тонкое, совершенное искусство несет людям радость, делает их счастливыми».

Теплые слова в адрес Ю. Реентовича пишет профессор Т. Докшицер: «Выступления с ансамблем скрипачей всегда связаны с особым творческим настроением, которое в любых условиях мог создавать Юлий Маркович. В этом отношении его влияние на коллектив было огромно. Юлий Маркович не замечал мелочей, заботился о каждом, отвечал за всех и делал все для всех. Ему, казалось, не мешали трудности и неудобства гастрольной жизни. Организационные неурядицы, которые порой возникали перед концертом, он преодолевал спокойно, тихо, гасил в себе раздражительную реакцию и к людям обращал улыбку и ободряющие слова.

Его огромное человеческое обаяние в жизни и на сцене с одинаковой силой действовало и на окружающих, и на публику».

С любовью к коллективу скрипачей написали и те, кому довелось выступать с ним в концертах. «Я часто выступала с ансамблем, и каждая встреча приносила мне большую творческую радость, обогащала меня. Удивительно ясная звуковая кантилена скрипок невольно передается певцу, заражает его вдохновением», – это Ирина Архипова.

«Всегда с радостью вспоминаю концерты с ансамблем скрипачей и в нашей стране, и в гастрольных поездках за рубежом. Вспоминаю 1978 год, когда мы играли концерт в Будапеште. Зал был настолько переполнен, что даже на сцене пришлось поставить кресла для публики... Каждое выступление ансамбля выливается в яркий праздник музыки», – это Вера Дулова.

«Счастлива, что много работаю с ансамблем, выступая на лучших сценах мира и на клубных площадках в больших и малых городах. И везде слышны слова благодарности, признательности и любви», – это Бэла Руденко.

Пресса разных стран тоже приятно поражала единодушием. Характерной была публикация в голландской газете «Де телеграф»: «Ансамбль скрипачей Большого театра является коллективом новой музыкальной формы, не существующей нигде в мире... Необходимо заметить, что обработки всей исполненной программы были безупречны, и блестящее исполнение семнадцатью скрипками напоминало одну скрипку. Этот концерт, без сомнения, явился настоящим событием для Запада».

Увы, ничто не вечно под Луной... В 1982 году Реентович умирает, не дожив двух лет до своего семидесятилетия. Ансамбль, лишившись авторитетного руководителя, начал распадаться, и в 1984 году прекратил свое существование.

Марта Кушнирская продолжала работать в оркестре Большого театра до 1995 года, а затем, как уже говорилось, перешла на преподавательскую работу в Академию имени Маймонида. Теперь она доцент факультета музыкальной культуры, декан которого народный артист СССР, профессор Наум Штаркман.

И все же не дает покоя мечта о возрождении ансамбля скрипачей. Марта убеждена, что и без того сильное эмоциональное воздействие скрипки на слушателя многократно усиливается именно скрипичным ансамблем, в котором разные по голосу скрипки звучат синхронно. Три компонента, считает она, неизбежно обеспечат успех коллективу скрипачей у широких масс слушателей: классический ансамбль, доступность репертуара и виртуозное исполнение.

С появлением молодых воспитанников появилась и возможность осуществить мечту. Большую поддержку оказал Марте Кушнирской муж-электронщик, инженер-изобретатель Исаак Трегер. И цель была достигнута.

Марта сумела объединить своих воспитанников в творческий коллектив и в 1997 году создать новый молодежный ансамбль скрипачей «Мелодия», художественным руководителем которого она и стала.

В становлении ансамбля неоценимую помощь оказала ректор Академии Маймонида профессор Вероника Ирина-Коган.

Трудности, которые в свое время приходилось преодолевать Реентовичу, теперь возникли перед Мартой. Но времена изменились и, к сожалению, не в ее пользу.

Одна из главных трудностей – систематическая нехватка средств. Весьма дороги стали аранжировки музыкальных произведений, практически недоступны залы для репетиций и концертов, гастрольные поездки, низкие стипендии и зарплаты... Много репетиций Марта вынуждена проводить у себя дома, приспособив для этого одну из комнат квартиры.

Серьезной проблемой является сохранение стабильности коллектива. Почти все ансамблисты работают (в основном в оркестрах Москвы). Совместить работу, учебу, концерты, репетиции да еще личную жизнь удается не каждому. И молодые люди уходят. Для подготовки нового исполнителя взамен выбывшего требуется не менее года... Много времени отнимает работа с аранжировщиками, подготовка и проведение репетиций, подбор репертуара.

«Мелодия» не только исполняет почти весь репертуар прославленного ансамбля Реентовича, но и все более расширяет его. Ведется поиск еврейской тематики. В репертуар включены произведения композиторов, писавших на еврейские темы: Эрнеста Блоха (1880–1959) и Макса Бруха (1838–1920).

Э. Блох – швейцарский и американский композитор, известность которому принесли такие его произведения, как симфония с пением «Израиль», рапсодия «Шеломо» (Соломон), сюита «Баал-Шем»; три картинки из жизни хасидов и другие. Написаны они на основе старинных еврейских мелодий.

М. Брух – немецкий композитор и дирижер, профессор Высшей школы музыки в Берлине. «Музыкальная энциклопедия» сообщает, что в 1881 году по заказу Ливерпульской еврейской общины он написал еврейскую мелодию «Кол Нидрей», принесшую ему широкую известность.

За три года существования ансамбль скрипачей Марты Кушнирской дал десятки концертов (большинство из которых благотворительные) на театральных и клубных сценах, в том числе Большого театра, Центрального дома работников искусств, Дома архитектора, Центрального дома актера, Дома кино... В сопровождении ансамбля выступали солисты лучших театров – Большого, имени Станиславского и Немировича-Данченко, Новой оперы. Ансамбль выступал также в Дни еврейской книги в Российской государственной библиотеке (им. Ленина), в театре «Шалом»...

2 мая 1999 года ансамбль Марты Кушнирской открывал в Доме кино вечер памяти евреев-жертв нацизма и героев сопротивления, организованный сопредседателем научно-просветительского центра «Холокост» А. Гербер. На вечере присутствовали представители администрации Президента РФ, посол Израиля, представители еврейских организаций России.



М. Кушнирская. 1975 год.

9 мая 2000 года Еврейским центром искусств (директор В. Плисс) было организовано выступление ансамбля на праздничном концерте в честь Дня Победы в Великой Отечественной войне и 52-й годовщины независимости Израиля. Концерт проходил в большом зале Московской хоральной синагоги, а 24 мая в том же зале ансамбль дал еще один концерт, в котором приняли участие народные артисты России – пианист Д. Лернер и певец Э. Лабковский, флейтистка из Израиля С. Горзальчик, концертмейстеры ансамбля И. Кауфман и А. Шамонин. Солист ансамбля М. Червинский в сопровождении ансамбля исполнил сочинение Блоха, аранжировка которого сделана Мартой Кушнирской.

Народный артист СССР Зураб Соткилава сказал, прослушав ансамбль: «Это был праздник души». Ирина Архипова после концерта в Доме архитектора, пожелав коллективу всяческих успехов, отметила, что «Марта Кушнирская воссоздала этот жанр на профессиональной основе». А «Парламентская газета» 26 января 2000 года писала: «Очередной благотворительный концерт дал ансамбль скрипачей “Мелодия” теперь уже в московском Доме архитектора. Этот ансамбль молодых подвижников вот уже два года продолжает традиции того же жанра, что и некогда распавшийся знаменитый ансамбль скрипачей Большого театра. Художественный руководитель “Мелодии” Марта

Кушнирская, сама скрипачка, более 30 лет отработавшая в оркестре ГАБТа, доцент, одновременно и наставница тех, кто так великолепно играл в этот день на сцене мелодии Прокофьева, Шостаковича, Рубинштейна и других...» Следует добавить, что Марта участвует в концертах не только как руководитель, но и как исполнитель наряду с другими скрипачами, своими воспитанниками.

Жизнь ансамбля скрипачей продолжается. Продолжается и традиция семьи Кушнирских. Сын, Леонид Трегер, окончил с отличием Гнесинский институт по классу валторны, сейчас он солист оркестра музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко. Шестилетняя внучка Марты Кушнирской, Юля Трегер, учится в московской средней специальной школе по классу скрипки у педагога Наталии Фихтенгольц.

Пожелаем же им всем – Марте Кушнирской, ее семье, ансамблю скрипачей «Мелодия» долгих и счастливых лет и творческих успехов.

СТАТЬ ОТЦОМ

Ніе Ааеіо

Порой в голову Рогину лезла сущая дичь. Всего тридцати одного года, сносной внешности – черные, стриженные ежиком волосы, небольшие глаза, зато лоб высокий, открытый, – Рогин был химик, научный работник, и ход его мысли носил, как правило, основательный, предсказуемый характер. Однако во вьюжный воскресный вечер, когда этот кряжистый человек в глухо застегнутом добротном плаще шел нелепой походкой, выворачивая носки наружу, к метро, с ним творилось что-то странное.

Он ехал к невесте – на ужин. Прямо перед тем как ему выходить, она позвонила и сказала:

– Тебе придется кое-что купить по дороге.

– Что нам нужно?

– Немножечко ростбифа, это раз. Я купила сто граммов, когда возвращалась от тети.

– Джоан, но почему только сто? – Рогин испытывал острое раздражение. – Ста граммов хватит всего-навсего на один порядочный сэндвич.

– Вот поэтому тебе и придется заскочить в кулинарию. У меня не хватило денег.

Он чуть было не спросил:

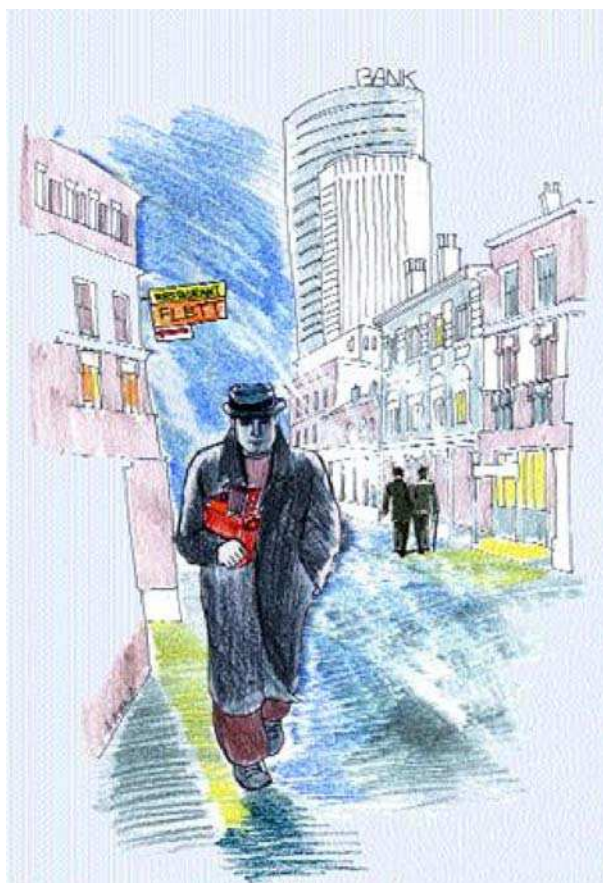
– А куда подевались те тридцать долларов, которые я дал тебе в среду? – но вовремя спохватился.

– Мне пришлось дать Филлис деньги на уборщицу, – сказала Джоан.

Филлис, двоюродная сестра Джоан, молодая разводка, денег не считала. Они с Джоан снимали квартиру на пару.

– Ростбиф, – сказал он. –

А что еще?



– И еще шампунь, миленький. У нас весь шампунь вышел. И поторопись, миленький. Я весь день по тебе скучала.

– А я – по тебе, – сказал Рогин, но, по правде говоря, его чуть не весь день снедала тревога. У Рогина был младший брат, чье обучение в колледже оплачивал он. Да и мать – ее пожизненной ренты при нынешней инфляции и больших налогах не хватало – тоже нуждалась в деньгах. У Джоан были долги, и он помогал ей их отдавать: она не работала. Подыскивала себе занятие по душе. Не могла же она с ее красотой, образованием и аристократическими повадками работать продавщицей в какой-нибудь лавчонке; не могла она пойти и в манекенщицы (Рогин считал всех манекенщиц самовлюбленными ломаками и не хотел, чтобы Джоан походила на них); не могла она пойти ни в официантки, ни в кассирши. Кем же она могла стать? Впрочем, что-нибудь непременно подвернется, а пока что Рогин не решался роптать. Он оплачивал ее счета – зубному врачу, универмагу, остеопату, терапевту, психиатру. В канун Рождества Рогин чуть не спятил. Для него Джоан купила бархатную куртку с бранденбурами, превосходную трубку и кисет. Для Филлис – гранатовую брошь, итальянский шелковый зонтик и золотой мундштук. Для других друзей она накупила голландских оловянных кружек и шведских бокалов. Далеко не все подарки были приобретены, а от рогиновских пятисот долларов уже ничего не осталось. Он не показывал, как ему тяжело: слишком любил ее. Считал, что по-человечески она куда лучше его. Деньги ее никогда не беспокоили. Характер у нее был прелестный – неизменно жизнерадостная, она вовсе не нуждалась в психиатре. И к психиатру ходила лишь потому, что Филлис лечилась у психиатра, и это раззадорило ее любопытство. Ей никак не хотелось отстать от родственницы, чей отец нажил миллионы на торговле коврами.

Пока Рогин ждал, когда продавщица завернет бутылочку с шампунем, его вдруг осенила мысль, причем, очень ясная: в жизни, куда ни кинь, всюду – деньги, точно так же,

как в смерти всюду – земля. Напластование – всеобщий закон, каждый следующий пласт давит на предыдущий. Кто свободен? Никто. Над кем ничто не тяготеет? На всех что-то давит. Даже скалы, земные воды, звери, мужчины, дети – все несут свое бремя. Поначалу эта мысль показалась Рогину на редкость ясной. Правда, она чуть не сразу затуманилась, и тем не менее подействовала на него очень сильно – он почувствовал такую радость, словно его одарили чем-то ценным. (Не то что бархатная куртка, которую он не мог заставить себя надеть, или трубка, которую не мог курить, – давился дымом.) Осознав, что тяготы и горести – всеобщий удел, он отнюдь не опечалился, совсем наоборот. Пришел в отличное настроение. Просто удивительно, как хорошо у него стало на душе, мало того, каким зорким стал его взгляд. Его глазам вдруг открылось все окрест. Он с восторгом наблюдал, как улыбались и флиртовали аптекарь и женщина, заворачивающая шампунь, как на ее лице борозды, следы забот, сменились бороздками веселья, и аптекарю запавший рот не мешал дружелюбно над ней подтрунивать. Да и в кулинарии Рогин столько всего наподмечал и столько удовольствия ему доставляло само присутствие здесь, что это было просто удивительно.

Кулинарии воскресными вечерами, когда остальные магазины уже закрыты, дерут втридорога, и обычно Рогин был начеку, а сегодня он об этом и не думал, во всяком случае, почти не думал. От запахов маринованных огурчиков, колбас, горчицы и копченой рыбы он был просто на вершине блаженства. Он испытывал жалость к людям, которые покупают салат с курятиной и рубленую селедку: будь у них зрение получше, они разглядели бы плоские перчинки на курице, ослизлую селедку, да там и селедки-то всего ничего, больше вымоченного в уксусе черствого хлеба. Кто их покупает? Сони, которые залеживаются в постели, одиночки, которые просыпаются уже в сумерки, под вечер, и тут-то и обнаруживают, что в холодильнике хоть шаром покати, или люди, живущие исключительно духовными интересами. Ростбиф был аппетитный на вид, и Рогин купил полкило.

Нарезая мясо, лавочник покрикивал на мальчишку-пуэрториканца, который пытался достать с полки пакет шоколадного печенья.

– Ты что, решил полку на себя опрокинуть? Эй, чико, погоди минутку.

Лавочник, хоть он и смахивал на одного из головорезов Панчо Вильи^[1], тех, кто обмазывал врагов патокой и пригвождал к муравьиным кучам, – пучеглазый, точно жаба, с толстенными ручищами – такими ручищами только пистолеты из-за пояса выхватывать – был вовсе не плохим человеком. Коренной нью-йоркец, решил Рогин – он и сам был из Олбани, – нью-йоркец, загрубелый от унижений, на которые не скупился этот город, приученный подозревать всех и вся. Но в своем собственном царстве, на капитанском мостике за прилавком, ему введома справедливость. И даже сострадание.

Пуэрториканский малец был в полном ковбойском снаряжении – при зеленой шляпе с белой тесьмой, пистолетах, кожаных штанах, шпорах, сапогах, перчатках с крагами, однако не знал ни слова по-английски. Рогин снял с крючка целлофановый пакет с твердыми кружками печенья и передал мальцу. Малец разодрал целлофан зубами и принялся грызть сухой шоколадный кружок. Рогину были знакомы его чувства – детские мечты требуют немедленного воплощения. Когда-то и он с восторгом уписывал эти пересохшие печенья. Теперь они казались ему крайне неаппетитными.

Что бы еще понравилось Джоан? – Рогина переполняла нежность. – Клубника?

– Дайте мне еще пакет замороженной клубники. Впрочем, нет, малины, она больше любит малину. И густые сливки. Еще булочки, сливочный сыр и еще вот эти упругие, прямо-таки резиновые корнишоны.

– Резиновые, это какие же?

– Вон те, темно-зеленые, с пупырышками. Ну и мороженое еще присокупите.

Он все старался придумать, какой бы комплимент, сравнение, ласковое словечко сказать Джоан, когда она откроет дверь. Что-нибудь насчет цвета ее лица? В самом деле, с чем сравнить ее прелестное, дерзкое, точеное, робкое, капризное, нежное личико – не с чем. До чего же она нравная и до чего красивая!

Когда он спустился в метро с его спертым, пропахшим камнем и металлом воздухом, Рогина от его мыслей отвлекло неожиданное признание, которое один пассажир сделал своему другу. Оба они были рослые и такие неуклюжие из-за зимней одежды, словно у них под пальто кольчуги.

– Ну и сколько же лет ты со мной знаком? — спросил один.

– Двенадцать.

– Так вот, теперь я тебе признаюсь, – сказал он. – Я решил, что не имеет смысла таиться дольше. Я много лет сильно пил, можно сказать, не просыхал. Ты этого не знал. Практически был алкоголиком.

Однако его приятель ничуть не удивился и незамедлительно ответил:

– Да знал я.

– Знал? Не может быть! Откуда?

Ну и ну! – подумал Рогин. – Как будто это можно утаить! Достаточно одного взгляда на это длинное, суровое, изъеденное алкоголем лицо, на разбухший от пьянства нос, на складки у ушей, точно индюшачьи брылы, на полные пьяной скорби глаза.

– Да вот знал же.

– Не мог ты знать. Не верю. – Он расстроился; приятель, похоже, не намерен был утешать его. – Впрочем, это дело прошлое, – сказал он. – Я лечился, принимал таблетки – последнее открытие голландцев, оно произвело переворот в медицине. Иначе как чудом его не назовешь. Еще немного – и я поверю, что они могут лечить буквально все болезни. В науке за голландцами никому не угнаться. Для них не существует препятствий. Они превратили мужчину в женщину.

– Но тебя, я полагаю, они отвадили от пьянства не этим способом?

– Нет. Надо надеяться, нет. Эти таблетки – что-то вроде аспирина. Супераспирин. Его называют аспирин будущего. Но когда его принимаешь, нельзя и прикасаться к спиртному.

В просвещенном уме Рогина, пока людские потоки метались взад-вперед по метро, а сцепленные один с другим вагоны, прозрачные, точно рыбы пузыри, проносились под городом, родился вопрос: неужели этот человек мог предполагать, будто никто не знает о том, о чем наверняка знали все без исключения? И, как химик, задавался вопросом: из чего могло бы состоять это новомодное голландское снадобье, затем переключился на собственные изобретения: синтетический альбумин, самозажигающаяся сигарета, более дешевое моторное топливо. Г-споди Ты Б-же мой, до чего же ему нужны деньги! Как никогда. Что ему делать? С матерью становилось все труднее и труднее ладить. В пятницу вечером она не сочла нужным нарезать ему мясо; он был уязвлен. Она, как села за стол, так не двинула и пальцем, на ее лице вечной страдальницы было написано недовольство, и ему пришлось самому нарезать мясо, а ведь обычно это делала она. Мать всегда баловала его, брат даже завидовал. Но чего она хочет от него сейчас? Б-г Ты мой, как же дорого за это приходится платить, прежде ему и в голову не приходило, что такие вещи имеют цену.

Заняв место среди других пассажиров, Рогин вновь почувствовал себя не только спокойным и счастливым, но и чуть ли не прозорливцем. Если относиться к деньгам так, как того требует общество, ты не хозяин себе. Когда люди говорят, что никакие блага – ни любовь, ни деньги – не вынудят их что-то сделать, они тем самым хотят сказать, что любовь и деньги не только противоположны друг другу, но и враждебны. Затем он стал размышлять, как мало люди знают об этом, как они проводят жизнь точно во сне, как скуден свет – свет сознания. Наивное, курносое лицо Рогина сияло, тем временем грудь его при мысли о том, насколько глубоко он осознал наше невежество, теснила радость. Взять хотя бы этого пьяницу – он долгие годы пребывал в заблуждении, полагая, что ближайший друг и не подозревает о его слабости. Рогин посмотрел в одну, в другую сторону, но в проходе этого замечательного образа благородства не обнаружилось – он уже вышел.

Но и так в вагоне было на что посмотреть. Вот девчушка с новой белой муфточкой, к которой пришита кукольная головка, ребенок радовался муфточке, гордился ею, а старый папаша девочки, дебелий, угрюмый, со здоровенным унылым носом, выговаривал ей и пересаживал ее то так, то сяк, словно хотел ее переиначить. Вскоре в вагон вошла другая девочка, ее вела за руку мать, у нее была точь-в-точь такая же муфточка с кукольной головкой, и это явно испортило настроение обоим родителям. Женщина – она производила впечатление сварливой, вздорной особы – увела дочь. Рогину показалось, что каждая девочка обожает свою муфточку, а чужой даже и не заметила: он считал, что понимает детскую душу – водилась за ним, помимо прочих, и такая слабость.

Затем его внимание привлекла семья иностранцев. На его взгляд, они походили на уроженцев Центральной Америки. По одну сторону сидела мать, сильно пожилая, смуглая, совсем седая, с умученным лицом, по другую – сын с белесыми, набрякшими руками мойщика посуды. Но кем им приходится этот маломерок между ними – сыном или дочерью? Волосы у него были длинные, волнистые, щеки не тронуты бритвой, но рубашку он носил явно мужскую, с галстуком. Пальто – женское, а вот башмаки – башмаки озадачивали. Коричневые полуботинки с рантом вроде бы мужские, но со средней высоты каблук – вполне женским; с грубым мужским носком, но с женской перепонкой через подъем. Чулок на нем не было. Но это не давало особых оснований для выводов. Пальцы маломерка унизывали кольца, но обручального среди них не было. Щеки прорезывали угрюмые бороздки. Глаза прикрывали опухшие веки, но Рогин не сомневался, будь на то их воля, они открыли бы много чего диковинного и что это существо замечательного ума. У него много лет лежала книжка Уолтера Деламара^[2] «Воспоминания карлицы». Сейчас он твердо

вознамерился ее прочесть. Приняв это решение, он перестал мучиться догадками относительно пола маломерка, и перевел взгляд на человека, сидевшего рядом.

В метро подчас рождались очень плодотворные мысли – тому способствовало движение, скопище людей, неуравновешенное состояние пассажира, проносящегося под улицами, реками, фундаментами высоченных зданий, а мозг Рогина и до того, Б-г знает почему, работал активнее обычного. Он крепко держал пакет с провизией, распространявший запах хлеба и маринада, а мысли его текли таким путем: сначала он думал о химических процессах, определяющих пол, о хромосомах X и Y, матке, наследственной последовательности, потом о брате – в том плане, нельзя ли скостить налоги из-за расходов на его обучение. Вспомнил два сна, приснившихся ему накануне. В одном – гробовщик предложил постричь его, а он отказался. В другом – он нес женщину на голове. Горькие сны, что тот, что другой! До чего же горькие! Кто эта женщина – Джоан, мать? А гробовщик кто – его адвокат? Он глубоко вздохнул и начал привычно синтезировать альбумин, который произведет полный переворот в торговле яйцами.



Все это время он не переставал рассматривать пассажиров, его внимание особо привлек сидевший рядом пассажир. Этого человека он видел впервые, и, тем не менее, у него появилось чувство, что он связан с ним всю жизнь. Средних лет, плотный, с холеной кожей и голубыми глазами. Руки у него были чистые, хорошей формы, но Рогину они не понравились. В дорогом пальто в синюю клетку – Рогин никогда бы такого не купил. И таких синих замшевых туфель или такой в высшей степени корректной шляпы – громоздкого фетрового сооружения, перехваченного широченной лентой, он никогда бы не надел. Франтят люди по-разному, не все любят пускать пыль в глаза; у некоторых франтовство принимает характер особой солидности, и сосед Рогина принадлежал к этой категории. Нос у него был прямой, профиль красивый, но при всем при том он имел вид человека заурядного. Однако самая его заурядность, казалось, предупреждала окружающих: он не хочет никаких сложностей, не хочет иметь с ними ничего общего. Если носишь синие замшевые туфли, поневоле будешь вести себя так, чтобы тебе не наступили на ногу; казалось он, неизвестно по какому праву, очертил около себя круг, давая понять, чтобы к нему не лезли, не мешали читать газету. Он держал «Трибьюн», но сказать, что он ее читает, пожалуй, было бы преувеличением. Он держал ее перед собой.

Холеная кожа, голубые глаза, прямой, типично римский нос, даже самая его поза поражали сходством с Джоан, с ней и ни с кем иным. Рогин пытался уйти от этой аналогии, но ничего не мог с собой поделать. Этот человек был похож не только на отца Джоан, которого Рогин терпеть не мог, но и на саму Джоан. Не исключено, что через сорок лет ее сын, в случае если у нее родится сын, будет таким. Ее сын? И ему, Рогину, предстоит стать отцом вот такого сына? Если взять его и Джоан, его черты вряд ли окажутся доминирующими, и дети их не унаследуют. Скорее всего, они будут похожи на Джоан. Да, если перенестись мыслью на сорок лет вперед, такой человек, вот как этот, сидящий бок о бок с ним в трясущемся вагоне среди их собратьев, участников, пусть они сами того и не сознают, транзитного карнавала, такой вот человек понесет в будущее то, что представлял собой Рогин.

Вот почему Рогин чувствовал, что на протяжении всей жизни их что-то соединяет. Что такое сорок лет по сравнению с вечностью! Сорок лет миновали, и он не сводит глаз с собственного сына. Вот он – перед ним. Рогин был испуган и растроган разом. «Мой сын! Мой сын!» – повторял он, и его сердце пронзила такая жалость, что он чуть не расплакался, а причина всему – дела властителей жизни и смерти, святые и нагоняющие ужас дела. И мы – их орудия. Мы стремимся, как нам представляется, достичь своих целей. Но где там! Все устроено так несправедливо. Страдать, трудиться, надрываться, продирается сквозь тернии жизни, пробираться сквозь самые беспросветные вертепы, прорываться сквозь препоны, сопротивляться неотвратимому промыслу, зарабатывать деньги – все для того, чтобы стать отцом такого вот низкого разбора светского человека, на редкость заурядного на вид с его ординарным, холеным, розовым, самодовольным, до предела буржуазным лицом. Это же несчастье иметь такого скучного сына! Такой сын никогда не поймет отца. У них ничего, ну решительно ничего общего, у него и этого вылощенного, упитанного типа с голубыми глазами. Ему и рот раскрыть лень – до того он доволен и тем, что имеет, и тем, что делает, и тем, что собой представляет. Стоит только поглядеть на эту выпяченную, точно шип или эмбриональный зуб, губу. Для него поздороваться – и то тяжкий труд. А что если через сорок лет все станут такими? А что если по мере того, как земля стареет и остывает, и человек охладевает душой? Бесчеловечность молодого поколения выводила Рогина из себя. Чтобы у отца и сына не было пароля, которым они могли бы обменяться! Ужасно! Бесчеловечно! Какое понятие о жизни это дает. Личные цели человека – ничтожны, иллюзорны. Жизненная сила в своем стремлении воплотиться вселяется в каждого из нас поочередно, попирая нашу личность, используя нас для своих целей, все равно как динозавров или пчел, беспощадно эксплуатируя любовь, принуждая участвовать в жизни общества, работать, добывать в тяжелой борьбе деньги и покоряться закону давления, всеобщему закону о пластах, закону напластования!

– Какого черта, на что я себя обрекаю? – думал Рогин. – Стать отцом атавистической копии ее отца?

Облик этого седовласого, пошлого, брюзгливого старика с себялюбивыми голубыми глазами вызывал в Рогине отвращение. Вот как будет выглядеть его внук. И Джоан – а в Рогине нарастало недовольство ею – ничего тут не могла поделать. Ей этого не избежать. Но он-то вполне мог бы этого избежать, разве нет? А в таком случае, Рогин, болван ты этакий, не будь орудием в чужих руках. Убирайся, покуда цел!

Раньше надо было думать: тогда ему не пришлось бы пережить такое потрясение – оказаться бок о бок с собственным сыном, его и Джоан сыном. Рогин не мог отвести от него глаз – ждал, что тот заговорит с ним, но гипотетический сын отчужденно молчал, хотя, надо полагать, пристальные взгляды Рогина не остались незамеченными.

Они даже вышли на одной остановке – на Шеридан-сквер. На платформе он, даже не удостоив Рогина взглядом, – гнусное синее клетчатое пальто, румяная мерзкая рожа – направился в другую сторону.

Рогин вконец расстроился. У дверей Джоан – он и постучаться не успел, а Генри, пес Филлис, уже залился лаем, – лицо его закаменело. Я не позволю сидеть на моей шее, поклялся он себе. Пусть не думают, что я существую исключительно для их удобства. А Джоан лучше бы поостеречься. У нее было свойство с легкостью уходить от серьезных проблем, он же всерьез ломал над ними голову. Она неизменно верила, что ничего страшного не произойдет. Для него такая беспечность, благодушие были слишком большой роскошью: ему приходилось много работать, зарабатывать деньги, чтобы ничего страшного не произошло. Как бы там ни было, сейчас уже ничего не изменить и, Б-г с ними, с деньгами, будь у него хоть крупица уверенности, что у Джоан не родится точь-в-точь такой сын, как этот его сын из метро, или, что она не во всем повторяет своего похабного папашу. В конце-то концов и сам Рогин не слишком походил ни на отца, ни на мать, а с братом у него и вовсе почти ничего общего не было.

Джоан открыла ему дверь, одетая в один из дорогих халатов Филлис. Он ей удивительно шел. При первом же взгляде на ее счастливое личико Рогина резануло смутное сходство: еле заметное, едва ли не воображаемое, тем не менее оно заставило его содрогнуться.

Джоан кинулась целовать его, приговаривая:

– Малышик мой. Да ты весь в снегу. Почему ты не надел шляпу? Сколько у него снегу на головке, – желая приласкаться, она всегда говорила о Рогине в третьем лице.

– Будет тебе, дай положить пакет. Дай снять пальто, – ворчал Рогин, высвобождаясь из ее объятий. С чего вдруг она так торопится к нему подольститься? – У вас жарко. У меня лицо горит. Зачем вы так нагреваете квартиру? И еще этот паршивый пес тявкает. Не держи вы его в четырех стенах, он не был бы таким балованным, не поднимал бы такого шума. И почему бы вам не выгулять его раз в кои веки?

– Ну что ты, и вовсе у нас не жарко! Просто ты с холода. Как тебе этот халат – правда, он на мне сидит лучше, чем на Филлис? Особенно на бедрах. Она тоже так считает. Не исключено, что она согласится мне его продать.

– Надеюсь, нет, – едва не вырвалось у Рогина. Джоан принесла полотенце – вытереть снег с его черного ежика. Начавшаяся кутерьма невероятно взбудоражила Генри, и Джоан заперла его в спальне, где он без усталости насккивал на дверь, ритмично скреб когтями дерево.

Джоан сказала:

– Шампунь принес?

– Вот он.

– Я помою тебе голову перед ужином. Пошли.

– Не хочу я мыть голову.

– Пошли же, – засмеялась она.

Она совсем не чувствовала себя виноватой – его это поразило. У него просто в голове не укладывалось: как так можно. Комната же – ковры, мебель, свет ламп, шторы, – все в ней, казалось, опровергало его прозрения. И получалось, что в нем кипели возмущение, гнев, обида, злость, но сказать, чем они вызваны, здесь, похоже, было неуместно. Мало того, он даже забеспокоился, не ускользнет ли от него, что породило эти чувства.

В ванной с него сняли пиджак, рубашку, и Джоан наполнила водой раковину. Буря чувств бушевала в Рогине; теперь, когда он был до пояса голый, они одолевали его с еще большей силой, и он сказал себе: она дождетя, ей придется выслушать кое-какие малоприятные истины. Я им этого так не спущу. «По-твоему, – скажет он ей, – можно перекладывать все тяготы мира на меня? По-твоему, меня можно использовать и употреблять? Я что, по-твоему, – полезное ископаемое, вроде угольной шахты, нефтяной скважины, рыболовецкой тони и тому подобного? Заруби себе на носу, хоть я и мужчина, это еще не резон, чтобы взваливать все на меня. Душевных сил у меня ничуть не больше, чем у тебя. Если отбросить внешние признаки, такие как мускулатура, более низкий голос и тому подобное, что останется? Дух твой и мой, они практически ничем не отличаются. А раз так, почему между нами не должно быть равенства? Не могу же я всегда быть сильным».

– Сядь, – сказала Джоан, придвигая табуретку к раковине. – У тебя волосы слиплись.

Он сел, прислонился грудью к холодной эмали, уперся подбородком в край раковины, – в зеленой, горячей, искрящейся воде отражались зеркало, кафель, – и ласкающая, прохладная, ароматная струйка шампуня полилась ему на голову. Мытье началось.

– У тебя на редкость здоровая кожа головы, – сказала Джоан. – Такая розовая.

Он возразил:

– Ей положено быть белой. Это при

знак нездоровья.

– Ни о каком нездоровье не может быть и речи, – сказала Джоан и прижалась к нему сзади, прильнула, бережно поливая ему голову водой до тех пор, пока Рогину не начало казаться, что вода вытекает из него самого, что это теплый ток его сокровенного любящего духа, зеленый и пенистый, заливая раковину, и заранее заготовленные слова были забыты, и его возмущения будущим сыном как не бывало, он вздохнул и, не поднимая головы из наполненной водой выемки раковины, сказал:

– Что за чудные мысли тебе всегда приходят, Джоан. Знаешь, у тебя удивительное чутье, просто какой-то дар.

Èç ñáí òí èèà «Mosby's Memoirs and Other Stories», 1968

Ï áðááèèà ñ áí áèèèèíá È. Ááñ áèíáí

^[1] *Óδαι ηενί Άεείγ (άίεία έçάνοάí ííá èí áí áí Í áí ÷ í Άεείγ) (1877-1923) - á í áένέάí ηέóp δαίτέρöhep 1910-1917 αά δέεί áί έο.άέú έδάνοúγí ηεί αά άίηοάί έγ, έí í οένεί αú αά έαí έέ ó í í αú έεί á έ δαçáάάέ έó έδάνοúγí áí .*

^[2] *Όί έο.άδ Άάέάí άδ (1873-1956) - áí άέένέέé í í γó έ í δίçάέé.*

ГЛЮКЕЛЬ ФОН ГАМЕЛЬН: РАССКАЗ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА



Продолжение.

Начало в № 103 – 111.

Книжка пятая

I

Начинаю эту пятую книжку, дорогие дети мои, с тяжелым сердцем, ибо вся она посвящается болезни и смерти вашего любимого отца.

Вечером 19 Тевеса 5449 года (11 января 1689 года) отец ваш отправился в город уладить какие-то дела с одним купцом. Подходя к дому этого купца, он споткнулся, упал и сильно ушибся об острый камень.

С трудом добрался он до дома, а боли не прекращались. Я в это время была в гостях у матери, но меня немедленно вызвали домой. Мужа я застала сидящим у огня и стонущим от боли. Напуганная, я стала расспрашивать его, что случилось. Он сказал, что упал и ушибся, и выразил сожаление, что доставляет мне столько беспокойства. Он не мог двигаться, и я должна была сама опорожнить его карманы (отправляясь к купцу, он нагрузил их драгоценностями).

Нам не сразу стал понятен подлинный характер его повреждений. У него давно была грыжа; споткнувшись, он ушиб это место, и у него получилось смещение внутренностей.

В нижнем этаже нашего дома всегда стояла наготове кровать, но он не захотел воспользоваться ею, и нам пришлось нести его наверх, в спальню. Ночь была страшно холодная: казалось, само небо замерзло, однако мы всю ночь напролет дежурили возле больного, стараясь облегчить его страдания. В конце концов и мы не вынесли холода, да и он убедился в необходимости спуститься вниз. Мы опять понесли его, теперь на первый этаж.

Так суетились мы, не зная, чем помочь больному, до полуночи, а между тем ему становилось все хуже и хуже. Я попросила его, ради всего святого, позволить нам вызвать врача и сиделку. На что он отвечал: «Лучше я умру, но не позволю, чтобы люди узнали о моей болезни». Я стала плакать и кричать: «Подумай, что ты говоришь! Почему никто не должен знать об этом? В несчастье, которое произошло с тобой, нет ничего грешного или постыдного!»



Глиняная ваза погребального общества.

Прага, около 1780 года.

Но он стоял на своем. У него было нелепое убеждение, что это может повредить его детям: люди, дескать, станут говорить, что эта слабость - наследственная. Ведь он всегда думал о детях! Всю ночь мы спорили с ним и прикладывали к больному месту разные примочки.

На рассвете я сказала: «Слава Б-гу, ночь миновала. Сейчас я пошлю за доктором и за хирургом». Но он не хотел и слышать об этом, и велел послать за сефардом Авраамом Лопесом, цирюльником. Лопеса немедленно привели.

Когда он увидел ушибленное место, то сказал: «Не бойтесь! Сейчас я ему сделаю перевязку, и он поправится. Мне приходилось иметь дело с сотнями таких ушибов, и мое средство ни разу не подводило».

Это было рано утром в среду. Доктор Лопес приложил свою примочку, полагая, что больной скоро поправится. Однако в полдень, о, ужас, он сказал: «Вижу, моей примочки недостаточно. Пойду и приведу цирюльника, у которого легкая рука». Пришел цирюльник и трудился целый день в надежде вправить грыжу. Но чем больше он трудился, тем хуже становилось больному.

В четверг я привела еще одного специалиста по грыжам и еще двух врачей, в том числе доктора Фонсеку. Когда я рассказала последнему, как обстоит дело, он сказал: «Я мало что могу сказать или сделать. Произошел заворот кишок – такой сильный, что больной не может испражняться. И то, чему положено покидать организм естественным путем, прорвалось – помоги нам, Б-же, – через открытую рану». Что мы ни делали, мужу ничего не помогало, а он упрямо не желал помощи чужих и умолял нас держать его болезнь в секрете. Что до меня, я уже поняла, к чему все идет: это была судьба!

В четверг весь день и всю ночь мы пытались как-то помочь больному. В пятницу доктор Лопес привел к нам врача из Берлина, который много лет был постоянным врачом курфюрста. Он тоже дал мужу какие-то пилюли и наложил биндаж. Увы, все бесполезно!

Утром в субботу моему деверю Йосефу стало известно, что с мужем моим что-то случилось. Он прибежал к нам и стал проситься к больному. Услышав его голос, муж захотел увидеть его.

Но лишь только Йосеф посмотрел на него – небах!* – как все понял. Он стал биться головой о стену, рвать на себе волосы и, горько плача, кричал: «Горе мне, я теряю такого родственника!» Затем он бросился на кровать мужа и стал просить у него прощения за все обиды, вольные и невольные.

Муж искренне отвечал ему: «Любимый родственник, прощаю тебя и всех живых, прости и ты меня!» После этого деверь попытался успокоить его и просил потерпеть, ибо Г-сподь еще может прийти к нему на помощь. «Все в руках Б-жьих, – отвечал муж, – пусть будет так, как пожелает Г-сподь!»

Оберегая меня, он воздерживался говорить о своих страданиях, но не отпускал от себя нашего шестнадцатилетнего сына Лейба. Когда я вышла из комнаты, он позвал мальчика и открыл ему, что нас ожидает. Мальчик горько заплакал. Но как только муж заметил, что я вошла в комнату, он быстро сказал сыну: «Ради Б-га, молчи! Мать идет, пусть она не видит твоих слез». На пороге смерти он думал только о том, чтобы не причинять мне боли. Утром в субботу после завтрака пришла моя мать, бросилась к нему и, целуя и обливаясь слезами, сказала: «Сынок, неужели ты должен сейчас оставить нас? Неужели я ничего не могу сделать для тебя?» На что он отвечал: «Вы знаете, я любил вас, как родную мать. Мне ничего не надо, только утешьте мою бедную Глюкельхен». Это были его последние слова.

Но кто теперь утешит меня? Кому я изолью душу? Куда обратиться? Всю жизнь возлюбленный спутник моей жизни выслушивал мои жалобы, ему изливала я свои огорчения – а их было немало, – и он умел утешить меня так, что они как-то быстро утрачивали остроту. А сейчас мне предстоит самой справляться с бедами.





Изображение членов пражского погребального общества. Вверху: произнесение молитв у смертного одра. Ниже: перенос тела на еврейское кладбище. Внизу: надгробная проповедь.

Прага, около 1780 года.

К нам приводили все новых врачей и новых специалистов по грыжам, но все было бесполезно. К концу субботы все ушли, остались только доктор Лопес и я.

Тут я сказала мужу: «Дорогой, можно ли мне обнять тебя, хотя я нечиста» (ибо у меня были месячные, и я не смела коснуться его). Он ответил: «Упаси Б-же, детка, подождем еще немного, и ты очистишься». Увы, когда это произошло, было уже поздно!

По совету доктора Лопеса я вызвала Файбиша Леви, который знал, как провожать человека в последний путь. Он прибыл в два часа ночи. Тогда же я вызвала нашего учителя, самого надежного человека.

Файбиш Леви сразу же прошел к мужу. «Реб Хаим, – сказал он. – Какие будут ваши последние пожелания и наставления?» На что муж ответил: «Никаких. Жена в курсе

всех моих дел. Она будет поступать так, как поступала всегда», и попросил реб Файбиша принести ему книгу ученого раввина Ишайи Гурвица.

Эту книгу он читал примерно полчаса, затем повернулся к реб Файбишу. «Разве вы не видите, что конец мой близок? – сказал он. – Пусть жена и дети уйдут. Уже пора: наступает последний час».

Реб Файбиш пытался поговорить с ним, но он уже не отвечал и только что-то шептал про себя. Видно было лишь, что губы у него шевелились. Так прошло полчаса, и реб Файбиш сказал доктору Лопесу: «Авраам, друг мой, приложи ухо к губам его, может, ты услышишь, что он говорит». Доктор Лопес так и сделал, и через некоторое время услышал: «Слушай, Израиль, Г-сподь Б-г наш, Г-сподь Один». С этими словами муж перестал дышать: его душа отлетела. Так умер он в святости, чисто и безгрешно, и кончина его явила собой, что это был за человек!



Оплакивание умершего.

Прага, около 1780 года.

II

Как описать, дети мои, наше глубокое горе? Я, которую он всегда так превозносил, осталась одна с восемью из двенадцати детей, и одна из них, дочка Эстер, была помолвлена! Помилуй нас,

Б-же, и будь отцом детям моим, ибо Ты – Отец всех, кто лишился земного отца. Думаю, никогда не перестану оплакивать моего дорогого друга.

Мужа похоронили со всеми почестями в воскресенье 24 Тевеса 5449 года (16 января 1689 года). Внезапная его смерть была ужасным ударом для всей общины.

Семь дней траура я и двенадцать осиротевших детей сидели на земле и оплакивали безвременную кончину мужа.

Десять мужчин ежедневно возносили молитвы о нем в доме траура. Мы поручили знатокам Талмуда учить Тору в его заслугу день и ночь на протяжении года – да не упрекнет меня никто в пренебрежении обычаями. Дети прилежно говорили кадиш по отцу.

Не было дня, чтобы кто-то из еврейской общины – как мужчины, так и женщины – не приходил утешить нас.

Слез было пролито немало. Можете себе представить, как мы провели семь дней траура. «Я ела хлеб, политый слезами, и пила горькое питье»...

Я была низринута с небес на землю. Тридцать лет я жила радостью от общения с любимым мужем; он давал мне все, чего может пожелать верная жена. Могу сказать, что он всегда думал обо мне и заботился, чтобы после его смерти я могла держать голову высоко. Но какая теперь от этого радость. Нельзя изменить решение Небес...

Все же, дорогие дети, наш отец, наш добрый друг, умер смертью праведника. Всего четыре дня он болел, и ум его оставался ясным до самой последней минуты. «И пусть будет кончина моя, как его», да помогут нам его заслуги в час нужды. Ему выпало счастье покинуть этот грешный мир, когда был он богат и окружен почетом, он не дожил до того, чтобы видеть несчастья своих детей, «ибо от зла отобран праведник»

Но когда отлетела его душа, вместе с ней унеслись и вся моя слава, все мои богатство и почет. И осталась я с детьми – как женатыми, так и еще непристроенными, с заботами и тревогами, которых с каждым днем прибывало. «Друзья мои искренние отступили от язвы моей, и ближние мои стоят вдали». Грехи мои навлекли на меня эту беду! Никогда не забуду я мужа, ибо в сердце моем он схоронен.

Милая мамочка и дети мои пытались меня утешить, но все их утешения были подобны маслу, подливаемому в огонь, – горе мое только усиливалось.

В течение двух-трех недель люди приходили, чтобы выразить свое сочувствие, а затем все позабыли обо мне, и те самые люди, которым мы с мужем больше всего помогали, отплатили моей семье злом за добро – так уж ведется на этом свете! По крайней мере так казалось мне тогда, потому что всякая вдова – прости меня Г-споди! – внезапно потеряв все, бывает обидчива и ранима, хотя нередко случается, что она обижается без всяких на то причин и несправедливо.

Те дни, дорогие дети мои, когда сердечный друг мой лежал бездыханный передо мною, были еще не так тяжелы, как последующие. Горе мое усиливалось ежечасно. Но в Своем милосердии Г-сподь Всеблагой и Великий, наконец, даровал мне терпение: я погрузилась в заботы об осиротевших детях, стараясь скрасить их сиротство, насколько слабой, угнетенной горем и тоской женщине это было под силу.



Кубки погребального общества.

Германия, XVIII век.

III

По истечении тридцатидневного траура ни брат, ни сестра – никто из родственников не пришел повидаться со мной и спросить: «Что думаешь делать? Как будешь справляться?» А в первые 30 дней траура, когда нам случалось встречаться, все их советы были бесплодны и бесполезны для меня и моих осиротевших детей.

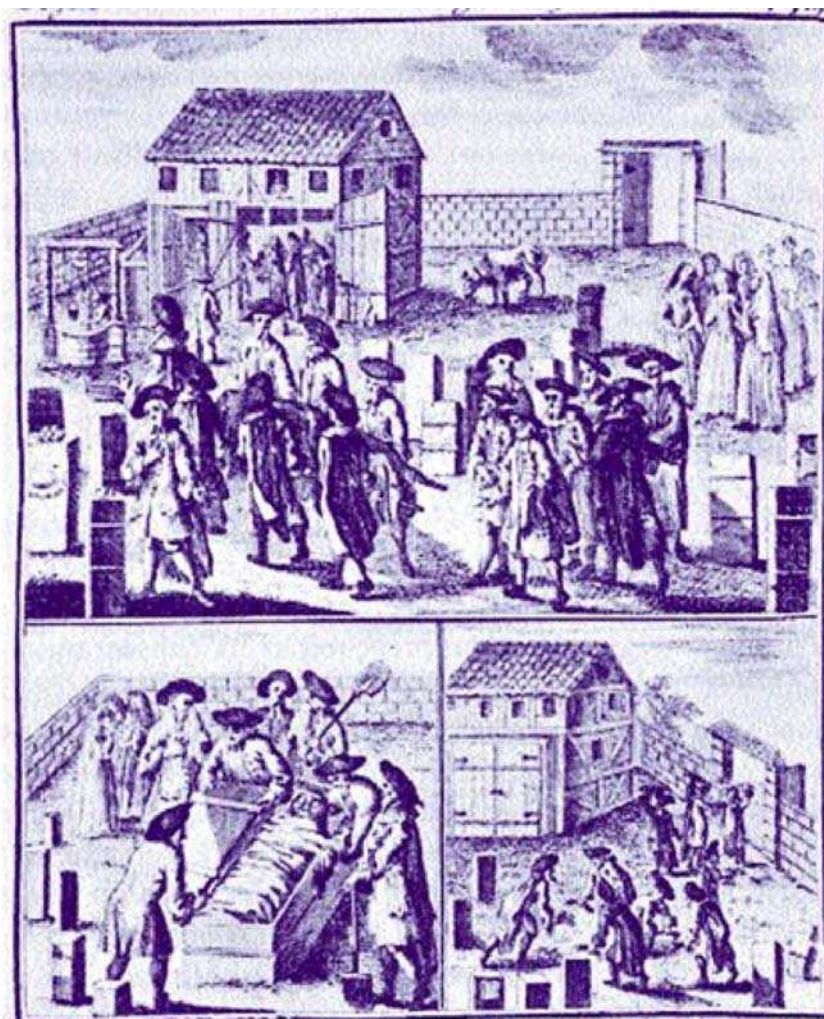
Муж не захотел назначить детям опекуна: я уже рассказывала вам, как он ответил реб Файбишу, когда тот спросил, каковы будут его последние наставления. Поэтому по прошествии тридцати дней я стала просматривать книги и обнаружила, что у нас 20000 долга. Это была не новость для меня, и я даже не сильно обеспокоилась, поскольку знала, что в состоянии покрыть все долги и у меня еще останутся средства, чтобы прокормить себя и детей.

Однако нелегко нести вдове такой груз, как долги, если в доме нет и сотни талеров «живых» денег. Сыновья мои Натан и Мордехай как хорошие дети пришли мне на помощь, но они были еще очень молоды. Поэтому я, все подсчитав и подбив итоги, решила продать все ненужное семье с аукциона.

Дорогие дети, вам известно, как ваш отец, ваш пастырь и друг покинул этот мир. Отныне полагайтесь только на себя, потому что нет надежных друзей на свете, и даже если их много, вы не сможете опереться на них в трудный час. Ибо, когда человек не нуждается в посторонней помощи, каждый набивается ему в друзья, а когда друзья ему действительно необходимы, их не сыскать, как свидетельствует следующая история.

Однажды некий царь послал своего сына в дальние страны набраться ума-разума. Спустя тринадцать лет царь написал сыну, что пора ему вернуться домой, и в честь его возвращения устроил пышный пир. Он спросил принца: «Сын мой, много ли было у тебя друзей в том городе, где ты учился уму-разуму?» Принц отвечал: «Целый город! Все были моими друзьями». «А как они стали твоими друзьями?» – спросил царь. «Каждый день, – отвечал сын, – я приглашал их на обед, кормил и поил лучшими винами».

Царь вздохнул и покачал головой. «Я-то думал, – сказал он, – ты набрался ума-разума. А ты даже не научился тому, что друзья по застолью – это не друзья! Всякий готов изъяслять преданную дружбу, когда ты кормишь да поишь его. Но коль скоро ты пересташь потчевать его отборными кушаньями или же в другом месте он найдет угощение получше, его дружба исчезнет вместе с ним».



Гравюра с изображением похоронной процессии.

Германия, XVIII век.

Тогда принц спросил: «Господин мой и отец, кто же может считаться надежным другом и где найти такого?» «Никого не называй верным другом, – ответил царь, – пока не подвергнешь его испытанию». «А как испытывать?» – спросил сын.

Вместо ответа царь велел сыну убить молодого теленка, тушу положить в мешок, а ночью тайно отнести его тому, кого он считает своим другом, и сказать, что в

мешке труп царедворца, убитого им в пьяной ссоре, и попросить друга помочь ему спрятать труп. Принц так и сделал, и из всех его вассалов лишь один вызвался ему помочь. Но и тот ограничился тем, что сторожил на пустынной дороге, пока принц зарывал мешок.

Затем принц вернулся к отцу и сказал: «За одну ночь я набрался больше мудрости, чем за 13 лет, проведенных за границей. Среди моих вассалов нашелся только один друг – слуга мой, но и тот друг лишь наполовину! Скажи, чем его наградить?»

«Самый лучший способ наградить его, – сказал царь, – приказать выпороть всех остальных слуг». «Но почему? – спросил сын. – С какой стати наказывать слуг, которые не сделали ничего дурного?»

– Если бы умного человека, – отвечал царь, – окружала тысяча глупцов и другого пути для спасения не было, я посоветовал бы ему убить тысячу глупцов. По той же самой причине я советую тебе выпороть своих безмозглых слуг, дабы тот твой слуга, который сейчас только наполовину друг, стал другом на все сто процентов.

У нас, дети мои, нет друзей, на которых мы можем положиться, кроме Г-спода Б-га. Он всегда защитит и поможет нам. Вы потеряли своего преданного и доброго отца, но наш небесный Отец вечен и не предаст вас, если только вы не предадите Его. А если – упаси Б-же, – подвергнетесь наказанию, виной тому будете вы сами и ваши поступки.



Бокал для посещения членами погребального общества смертельно больных.

Германия, XVIII век.

IV

Я рассказала вам, как подытожила свои долги. После этого я пошла к своему деверю Йосефу и попросила его просмотреть мои активы и сказать, не завысила ли я или не занизила ли цены на принадлежащие мне товары. Он пересмотрел все и сказал: «Ты все оценила слишком дешево. Если бы я продавал свои товары по таким ценам, то обанкротился бы». Но я отвечала: «Мне кажется, разумней оценить товары подешевле, а

продать, если удастся, подороже, чем наоборот: завысить цену, а потом оказаться вынужденной сбавлять цену даже ниже реальной стоимости. По моим подсчетам, даже по назначенной мной недорогой цене я выручу достаточно, чтобы обеспечить своих осиротевших детей».

Итак, я провела аукцион, и все прошло очень хорошо. За все товары мне дали хорошую цену, и хотя я определила шестимесячную отсрочку уплаты, – хвала Г-споду, – не потерпела убытку.

Как только начали поступать деньги, я приступила к уплате долгов и через год расплатилась со всеми кредиторами. Разницу, что осталась у меня на руках, я отдала в долг под процент.

Как я уже рассказывала, дочь моя Эстер была давно помолвлена, но мы не нашли способа ни расторгнуть эту помолвку, ни реализовать ее. После тридцатидневного траура я сообщила матери жениха в Мец, что овдовела, и просила ее прислать сына, дабы познакомиться с ним и положить конец неопределенности. Однако она отвечала, что я написала ей такие мерзости, так дурно отзывалась о ее сыне, а она, в свою очередь, слышала такие дурные отзывы о моей дочери, что не желает отправлять к нам жениха. Если я поверила клевете, возведенной на ее сына, то пусть пришлю в Мец кого-то из моих друзей, чтобы он посмотрел на молодого человека собственными глазами. Кроме того, писала она мне, из-за войны между королем Франции и рейхом столь дальнее путешествие для ее сына небезопасно. Итак, год с лишним переговоров привели лишь к обмену неприятными письмами, и дело не продвинулось ни на йоту.

Сын мой Лейб к тому времени подрос и стал крупным, красивым юношей, он получал много брачных предложений. Мой деверь Йосеф тоже заводил разговор, не женить ли Лейба на его дочке, и предлагал нам выдвинуть свои условия. Но эта идея была не по вкусу сыну, который предпочел жениться на девушке из Берлина – на свою и на нашу беду! Однако я никого не виню! Судьбу нашу определил Всевышний. Он призвал моего мужа, чтобы тот не увидел несчастий собственных детей! По молодости и глупости сын мой Лейб позволил, чтобы распутные товарищи вовлекли его во многие соблазны. Поэтому я подумала: если он женится в Гамбурге, соблазнов будет еще больше. Я – вдова. Здешняя родня занята своими делами, ей некогда присматривать за ним, некогда остеречь его от глупостей.

Между тем мой деверь Элиас Рис предложил в невесты Лейбу дочь своего брата Гиршеля Риса, проживавшего в Берлине. Я сказала себе: у этого человека мало детей; дела свои он ведет преимущественно в Берлине; кроме того, это строгий человек, и он станет присматривать за моим сыном.

Поэтому я дала согласие на помолвку Лейба с дочерью Гиршеля Риса и была довольна собой, думая, что поступила мудро.

Когда приблизился срок свадьбы, мы вместе с женихом, с Исохаром Коэном, моим деверем Элиасом Рисом и сыном Шмуэлем отправились в Берлин, где остановились в доме Бенъомина Мирельса.

Не могу описать всех знаков уважения, которыми осыпали меня Гиршель Рис, его дядя Бенъомин Мирельс и все берлинские евреи, не говоря уже о знаках уважения, оказанных мне богачом Иегудой Берлиным и его супругой.

Хотя Иегуда Берлин рассорился с венскими евреями (венские евреи, к которым принадлежала семья Риса, поселились в Берлине после того, как в 1670 году их выслали из Вены), на субботний пир он прислал мне лучшие сладости, которые только продавались в Берлине, и дал в мою честь великолепный обед. Короче говоря, я получила больше почестей, чем заслуживала.

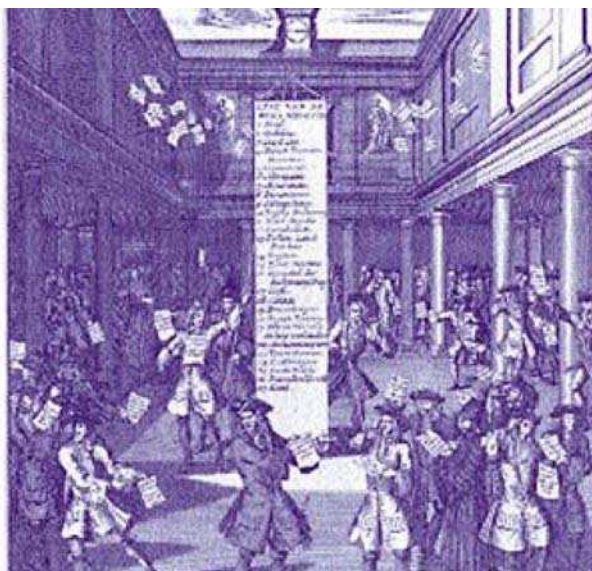
Мы торжественно и весело отпраздновали свадьбу, а спустя несколько дней в самом хорошем настроении вернулись в Гамбург.

Перед отъездом из Берлина я поговорила с Гиршелем Рисом и просила его присматривать за сыном, поскольку он еще мальчик, совсем не умеющий вести дела. «Я согласилась на этот брак, – сказала я ему, – поскольку надеюсь, что сын мой найдет в вас второго отца». В ответ Гиршель Рис заверил, что мне незачем беспокоиться о сыне, пусть у меня будет так же мало огорчений с остальными моими детьми, сказал он. Но, Б-же мой, что мне пришлось увидеть, когда страница была перевернута!!!

Согласно контракту об обручении наших детей Гиршель Рис обязался содержать семью моего сына три года и ежегодно класть на его счет 400 рейхсталеров. Но ни этого обещания, ни остальных он не сдержал.

Тем временем обмен письмами по поводу выдачи замуж моей дочки Эстер продолжался, не принося никаких результатов. В конце концов было решено, что, поскольку ни жених со своим отцом не хотят или не могут приехать в Гамбург, ни мы с дочкой в Мец, пусть жених в сопровождении отца, богача Авроома Крумбаха, приедет в Амстердам. Я в свою очередь взялась привезти туда же невесту: пусть они посмотрят друг на друга, и если друг другу понравятся, то тут же сыграем и свадьбу.

Итак, мы с дочкой Эстер и сыном Натаном отправились в путь и в надлежащее время прибыли в Амстердам. Ехали мы в хорошей компании; путешествие было очень приятным и доставило большое удовольствие.



Спекуляция на амстердамской бирже.

Гравюра начала XVIII века.

К вечеру того же дня после дневной молитвы жених приехал к нам. Я долго разговаривала с ним, и он пришелся мне по душе во всех отношениях. Я не нашла в нем ни одного из тех недостатков, что приписывались ему недругами. Мы пробыли вместе два-три часа, и я от всего сердца возблагодарила Г-спода Б-га и пришла в самое лучшее состояние духа. (Во время пребывания в Амстердаме мы с сыном ежедневно заключали сделки на покупку и продажу драгоценных камней.)

По прошествии недели я получила письмо от фрау Мирьям, жены покойного Элиаса Клевского, в котором она просила оказать ей честь и прибыть в Клеве вместе с женихом и невестой. Поскольку именно от нее исходила идея поженить Эстер и Крумбаха и пока что она не имела от этого ничего, кроме неприятностей, самое меньшее, что мы могли сделать, это принять ее приглашение.

Нам было трудно прервать свои коммерческие дела, но отклонить ее приглашение я не могла, и все мы поехали в Клеве. Встретившись, мы заплакали – ведь мы впервые увиделись с тех пор, как обе овдовели. Но, когда первая грусть прошла, к нам снова вернулось хорошее настроение, и общество друг друга было приятно обеим. Дочка моя Ципора тоже была с нами.

Фрау Мирьям пожелала, чтобы свадьба была отпразднована в Амерсфорте, но меня это не устраивало: надо было вернуться в Амстердам.

В Клеве мы провели пять счастливых дней, а затем отправились с женихом и невестой в Амстердам. Сразу же по приезде начались приготовления к свадьбе. Хотя мы рассчитывали всего на 30-40 гостей, явилось более 400 человек. Короче говоря, такой пышной свадьбы в Амстердаме не видывали 300 лет. Она обошлась нам в 400 с лишним рейхсталеров.

После торжества я оставалась в Амстердаме еще несколько месяцев, занимаясь коммерческими делами. Затем мы собрались домой. Я просила моего нового зятя Мойше поехать с нами и предлагала у нас остановиться, но он отказался. И мы, довольные, вернулись в Гамбург, застав детей и друзей наших в добром здравии.

** È í àñ: àñòùþ! Óàù! - èääø*

ЛИТЕРАТУРА ИЛИ ПОЛИТИКА?

Книга израильского писателя врача-рентгенолога Идо Нетаньягу «Итамар К.» в переводе скрипача Даниэля Фрадкина включает четыре рассказа и роман, давший название книге.

Ее презентации состоялись в московском Институте развития прессы и библиотеке иностранной литературы. На последней побывал наш корреспондент.



Роман с первых страниц поражает упрощенным языком. Не знаю, как все это выглядит в оригинале: хороший переводчик бережно относится к тексту, к стилю, становясь, по сути, соавтором. Это большое искусство — русская школа перевода давно признана во всем мире. На страницах романа Нетаньягу видна только схема с персонажами, существование которых нужно автору для выражения своих политических взглядов. Упреки критиков заранее отменяются ссылками на засилье политических противников в органах массовой информации и учреждениях культуры родного Израиля, на выбранный жанр гротеска. Не обошлось, конечно, без Кафки. Тень великого писателя была вызвана для поддержки, без которой трудно было бы обойтись.

«Вы не представляете, какое счастье для меня следить за мыслью Творца. Это как искры, вспыхивающие одна за другой, это особое, оригинальное видение!» — обыкновенная неряшливость. И нет в русском языке термина «докторат»: «Очень трудная тема. Если смогу, то разовью ее для моего доктората». Не говорят так сегодня по-русски! Конечно, трудно сохранить язык, живя в другой языковой среде, но с литературного переводчика особый спрос. Цитировать можно бесконечно, и герои, и антигерои не разговаривают, а излагают мысли бедным языком начинающего журналиста. Хороший редактор ни за что не пропустил бы «внезапно нагрянув к нему с внезапной проверкой» даже в жанре гротеска. А вот ценное качество романа: он вполне может сойти за

справочник для дилетантов: «Я исполнил только одну пьесу: “Лунный свет” Дебюсси», «Он слушал молодого певца, исполняющего партию Яго из “Отелло” Верди», «Ведь достаточно назвать имена Брехта или Беккета, как немедленно вспоминаются их главные работы: “Матушка Кураж” и “В ожидании Годо”», «Я уже слышу, слышу, как Меламед поет “Летом” Шуберта», «Меламед беседует с Сильвией о “Бедном Петере” Гейне и Шуберта». Поберегу вас и не буду продолжать перечень.

Возможно, врач-писатель своим романом поставил диагноз: «У меня непреодолимое стремление к самовыражению, а вот таланта, увы, нет». Но есть все же кое-что в романе, с чем нельзя не согласиться: «Человеку стоит платить только за его мозги» и «Такой подход отличает большого художника от ремесленника».

Объективности ради дадим слово автору, как будто неуверенному, что кто-нибудь в России прочтет роман, и пространно изложившему на презентации свои взгляды.

Проблематике романа хотел бы уделить больше внимания. Молодой израильтянин Итамар Колер после обучения в США искусству кинематографии возвращается домой, чтобы снять фильм по своему сценарию. Но встречает сопротивление так называемой интеллектуальной элиты, ибо сценарий содержит некоторые элементы, чуждые этим «комиссарам» от культуры. События разворачиваются вокруг противостояния Итамара и системы, угрожающей раздавить его, стремящейся методами общественно-политического давления заставить творческого человека отказаться от своих взглядов.

Я не первый, кто пишет о столкновениях между индивидуумом и его окружением, и, наверняка, не последний. Тема будет существовать, пока живо человеческое общество. Но здесь важны концептуальные подходы авторов, литературные формы выражения конфликта, специфика методов подавления индивидуальных характеров.

Действие моей книги происходит не в России и, конечно, не изображает какой-либо правительственный механизм идеологической диктатуры. Действие происходит в свободной демократической стране, где нет тайной полиции, где не врываются по ночам в дома граждан, где каждый может высказать свое личное мнение без опасения оказаться в тюрьме или сибирской ссылке.

Откуда взялся этот удушающий механизм и существует ли он? Может быть, он плод фантазии? Такой механизм существует помимо моего воображения, и это — не менее жестокая диктатура, чем та, что существует при тоталитарных режимах. Причем, я говорю не только об отсутствии терпимости, когда выражение идей, противоречащих общепринятым, вызывает трезвую критику, когда человек может оказаться в одиночестве, подвергнуться остракизму, осмеянию, унижению. Это особый вопрос, и литература занимается им из поколения в поколение.

Явление, на котором я заостряю внимание в романе, это созданная в Израиле система, поддерживаемая людьми, занимающими практически все позиции в области высшего образования, культуры, искусства и средств массовой информации. Этих людей характеризует единство взглядов, которые иногда меняются под влиянием новых идей, мгновенно усваиваемых всем сообществом, стремление почти силой навязать их всему обществу. Упомянутые круги почти безраздельно властвуют в средствах массовой информации после того, как устранили почти всех, чье мировоззрение противоположно их собственному. Они решают, кому будет дана возможность высказать свое мнение, кого

прославить, чья книга будет обсуждаться, а чья подвергнется убийственному замалчиванию, каким идеям – жить. Они определяют интеллектуальную атмосферу для всей страны. Пропуском в этот клуб служит принятие их политической концепции, для Израиля – принятие мировоззрения, основанного на капитулянтстве в его крайней форме во всем, что связано с ослаблением позиций Израиля и минимальными условиями для проживания в государстве, находящемся в конфликте с арабами. Я вовсе не имею в виду какого-либо диктатора и узкий круг людей, управляющих этим механизмом, направляющих его действия, какой-нибудь комиссии, принимающей решения по всем внутренним дискуссиям. Положение иное. Существующая ситуация является следствием того, что вход в эти сферы разрешен только своим людям, объединенным нетерпимостью к иному мнению. В результате система работает так, как будто она руководима неким «Центральным Комитетом», но без существования такового. Машина работает сама по себе. Весь ее персонал прекрасно знает правила игры, и никто не должен этой машиной управлять. Они, правда, говорят: «Все, кто думают иначе, могут так и думать. Это их полное право, ведь у нас свободная страна, мы защищаем принципы либерализма и демократии». На деле «инакомыслящим» дозволяется публично высказываться только изредка и порциями, строго определяемыми теми, кто обладает властью и правом решать, какого рода идеи и в каком объеме можно представить на суд общественности, кто заботится о том, чтобы «неподходящие» мысли были пропущены через фильтр средств массовой информации, находящихся под полным контролем. А там уже позаботятся о сопровождающих комментариях и издевательствах! Так работает система, приводящая к единомыслию и интеллектуальной диктатуре. Отсутствие настоящей дискуссии по важнейшим вопросам приводит к поверхностности индивидуального и коллективного мышления. Удар наносится и по искусству. Правда, на словах признается право на творческую индивидуальность, но на деле, чтобы получить признание, художник должен шагать в ногу. Только рассмотрев особенности, масштабы и стиль работы механизма, можно оценить его мощь.

Борьба против правительственной диктатуры может даже показаться в определенном смысле легче. Она требует мужества и связана с большим риском, иногда смертельным. Но цель борьбы ясна, ее легко определить – диктаторский режим. У борца с режимом всегда найдутся союзники и вовсе не обязательно в ближайшем окружении. И ему обеспечены, как минимум, симпатии издалека.

Механизм, описанный в моей книге, труднее поддается опознанию и определению. Как сеть, он опутывает все общество, не всегда заметен и по этой причине бороться с ним трудно. Люди, составляющие неотъемлемую часть этой машины, представляют себя борцами за права человека, поборниками терпимости, флагманами культуры и прогресса. И нет ничего проще, чем представить борьбу против них как борьбу против прекрасных идеалов гуманизма, к которым стремится цивилизованный человек, ошельмовать борца как врага всего возвышенного и доброго, используя без всякого стеснения технику подлогов. Здесь нет ничего общего ни с просвещением, ни с идеалами, их “либерализм” фальшив насквозь. Свобода слова существует лишь для людей этого механизма, они используют все средства, чтобы оболгать, унижить несогласного, задушить свободу мысли.

Как же довести свою точку зрения до общественности? Решившийся на борьбу оказывается со связанными за спиной руками, ибо все средства массовой информации принадлежат противнику. Даже те, кто поддерживает его идеи, не могут позволить себе объявить об этом во всеуслышание. Это не преувеличение, машина действует из дня в день, работает во всех университетах, безжалостно выбрасывая не желающих приспособиться к стандарту мышления. Ни на телевидении, ни на радио не допускается

проявление мятежного духа. Круговая порука охватывает университеты, прессу, культуру. Они подпитывают друг друга.

Мой герой подвергся всем возможным нападкам, когда попытался поплыть против течения. Понимая, что не сможет снять свой фильм, Итамар Колер не снимает фильма вообще. И при диктатуре режима, и при диктатуре университета результат один – духовная скука и отсутствие оригинальности идей. Итамар не идеолог, не политик. Все, что ему нужно, – сделать фильм о человеке, с которым был знаком, и показать все его качества, включая отдельные политические высказывания. Но они противоречат идейной гегемонии определенной группы в Израиле. Итамар не согласен препарировать свой фильм. Страшно ощущение безнадежности, когда вступаешь в борьбу. В схватке с диктаторским или коррумпированным режимом ты, по меньшей мере, знаешь, что при падении у власти есть шанс на обновление, что на твоей стороне будут интеллектуалы. Но кем и как заменить «элиту свободного общества», подавляющую свободу духа? Как же Израиль дошел до жизни такой? Ответа нет.

В свое время определенные партии и политические движения завладели всеми системами государства, включая область культуры в широком понимании этого слова. Некоторые обанкротились, потеряли экономическую и политическую власть, но, по-прежнему, держат в своих руках большинство университетов и прессу, властвуют над национальной культурой, являющейся выражением их мировоззрения, плодом слепой политической веры. Они удерживают свою власть в области культуры не только в силу традиций, но и преувеличивая опасения, что любая попытка лишить их гегемонии ударит по либерализму и правам человека. Подавление свободы мышления имеет место в демократическом обществе, и это – факт. Такое может произойти в любом месте, не только в Израиле. Нельзя предполагать, что демократия представляет гарантию свободы духа. При известных обстоятельствах для подавления этой свободы можно обойтись без армии или полиции. И нельзя рассчитывать, что подобная диктатура исчезнет сама собой; как и всякая диктатура, она закончит свое существование, только когда с ней будут бороться. Но для этого сначала надо сорвать с нее маску – это и пытался я сделать романом «Итамар К.»

Вот теперь все встало на свое место. Автор защищает клановые позиции, а, видимо, регулярные колонки в газете «Новости недели» не могут утолить его желание писать. И решил господин Нетаньягу написать роман, но выразить свои взгляды в художественной форме ему не удалось. Кто читать будет? В России, уверен, любителей такого «чтива» найдется не много. Или ошибаюсь?

На презентации выступил бывший посол России в Израиле Александр Евгеньевич Бовин. Выступление было в высшей степени корректно, но внимательный слушатель не мог не услышать за вежливыми словами нотки неприятия и несогласия. Попытаюсь передать смысл сказанного.



Не прочитав книгу, трудно о ней говорить, хотя мы и собрались здесь для этого. И автор говорил не о ней, а о ситуации в Израиле. А мы с ней тоже не знакомы. Хотя моя жизнь в стране позволяет сделать несколько замечаний.

Израильская, ивритская интеллигенция, корни которой уходят в социалистический сионизм, занимает левые позиции, то есть она «за мир с арабами». Правые, грубо говоря, «против». Но я бы не стал сгущать краски и проводить жесткие разделительные линии. На выборах последнего времени правая партия «Ликуд» побеждала дважды, единого мнения по важнейшим политическим вопросам в Израиле нет, страна раскалывается почти пополам. И трудно представить совершенно левую интеллигенцию и правое общество – ведь это сообщающиеся сосуды. И сама интеллигенция, на мой взгляд, не представляет аморфный левый фланг – русскоязычная часть склоняется вправо. Эта часть более сдержанно относится к уступкам, на которые правительство готово пойти в отношениях с палестинцами. Может быть, 99% ее на последних выборах голосовали за А. Шарона. Вот какие сдвиги происходят в стране.

Вызывает вопросы и отношение израильтян к арабам внутри страны. Бюджет арабского муниципалитета может быть на порядок меньше соседнего еврейского. Не отсюда ли грязь в первом случае и ухоженность во втором? Вполне серьезно в газете может обсуждаться вопрос о недопустимости названия блюда «арабский салат» в меню столовой кнесета. Приходилось мне читать и высказывания политического лидера о том, что арабы ничего не дали мировой культуре, цивилизации. С этим невозможно согласиться, и становится понятной соответствующая реакция на такие писания, которая может показаться вполне пропалестинской.

В общем, реальность насыщена полутонами, оттенками, смешением красок и звуков. Автор же склонен, насколько я могу уловить, к проведению жестких разграничительных линий. Психологически это понятно. Но не стоит забывать о логике.

«Трудно быть свободным, когда не свободен подчиненный тебе народ» – это банальная истина. И зачастую истины банальны, а оригинальна ложь. Как было бы хорошо, если бы крайности ушли в прошлое.

Активное участие в презентации принимал атташе по культуре посольства Израиля в России. Среди прочего Дан Орьян отметил:

Для нас это важная книга. Речь идет о том, как мы, наша культура, воспринимаем людей, думающих нестандартно. Очень важно показывать нашу культуру со всех сторон, и слева, и справа. Это важно как для отдельных людей, так и для культуры в целом. Часто бывает полезно увидеть вещи с разных сторон и понять человека с другими взглядами, услышать все голоса. Мы, сотрудники маленького отдела культуры посольства Израиля в Москве, пытаемся именно так работать. Когда писатель приезжает сюда, его не спрашивают о взглядах и политических пристрастиях, нам важна хорошая литература и объективный взгляд на Израиль.

Это уже шестой роман израильских писателей, опубликованный при нашей поддержке здесь, в России. На наш взгляд – очень хорошие вещи, и мы надеемся, их будет намного больше.

Если желание исполнится, то российский читатель будет очень рад. Но пусть книги будут хорошими.

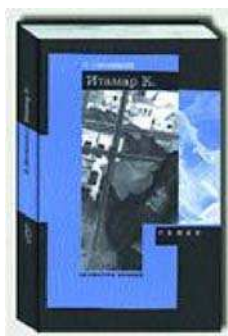
Отвечая на мои вопросы, Идо Нетаньягу сказал еще несколько слов.

Моя книга является гротеском, сатирой на происходящее. Сегодняшним выступлением я хотел лишь обострить некоторые моменты, связанные с литературным, культурным процессом. И вовсе не входило в мои планы затрагивать политику. В рассказах, романе нет политики как таковой. Я хотел коснуться принципов.

Израиль и его культура являются проявлением западной, европейской цивилизации, включая Россию. А также еврейского наследия предыдущих веков. Влияние же арабской культуры достаточно мало. Хотя израильтяне читают произведения всех местных авторов, арабских тоже. Есть переводы на иврит арабских поэтов. Литературный стиль моего романа находился под влиянием израильских реалий, что вполне естественно. Если бы в детстве я читал арабскую литературу, это влияние, может быть, было бы другим. Тем не менее считаю себя достаточно осведомленным во всем, что касается культурной жизни региона, арабской его части в том числе.

Я регулярно печатаюсь в израильской прессе. Было бы хорошо, если бы ваш журнал напечатал одну из этих статей.

Стоит ли? Ответ за читателем.



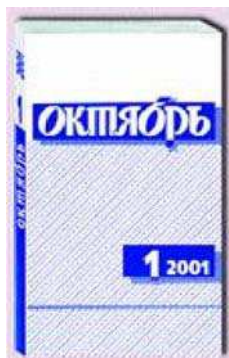
А. Ашуров

К ТВОРЧЕСТВУ ВЕДЕТ ЛЮБОПЫТСТВО

В Москве в домике Чехова на Малой Дмитровке прошла презентация романа «Стать Лютовым» постоянного автора нашего журнала израильского писателя Давида Маркиша («Октябрь»; №1 – 2, 2001).



За тридцать лет, прошедшие после эмиграции из СССР, писатель создал несколько десятков книг, которые быстро разошлись по всему миру. Маркиша охотно переводят в разных странах, издают не только на европейских языках, но даже на таких экзотических для еврейского писателя, как китайский и мексиканский. Освоив иврит, Давид Маркиш продолжает писать на русском. Завоевав в Израиле прочное литературное имя, став одним из самых выдающихся писателей страны, он получил несколько престижных литературных премий в Европе.



Когда-то давным-давно два одессита – Исаак Бабель и Эдуард Багрицкий вели между собой серьезный и неспешный разговор: пора бросить чужие города, соглашались они, пора вернуться домой, в Одессу, снять домик на Ближних Мельницах, сочинять там истории, потихоньку стариться. Они видели себя лукавыми стариками, греющимися на солнышке у моря на бульваре и провожающими женщин долгим взглядом. Увы, не суждено им было дожить до радужных сумерек: оба закончили свои дни в Москве, правда,

при разных обстоятельствах. Багрицкий задыхался в шумной столице, ему не хватало воздуха родины. Бабеля пыталась лубянская инквизиция, он был расстрелян и покоится не то в общей могиле на кладбище Донского монастыря, не то в неведомых рвах дальних московских окраин. Но слава этих двух чудесных писателей не поросла трин-травой. Их помнят, любят, издают. И сами они становятся героями литературных произведений.



Главный редактор журнала «Октябрь» Анатолий Ананьев.

Бабель любил общаться с читателем от первого лица, поэтому он вплел в ткань своих новелл кандидата прав Кирилла Васильевича Лютова. Маркиш поступил подобным же образом. «Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля» — такой подзаголовок дал автор своему роману. То был хитрый ход: он освобождал от исторической достоверности и биографической обязательности. Освобождал, но не полностью... На совести автора романа лежала обязанность сохранить поэтическую правду масштабной и удивительной личности Бабеля — «первого еврея, вошедшего в русскую литературу как русский писатель», но никогда не забывавшего Иегуду Галеви, раздавленного копытами арабских скакунов в самом конце пути: «Не увлекайся мудростью чужой — она цветиста, но, увы, бесплодна».

— У Исаака Бабеля нет «Войны и мира», но у него есть «Конармия», есть замечательные «Одесские рассказы». Его расстреляли в 1940 году в самом расцвете могучего таланта. Творчество Бабеля можно рассматривать только в контексте всего литературного процесса начала XX века, — сказал в своем выступлении главный редактор «Октябрь» Анатолий Ананьев. — В прозе Бабеля нас привлекает глубочайшее видение мира, пластичность образов, их выпуклость и неповторимость.

Насколько в романе герой соответствует подлинному живому образу? Трудно ответить на этот вопрос. Но у Маркиша я увидел настоящего, живого Бабеля, и для меня это достаточно. Я увидел его истоки. Маркиш сделал все на очень высоком уровне, романтично, уводя читателя в древность, возвращая снова в современность. Мы узнаем Бабеля, его физическое и нравственное, духовное состояние раскрыты в романе с возможной полнотой, сильно и талантливо. Для нас Бабель становится таким же ощутимым, как Чехов, Толстой, Достоевский.

Почему мы опубликовали этот роман? Прежде всего, из-за его художественной ценности. У Маркиша прекрасный образный язык, блестящие метафоры. Я нахожу между Бабелем и Маркишем множество соответствий, трогающих душу, задевающих сокровенные чувства.

Хотел бы поблагодарить Давида за колоссальный труд, за настоящий роман. Это написано мастером с грандиозной художественной силой. Теперь мы зачисляем Маркиша в наш творческий актив, журнал — его родной дом. Редакция и читатели «Октябрь» всегда будут рады новым произведениям Давида Маркиша.

Удивительная метаморфоза! Семьдесят семь лет назад в №3 журнала «Октябрь» была опубликована резкая критическая статья командарма Семёна Буденного «Бабизм Бабеля из “Красной нови”». Четыре года шла перепалка, закончившаяся выступлением Максима Горького: «Вы не правы, товарищ Буденный. Вы ошибаетесь». Время все расставило по своим местам – сегодня мы стали свидетелями того, как замкнулся круг.

Заместитель главного редактора «Октября» Ирина Барметова говорила на презентации не только о литературном таланте Маркиша, но и о его артистизме. Сам Давид Маркиш немедленно продемонстрировал это в своем глубоком и по-одесски остроумном выступлении, выдержанном в лучших традициях народного юмора этого неповторимого черноморского города.

– Роман я передал, – напомнил автор, – моему старому доброму другу Грише Горину в Израиле. Думал, что он затерялся. После Гришиной смерти Люба, его вдова, передала текст в журнал; спасибо и ей, и редакции, и всем, кто причастен к этой простой истории.

– Я склонен думать, – продолжил Давид Маркиш, – что Иуда Гросман, герой романа, похож и на Бабеля, и на Лютова. Я хотел развязать себе руки и писал не романизованную биографию, не биографический роман – и потому подзаголовок «Вольные фантазии».

О Бабеле написано много. К сожалению, в основном это документы следственного дела, либо какие-то биографические наброски. Мне же посчастливилось быть знакомым с теми, кто знал Бабеля. Он не был иконой, идолом, он был живой человек, более чем живой. И, как всякий хороший писатель, чрезвычайно любопытен. Это стало важной, существенной частью его образа. На этом основан роман, а не на том, когда он родился, как жил и чем закончил. Я попытался ответить на вопрос: «Как писатель Исаак Бабель сумел или пытался найти себя в среде, достаточно удаленной от него по корням».

Моему герою, чтобы интегрироваться в ту среду, нужно было быть сильным человеком, физически сильным, грубым душой – времена были нелегкие, чтобы совместить две ипостаси. Поэтому он стал Лютовым. Роман называется «Стать Лютовым», а не «Стать Бабелем». Бабель и Лютов всю жизнь как бы противостояли друг другу.

Еще опорные точки: любовная линия Бабеля, а рядом с ней тоже человек творчества – Блюмкин.

Блюмкин, один из самых великих авантюристов XX века, – романтный человек, даже более романтный, чем Бабель. Не для того он искал шамбалу, чтобы идеи Дзержинского или Трилиссера победили, – ему было интересно. И Бабелю было интересно. К идее творчества ведет любопытство. Поиски шамбалы – что может быть более увлекательно! Блюмкин, подписавший один из манифестов имажинистов, не был чужд творчеству и мечтал о том, что разведку и авантюризм оставит в сторону и начнет писать стихи. Но не дожидаясь нескольких месяцев, его расстреляли. Поэтические намерения закончились ничем. А ведь он делал то, что и меня привлекало, когда еще в институтские годы я занимался ловлей снежного человека. Весь Памир прочесал как гребенкой. У Блюмкина – характер романного персонажа, он и закончил теми же девятью граммами, что и Бабель.

И тут же второй вопрос: «Насколько мы, писатели, творческие люди, более раскованы, свободнее читателя. Есть ли у нас право на счастье вседозволенности: хотя бы смотреть и не вмешиваться. Если мы видим нечто недоброе, мы должны вмешаться?». Или писатель может иногда не вмешиваться? Иосиф Флавий, к примеру.

Что связывает Бабея и писателя имярек, родившегося в России и пишущего по-русски в Израиле? Нас там много. Что объединяет нас с такими писателями, как Б. Слуцкий, В. Гроссман? Это – межнациональное происхождение, всегда туманное, это – Библия. Все мы вышли из Библии, как русская литература вышла из «Шинели». Нас объединяет библейская тема настолько живо в Израиле, насколько она была жива для Бабея, немыслимого без истории о Райском саде и тем, что за ней последовало. Ни «Конармию», ни, тем более, «Одесские рассказы» нельзя представить без этой связи. Я думаю, что Бабель сказочник, это – его жанр.

Бабель был русско-еврейским писателем, и его основа – это, прежде всего, библейские корни. Если говорить более подробно, то основа не только его писательской специализации, а основа его души. Он никогда не видел и не чувствовал себя в отрыве от той почвы, в позитивном смысле этого слова, которая называется библейской культурой. Нет Бабея без его привязанности к библейской основе.

Когда мы проходим по улицам наших городов и видим улицу пророчицы Деборы или пророка Иермияу, это звучит для нас свежо и жизненно.

В Израиле я многим задаю вопрос: «Что случилось с Суламифью?» Тора подробно прослеживает жизнь своих персонажей, а о шестнадцатилетней красавице, героине «Песни песней», которую любил царь Соломон, неизвестно ничего. Ни слова, куда она делась. Остались лишь версии и толкования.

У нас в Израиле возможна, в определенной степени, игра с Б-гом. И я, как писатель, по-иному вижу эту жизненную ситуацию. Могу представить, как сорокалетний царь приходит на виноградник к юной красавице. И после любви, любовь была, она видит плаксивого старика без шести зубов. А потом появился молодой сторож восемнадцати лет, подрядчик снов. С хорошей профессией, еврейской профессией. Помните: «Не сторож брату своему»?

Так куда она делась? Это замечательная тема для литературных упражнений, для хорошей литературы. Имеем ли мы право на свое осмысливание библейских сюжетов? Думаю, имеем. Вот Томас Манн и «Иосиф и его братья». Спросил я как-то одного писателя в Израиле про «Иосифа». А он отвечает: «Не читал». Оказывается, ему достаточно знания источника. Я принимаю эту точку зрения, но у меня своя, другая. И в этом прелесть жизни.

Томас Манн настолько разбушевался в своей трактовке, что называет второго и третьего сыновей Иакова то погодками, то близнецами. И то не ошибка перевода. Значит специально! Почему? Не знаю.

У Бабея своя трактовка. Он прикасался к библейским сюжетам, и они находят отражение в его прозе. Может быть поэтому, в моем романе важнейшие вещи сохранились. Мой герой взял себе псевдоним Бабея, и это Иуда Гросман – Лютов. Как мог человек, впитавший в себя соки библейской цивилизации, смотреть, как режут старика, совершенно беззащитного, отворачивая ему голову, чтобы не забрызгаться?! И не броситься, не попытаться спасти! А герой Бабея не бросается. Он смотрит и пишет, как

резцом по стеклу. Я слышал много нападок на Бабеля, настолько точно и живо он все описал. А может быть, Бабель все придумал. «Мимо нищего в ватном пиджаке у аптеки прошла девушка, похожая на ветку, полную листьев и цветов», – видел или придумал? Я, вообще, считаю, что он резал гуся, потому что хотел быть как казак. И «Мой первый гусь» связан с этим образом?!

Взгляды Бабеля нужно искать не в его прозе замечательного сказочника, а в дневниках двадцать первого года, где он очень четко пишет о том, что чувствует. Это не предназначалось для печати, иначе он бы погиб значительно раньше. Нынче говорят: «Хотели, как лучше, а получилось как всегда». Тогда эта идиома не была в ходу, но примерно так обстояло дело.

Так насколько писатель обладает правом на вседозволенность? Напрашивается параллель – Иосиф Флавий. Предатель! Сдал крепость и приполз к римлянам просить прощения. Ради написания истории – таково было его объяснение. Не было бы этого предательства, мы бы ничего не знали о христианстве, о Кумране, об Учителе Света. Стоило ли предавать ради того, чтобы мы сегодня знали, что происходило тогда? Отмолил ли Флавий грех, и был ли грех? И что такое грех? А был ли первородный грех? Может быть, Ева просто съела яблоко и сказала:

– Вставай, Адам, хватит валяться!

– Смотри, как здесь хорошо и красиво!

– Да ты что? Чтобы я осталась в этой провинциальной дыре! Идем, перед нами мир открылся...

Но в заключение вернусь к своему роману.

В чем сила Бабеля? Он большой мастер прозы, и, по-моему, спора нет, никто не сомневается, что он замечательный писатель. «Конармия», на мой взгляд, если не лучшее, то одно из распрекраснейших произведений о гражданской войне, о польском походе. Он остался как писатель, написавший две самые замечательные вещи: «Конармия» и «Одесские рассказы». И то, и другое мне представляется сказкой. И в этом сила Бабеля.

Бабель был силен и тем, что позволил себе, в отличие от очень многих, не открывать рта в те времена, когда не хотел его открывать. Он говорил тогда, в шутку, моему отцу: «К молчащему писателю нужно относиться с тем же уважением, что и к беременной женщине». Он молчал, и все говорили: «Да-а-а, Бабель обдумывает, он ничего не пишет, не печатает». Хотя это очень многих, особенно людей при власти, раздражало. Попытки писать «рабочие» романы оказались неудачными, а молчание воспринималось как антисоветчина.

В странах рассеяния, в том числе и в России, евреи пытались стать как все. У меня есть роман «Быть как все». И Бабель хотел быть как все в ряду сильных людей, потому что он сам был незаурядный человек. Лютов – это порождение силы, а не бессилия.

Мне кажется, что одной из основополагающих точек свободного мира является право всякого человека говорить то, что ему вздумается. Говорить, что хочется, и знать, за это не посадят, не расстреляют, не вышлют и не четвертуют. Право же его собеседника – не слушать то, что ему говорят.

На этом и закончу сегодня. Надеюсь, что в августе мы снова встретимся, когда в питерском издательстве «Лимбус Пресс» роман выйдет отдельным изданием и появится в магазинах.

Дотошные корреспонденты попытались узнать мнение о романе у присутствовавшего на презентации Александра Бовина.

– Про Бабея меня не спрашивайте. Я не так стар и не помню ни Бабея, ни людей вокруг него. Но могу как читатель сказать про Маркиша. Роман хороший, мне бы хотелось, чтобы Бабель был таким, каким изображен в романе. Живым и любопытным.

Только Давид на нем надорвался: худющий стал, пить бросил. Надорвался на Бабеле! Не похоже на него!

Атташе по культуре посольства Израиля в России, Дан Орьян был не по возрасту серьезен в отличие от замечательного остроумного журналиста. Он представил присутствовавшим на презентации книги израильских писателей, вышедшие на русском языке при поддержке посольства и еще раз отметил непреходящую ценность творчества писателей, живущих в Израиле и пишущих на русском языке.

Наш читатель сможет познакомиться с некоторыми из них на страницах своего журнала.

Áí àîò ðá:è.

Ðáí î ðò àæ áîë Ááëë Ááí-Í àò áí.

СТЕКЛЯННЫЙ КОЛОКОЛ

Ài àèèÿ Èàòàí á Èàðì ïï

Напротив моего подоконника – занавеска. Она похожа на запертые ставни. За ней – пустыня печных труб. Улица на излете жизни. Двухэтажный автобус. Его освещенные стекла сверкают. Он проезжает и скрывается за углом. Женщина толкает пустую детскую коляску. Извозчик развозит уголь. «Уголь!» – кричит он и трясет колокольчик. Его лицо в угольной пыли, он похож на негра, только голубые глаза блестят в этой копоти. Подвал. Служанка заправляет растрепанные волосы под фирменную шапочку. Дверь в подвал открыта и подперта доской. Прокоптелый возница несет на плече мешок с углем, затем опрокидывает его, высыпая содержимое. После чего возвращается к своей повозке и снова идет, будя своим колокольчиком вымершие пространства меж мирами.



Сегодня суббота. Утром я никуда не пошел, в полдень тоже. Сейчас вечер, а я все еще в своей комнате, мне некуда идти. Лучше всего было бы свернуться под одеялом и читать. Но я не запасся книгой. Поэтому просто лежу. Лежу и размышляю.

О том, что было недавно. В парке. Я сидел на скамейке. За моей спиной устроились две девушки. Скорее всего, предположил я, две англичанки из соседнего рабочего квартала. А может, официантки или ученицы из парикмахерской, или продавщицы из фирменного магазина. А сегодня – их выходной. Они о чем-то говорили. Прислушавшись, я понял, что ошибался – девушки разговаривали между собой на иврите. Я улавливал обрывки фраз.

– Ты не можешь себе даже представить...

– Да?

– Он живет надеждами...

– Мы все живем ими. Это единственное, что нам остается.

– Это еще и возможность три раза в неделю мыть посуду. А до экзаменов осталось всего два месяца. Нет, ему этого не одолеть...

Их беседа меня не интересует. Девушка, заговорившая первой, вскоре поднялась и ушла; та, что осталась, открыла учебник. Но не перевернула ни страницы. Сидела и смотрела перед собой. Мы видели одно и то же – вот прошел большой черный пес, вот девочка прыгает через веревку, рядом стоит ее отец. Прошел фонарщик. Люди вдали походили на разноцветные точки, передвигающиеся меж стволами, окутанные розоватыми испарениями наступающих сумерек.

Так я познакомился с Авигаиль. В понедельник, на прошлой неделе.

Бесконечные витрины отсвечивали среди пустых тротуаров, безмолвных, как морское дно. Они были похожи на иллюминаторы затонувших кораблей. Люди, подобные прозрачным рыбам, беззвучно проплывали мимо, отбрасывая тени.

– Ты какой-то странный, – сказала Авигаиль.

Здесь, собственно, и начинается сам рассказ.

Услышав ее слова, я рассмеялся про себя – мне было приятно это слышать, я испытывал волнение, которое испытываешь только в юности. Давно уже со мной такого не случалось. И уже не случится, думал я еще недавно, а вот поди ж... Во мне шевельнулась надежда. На что? На то, что все... что все еще может быть. Не знаю. Ощущение было такое, словно нас накрыло стеклянным колоколом, накрыло и отделило от всего остального мира.

У входа в преисподнюю девушка предлагает прохожим фиалки и спички. Мы спускаемся вниз. Едем. Поднимаемся вверх. В это время автобусы уже не ходят. Что ж, пройдемся пешком. Благо, это недалеко. Вот улица, где живет Авигаиль. Она покрыта снегом. Снег, сухой и чистый, скрипит под ногами, как песок на побережье около Тель-Авива. А вот и дом, где живет Авигаиль. Сейчас она уйдет, а я пойду обратно. Или не пойду? Я смотрю на ее дом – в нем много этажей, но он кажется втиснутым в еще более высоких соседей.

Я стою и жду. Как если бы я был подсудимым. Ожидающим приговора или помилования. Может быть, я жду чуда? И, надо же, происходит именно чудо – я помилован.

В прихожей – горшок с бессмертником, серые обои и стертый темно-красный ковер. На кухонном столе вместо скатерти – газета. Несколько картофелин на глиняном блюде напоминают черепа. Каталог марок Кристофера, пара ножниц. «Сальвадор Дали», щеголяю я мысленно перед Авигаиль. Возле печки в зимнюю пору висит клетка с канарейкой. Кухня – единственная комната, которую отапливают постоянно. Обычно в ней теснится все семейство: хозяин дома господин Экройд, жена которого души в нем не чает, Поли, дочь, работающая в почтовом отделении, Кристофер, его сын. Господин Экройд сдает мне комнату по необходимости, никакой радости он при этом не испытывает, что и проскальзывает во взглядах, которыми он меня одаряет – ему самому кажется при этом, что я ничего не замечаю. Однако в данный момент в кухне никого нет. Я рассматриваю свое отражение в зеркале – это действительно я. Ничуть не меньше, чем во все остальные дни, может быть даже больше.

Назавтра торопливо дожевываю что-то в громадном ресторане «Лайонз», что на углу двух шумных улиц. И вижу Авигаиль.

– Привет, – говорит она. – У меня для тебя сюрприз – газета на иврите.

Я достаю из своей сумки экземпляр «Давар Ашавуа», который я стащил из нашей конторы:

– У меня для тебя тоже сюрприз – газета на иврите.

И мы обмениваемся сюрпризами.

– Тебе не нравится пирог?

Похоже, что ей не нравится пирог.

Шпиль Клеопатры. Старый согбенный англичанин в темно-синей униформе тянет за трос, к которому привязана лодка. Обматывает его вокруг железного шеста, там, слева. По поверхности черной реки прыгают мелкие волны, мосты склонились над водой. Виден Биг-Бен. Он подсвечен и отражается в водах Темзы. Вдоль всей реки выставлены спасательные круги – на случай, если кто-то захочет покончить с собой, прыгнув в воду. А это – колонна Нельсона, это – Национальная галерея, это – церковь Святого-Мартина-в-Полях, оттуда доносится стройное пение детского хора. Я разговариваю с Авигаиль и в то же время смотрю на нее словно со стороны. Она повернулась ко мне в профиль, он освещен, другая половина лица в тени. Она улыбается мне.

– Нет, я не знаю. По-моему, это просто не относится к делу. Ты действительно думаешь, что продавщицы вечерних газет специально отрезают большой палец на перчатке, чтобы удобнее было считать сдачу?

К делу относится все. Заголовки, написанные белым мелом на черной доске. Продавщица вечерних газет. Ее вздувшееся от непрерывного крика горло, обернутое клетчатым шарфом. Маленький человечек, прислонившийся к уличному столбу с жалкой небрежностью, в шляпе набекрень. Я покупаю жареные каштаны, угощаю Авигаиль. Проходит женщина, на руке ее корзинка, из которой выглядывает любопытная головка котенка. Котенок прикрыт какой-то тряпкой. Авигаиль в разговоре со мной пользуется языком Вирджинии Вульф. «Комната, в которой ты живешь, это просто комната, а не “с.к.” то есть собственная комната, понятно? И твоя работа в местном сионистском комитете не “с.к.”. Равно как и учеба на юридическом факультете, вне зависимости от того, продолжишь ты ее, или не продолжишь. Все это не “с.к.”».

К своему удивлению я воспринимаю все это вполне спокойно. Похоже, вера – но во что? я сам не могу этого определить – снова возвращается ко мне. И снова – удивительное понимание, которое проявляет Авигаиль. Стекланный колокол, отделяющий нас от всего остального мира, уничтожает границы между нами двумя.

Но на этой неделе Авигаиль уезжает. Ей надо попасть в Оксфорд. Ее профессору, сказала она, понадобилась какая-то рукопись...

В нашей конторе.

Мне надо продиктовать стенографистке письмо. Она появляется на мой зов из ближней комнаты, где находится кабинет директора.

– Он у себя? – скорее по привычке спросил я.

– Нет, – ответила она. – Но там его дожидается какая-то девушка.

Что подсказало мне, что эта девушка – Авигаиль? И я отложил черновик. Это действительно оказалась Авигаиль. Она сидела, окруженная горами брошюр Тель-Хай выпуска «Малой сионистской библиотеки».

– Может, ваш директор забыл, что мы договорились о встрече, – сказала она.

Я никак не отозвался на ее слова. Вместо этого взял со стола дырокол, который был мне совсем не нужен. Еще какое-то время побыл в кабинете, испытывая непонятное мне смущение. Я не ожидал встретить ее здесь – ведь в конторе я совсем другой человек.

И вот без всякой причины наступает поворотный момент в фабуле моего рассказа.

– Почему окна в здании напротив заложены? – спросила Авигаиль.

– В каком-то столетии, уже забыл в каком точно, надо было платить налог на окна.

– Да?

Видно было, что и она растеряна не меньше моего. Я думаю, мы оба снова ждали чуда. Но чуда не случилось.

Держа ненужный мне дырокол, я пошел к двери.

– Я тебя не увижу – до того, как ты уедешь?

– Но... поезд на Оксфорд отходит завтра в половине десятого утра...

Она не поняла меня. Я имел в виду лишь то, что она заглянет в мою комнату здесь, в конторе, до того как уйдет. Возникла трещина. Недоразумение можно было бы легко исправить, но странная гордость не дала мне это сделать. И сразу исчезло удивительное чувство отъединенности, особенности наших отношений. Они перестали быть особенными. Треснул наш стеклянный колокол, и что с этим делать, я не знал.

– Значит, ты все-таки уезжаешь в свой Оксфорд, – сказал я сухо. Сказал так, как если бы не думал об этом все утро.

С дыроколом в руке я вернулся в свой кабинет. К отложенному черновику, к ожидавшей меня стенографистке. Авигаиль так и не зашла ко мне. И я понял, что по сути, заканчивается весь рассказ. Я знал, что у меня снова нет «с.к.». И слова, те слова, что я хотел бы ей сказать, останутся невысказанными. Ощущение было такое, словно все дела сразу кончились, как кончился и душевный подъем. Все кончилось.

Закончился день, а ночь еще не наступила. Вокруг – огромный город. В нем – ничемные люди. И я. Никакой причины для того, чтобы я торчал в Лондоне, нет. Равно как и для того, чтобы я находился в любом другом месте. Которое стоило бы долгой дороги, приводящей в чужой и чуждый мне дом, который никогда не будет моим. Который я никогда не полюблю и не узнаю. Толстый кот (его зовут Ким) трется в коридоре об одну из дверей. Я лежу не шевелясь. Издалека доносится уличная песенка. Приближается, удаляется. Мотив быстрый, отрывистый. У такой песни должны быть веселые слова. Какой-нибудь парень ходит по улице из конца в конец и насвистывает для собственного удовольствия. И снова тишина. Я лежу так тихо, что слышу, как бьется мое сердце.

Почему, вернувшись из Оксфорда, Авигаиль пришла именно в ресторан «Лайонз»? Она сказала, что вышла на остановке Тотенхем-Корт-Род, и «Лайонз» оказался ближайшим рестораном. А почему она не заняла очередь к стойке для самообслуживания, а высмотрела столик, за которым я сидел? Ее объяснение: она хотела, прежде чем стоять в очереди с подносом, занять свободное место, чтобы потом не искать. Но почему, когда она говорила мне все это, так дрожала ее рука, державшая чашку с кофе?

Я не знаю ответа на этот вопрос. Сама Авигаиль молчала. Из нашего угла можно увидеть носатого австрийца, сидящего в углу, в тени карликовых пальм в красных горшках. Он играет и играет на органе. Не вынимая изо рта сигарету, не притрагиваясь к нотам. Свечи-лампочки в электрических подсвечниках освещают его живущие отдельной жизнью пальцы, его накрахмаленную грудь и галстук-бабочку. Я сижу, не произнося ни слова. Авигаиль тоже молчит, опустив ресницы. Стекло колокол дал трещину, и я знал, что этого не исправить. Не будет больше той Авигаиль, останется только какая-то чужая девушка, с которой я случайно познакомился в будний день в парке. Кто она? Когда она оказалась в створке вертящейся двери на выходе с этим маленьким чемоданчиком в руке, она могла оказаться, кем угодно. Вот она, все еще стоит в нерешительности, словно не зная, куда ей повернуть. Официантка? Продавщица в торговом центре?

Вот, в принципе, весь рассказ –

пусть он короток, невнятен и запутан. Он таков, каков он есть. И он закончен. Нельзя согреть рук, протянутых над айсбергом, ведь верно? Ковчег прибило к Арарату, и жертва уже принесена. Цветок завял и умер, превратившись в мумию.

Сейчас я поднимусь и выйду купить себе что-нибудь на ужин, который разогрею на газовой плите.

На улице туман.

Какой-то зал. Дверь открыта, видны ряды пустых стульев. В первом ряду сидит парень, на ногах его – бойскаутские носки. Он сидит, одинокий, положив голову на скрещенные руки. Рояль, возле него – женщина в шляпе и пальто. Она исполняет какую-то мелодию, губы ее шевелятся. Появляется лектор. Это индийский священник. У него мягкие щеки. Он стоит спиной к свету. На нем коричневая мантия и очки.

Туман густеет. Светофоры меняют цвета, в тумане они едва различимы. Фонарь. Под ним трое бедолаг в старых затрепанных шинелях. Один бьет в тарелки, другой дует в гобой, третий играет на расческе. Ногой он отбивает такт. В туманной мгле разносятся слова:

Î îã:éé ãîðîãÉîðéñéé
Â îîîã îîééè îîãé,
È î îîã òúñý: ãééã
Í à ááð ãðî îðéãé.
Î îòî îîðéé îáðàòîî
Ñ ááðéíú îá éóã,
È, ÷òî îááðîýòîî,
Í á ãîðáòéé îí áðãã
Í è îá ááðéíá ãðîíé,
Ããã îí ñîîééàè è áúé,
Í è îá äîðãã òîðîíé,
Èîãã îí áéç ñîîãéé..

На мостовой лежат три шляпы, в которые каждый может бросить монетку.

Í áðããã ñéãðéòà Á. Óãééíà

ИЗ НАШЕЙ МАЙСКОЙ ПОЧТЫ

Дорогая редакция!

Трудно подобрать слова, чтобы выразить вам свою признательность. «Лехаим» для нас не просто журнал, ведь он возвращает советских евреев в еврейство. Перелистывая его страницы, испытываешь гордость за великих и простых людей, сделавших так много, чтобы наш народ сохранился как нация.

С большим удовольствием прочитал в № 2 за февраль этого года статьи, посвященные Г.Гейне. Но с некоторыми мыслями в статье Якова Козловского «О великом Генрихе и не только о нем» я согласиться не могу. Во-первых, в стихотворении «Диспут», где «капуцины, уверенные в своей победе, уже тащат купели, чтобы окрестить евреев, а те точат ножи, чтоб обрезать капуцинов», я не вижу просто забавной истории. Понятно, что здесь поэт не собирался решать сложнейший религиозный вопрос. Тем не менее в оригинале стихотворения заметно искреннее расположение автора более к раввину, чем к тупому католическому монаху, способному только осыпать своего оппонента грубыми ругательствами, а не доказательствами. Может быть поэтому из всех стихов Гейне только «Диспут» не был опубликован в дореволюционной России.

Во-вторых, стоит ли небрежно делать упор на «острые слова», которые поэт иногда говорил о евреях. Эти слова сильно смахивают на ворчание недовольного сына и совершенно не определяют его жизненных позиций. Действительное отношение Гейне к евреям замечательно во все периоды его жизни. В стихах и статьях он с любовью говорит о своем народе и религии не просто как художник, а в первую очередь как еврей.

Обидно, что, используя именно эти «острые слова», советские издательства постоянно доказывали читателям полный разрыв поэта с еврейским народом и его религией. Это, вероятно, и способствовало иногда появлению переводов, которые совершенно не отвечали мыслям Генриха Гейне.

В оригинале стихотворения «Новый израильский госпиталь в Гамбурге» слышится благодарность поэта тем, кто строил тот госпиталь, кто лечит и обслуживает хворых. Судьба бедных и больных евреев, подвергшихся страшным гонениям, ему близка. Но в переводе Минаева это звучит совсем по-другому:

Âîò ãîî è ò àëü äëÿ

ááü ýéîá ááðáá

Ëî ò îðîá áíëüí ù

è òðèæüî æàëëè.

Î ò òðáð ñáíèè ò îðîéîá

íîîîüííúð-

Î ááðáá íèòáòú, èóüàèçí à

Èç ò ðáð ï ï ðí è í á ñ à ï á

ä ö ï í á -

Í à ñ ä ä ñ ò ä ú í í á ç è í è ã

Ó Í è è ü ñ è è ò ä í ä ç à ò ä ä - á í í ä ý

ý ç ä ä

Á í è ü ñ ä ý è ò ä ä è í á ò ñ è ä ý ä ä ä ä

Однако достаточно прочитать первые строчки по-немецки, чтобы понять авторский смысл.

Ein Hospital fur arme

kranken juden.

Fur Menschenkinder...

Госпиталь не для изгоев с порочной религией «Untermenschen», а именно «Fur Menschenkinder». Если даже в подстрочнике «Ungesunde Geanben» – нездоровая вера, то для Гейне, уверен, это боль, которую претерпели евреи за свою веру.

Белинский в 1841 году писал своему другу Боткину: «Насчет Гейне остаюсь при своем мнении. То, что ты называешь в нем отсутствием всяческих убеждений, в нем есть только отсутствие системы мнений, которой он, как поэт, создать не может... и не может и не хочет, по немецкому обычаю, натягивать на себя систему... Он ругает и позорит Германию, но любит ее истиннее и сильнее всевозможных гофрантов и мыслителей».

Еще больше можно сказать о любви поэта к своему еврейскому народу.

В заметках, найденных и изданных после смерти Генриха Гейне, есть и такое откровенное выражение: «В моей любви к ним (евреям) есть что-то личное». Убедительно не скажешь.

Í è ð í ç à è à í - è è,

× ä è ý ä è í ñ è

Здравствуйтесь, уважаемая редакция журнала «Лехаим»!

Обращаюсь к вам с большой просьбой – поздравить на страницах журнала с днем рождения моего отца Анатолия Александровича Лифмана, которому 13 апреля исполняется 80 лет, и ему будет очень приятно прочитать поздравление в вашем журнале. Он с нетерпением ждет каждый номер, перечитывает его, что называется, от первой и до последней страницы. Когда отец болеет, то читаю ему я. По некоторым материалам наши мнения расходятся, и отец, записывая свои аргументы, чтобы, подготовившись, снова вернуться к дискуссии со мной... Все номера журнала он бережно хранит в своей комнате.

Немного об отце. С 14-ти лет начал он свой трудовой путь. С 1939 года по 1947 год служил в рядах Советской Армии. Прошел всю войну в разведке, трижды ранен, контужен, 4 боевых ордена, медали «За отвагу» и другие. Инвалид ВОВ II группы. После 1947 года отец посвятил себя службе в уголовном розыске. Закончил службу подполковником, начальником уголовного розыска города Белгорода-Днестровского.

После выхода на пенсию он продолжал трудиться, занимался общественной работой. Активно участвовал в жизни нашей городской еврейской общины, был председателем совета общины.

Сейчас подводит его здоровье, последний год он в основном проводит дома. Но он в курсе всех общинных дел, политических новостей. Его задору и оптимизму может позавидовать и молодой человек. Очень надеюсь, что редакция выполнит мою просьбу.

Думаю, вам будет интересно узнать, что журнал от номера к номеру становится интереснее. Его читает не только наша семья, но и наши знакомые. Когда читаешь многие материалы, невольно приходит в голову: «сколько сделали евреи для блага, для развития наших народов и стран, а в благодарность получили ненависть, зависть, Холокост! За что?».

С благодарностью за ваш труд

Àéàéñá àð Èéòì áí,

Áééñ òí ä-Áí áñ ò òí áñ éé, Í áññéáý í áé.

Дорогая редакция!

Давно я думал написать вам по поводу ассимиляции евреев в России — о том, должен ли быть еврей фанатиком, в том числе и религиозным, что делать, по каким законам человеческим и правовым, жить нашим полукровкам – детям и внукам в XXI веке? Но напечатана печальная история А. Козака в № 8 за прошлый год, и понеслись отклики... Теперь вдогонку и его «Еврейская красота» в № 3 нынешнего года. Хочу высказаться и я, чистокровный еврей, потомок казанцев в четвертом, а может быть, в шестом поколении.

А. Козак молодец уже потому, что поднял этот тяжелый «каменный пласт» — многовековую проблему ассимиляции евреев в странах их проживания. Проблема сложна и неоднозначна, но ее нужно изучать, сталкивая различные мнения во благо любви и счастливой жизни нашего молодого поколения. Правильно заканчивает свою статью А. Козак, говоря, что если кто не согласен, пусть выскажет свои мысли.

Еврейский народ не одну тысячу лет блуждал по странам Азии, Африки и Европы. Европа – это Испания, Германия, Польша и, наконец, Россия. Да, евреи всегда и везде боролись за сохранение чистоты крови. Но часть их в разные эпохи все же сливались с народами стран проживания, отдавая свой богатый талантами генетический фонд для развития других наций. В России, еще во времена императора Александра II усилилась борьба «отцов и детей», то есть старого и молодого поколений, из которых первое совершенно отгораживалось от русской среды, а второе устремлялось к слиянию с ней. Подобно своим западным братьям, многие образованные евреи ассимилировались и отрекались от интересов своего народа.

Массовые погромы конца XIX и начала XX века, а в советское время – явные и тайные гонения, репрессии сталинского режима, фашизм, добивающийся полного физического уничтожения евреев, как, впрочем, и славянских народов, привели к сплочению народа, росту «сионизма» и образованию государства Израиль. Одновременно эти же политические явления глобального масштаба приводили евреев к ассимиляции, чтобы скрыться, раствориться, исчезнуть, спасти тем самым себя, детей, родственников. Смена имен, фамилий, сокрытие родословной были явлениями обыденными.

Я полностью подписываюсь под статьями А. Козака, хотя могу привести не одно исключение из правил. Я и сам, пионер 30-х годов, комсомолец 40-х и коммунист с сорокалетним стажем и не думал о том, чтобы жениться именно на еврейской девушке, хотя дома, в семье, говорили ежедневно только об этом. А у меня были подружки русские, татарочки... И евреечки, с которыми меня знакомили и за которых сватали родственники. Но нас, молодых интернационалистов, «партия учила»: долой церковь и религию – опиум для народа! Все люди братья. Объявили одну национальность — «советский народ». И сейчас в российском паспорте отменили графу «национальность». К чему бы это?

А красивые еврейские девушки и парни встречаются не реже, чем у других народов. Моя мама была красоты библейской. Она умудрилась в 15 лет завоевать титул первой красавицы Никополя. Не уступал ей и мой отец, очень похожий на О. Мандельштама студент Гнессинского музыкального училища. Любовь у них была неземная. Но мама умерла при родах в возрасте 24 лет, а когда ровно через 55 лет мы с сестрой похоронили отца в могилу мамы, все говорили, что это веление свыше, что любящие воссоединились навеки. Об их любви в Казани ходили легенды.

Надо отметить, что прочность еврейской семьи намного выше, разводы реже, чем у других народов, и особенно в смешанных браках. Я сам был дважды женат, и оба раза на русских, поэтому имею право рассуждать о положительных и отрицательных моментах смешанных браков. Райского союза чаще всего не получается — разный менталитет.

Сегодня я уже не сторонник смешанных браков, но тогда мы, воспитанные в атеистическом духе, не знающие родного языка и трагической истории еврейства, лезли, так сказать, на рожон. Назло своим родителям. В результате познавая всю прелесть такого брака — брака во втором смысле слова. Наверное, я сгущаю краски, может быть. У меня есть и очень положительные примеры. Моя двоюродная сестра, еврейка, почти 50 лет счастлива в браке с хорошим человеком, татариним. Сотрудница Казанского еврейского общинного центра, русская, замужем за евреем: у них прекрасная семья, сами они светятся счастьем, воспитали двух красивых дочерей, которые теперь учатся в Израиле. Так что думайте, молодые, и основательно. Сегодня есть, где познакомиться молодежи. В Казани, как и в десятках других городов, существует и активно работает еврейский общинный культурный центр, много клубов по интересам, летние лагеря, есть общеобразовательная еврейская средняя школа (одна из немногих показательных школ России) и воскресная школа, бывает много концертов, в том числе хорошо известного в России клейзмерского коллектива «Симха» под управлением заслуженного артиста России Л. Сонца, и т.д. Положительный опыт казанского еврейского культурного центра неоднократно изучался и заимствовался другими регионами.

Повторюсь: есть где познакомиться, встретить свою судьбу, полюбить и создать хорошую еврейскую семью. А нас, проживших жизнь с иноверцами и нарожавших полукровок, не корите. Наши дети сами разберутся, какой дорогой идти, какому Б-гу молиться. В Писании говорится: «Б-г – один». Но судьбы у людей разные,

счастливые и не очень. Мои родители были тоже «продуктом своего времени». Еврейский язык знали слабо, говорили на нем мало, боялись или стеснялись, чего больше, не знаю. Кроме Пасхи (Пейсаха) с мацой я в детстве не знал других еврейских праздников.

Лицемерить и приспособливаться я не умею, видно так и умру, не приобщившись к иудейской религии. Я не молюсь в синагоге, остаюсь атеистом. Но мое самосознание все равно растет день ото дня. Слежу за еврейской литературой, недавно прочитал «Краткую историю евреев» С.М. Дубнова.

Я уважаю людей старшего поколения, которые искренне верят и творят молитвы. Да поможет Б-г им легче жить. Что касается любви к сородичам, то я люблю евреев. Не вообще всех, а тех, кто своим достоинством, умом, добропорядочностью и бескорыстием заслуживает этого, почти почетного, звания еврея. Мои любовь и уважение распространяются и на всех умников и умниц других национальностей. И мне не нравится, когда, чрезмерно восхваляя себя и весь еврейский народ, мы принижаем достоинства других. Это не делает нам, евреям, чести. А такое случается нередко. Извините, даже на страницах уважаемого нами «Лехаима».

И последнее. Новая алия в Израиль – это желание улучшить свою жизнь, получить образование, воссоединиться с родственниками, то есть забота о собственном благополучии, но мало таких, которые, уезжая в Израиль, на родину своих предков, думают об усилении могущества самого государства, которое в неравных условиях ведет многолетнюю борьбу за выживание.

А мы, оставшиеся у себя в России, должны добиваться достойной жизни здесь — себе, близким, последующим поколениям. Президент В. Путин хорошо сказал на встрече с еврейской общественностью, что нужно создать такие условия для труда и жизни, чтобы евреи не стремились уезжать из России. Справедливо и правильно.

Хотелось бы продолжить дискуссию о связи еврейских поколений, об отношениях между современными религиями, о связи между евреями и населением тех стран, в которых они проживают.

Спасибо коллективу журнала!

«Лехаим» – это лучшее еврейское издание.

Ářđñĭ ěěöüĭ,

Ěřřĭ ů

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ МАЯ

1 МАЯ

110 лет со дня рождения режиссера, оператора, художника, постановщика первой экранизации повести М.Горького «Мать», фильмов «Лишние люди», «Пиковая дама», «Тимур и его команда» и др. **Александра Ефимовича Разумного** (1891, Елизаветград Херсонской губ. – 1972, Москва).

3 МАЯ



10 лет со дня смерти социолога и писателя, автора новелл «Шаги» (Национальная книжная премия США 1968 года), «Быть там» (экранизация этой книги была отмечена двумя премиями «Оскар», а сценарий – премией Британской академии киноискусств) и др. **Ержи Косинского** (1933, Лодзь – 1991, Нью-Йорк).



140 лет со дня рождения этнографа, географа, публициста и общественного деятеля, члена-корреспондента АН СССР, автора трудов по этнографии народов Сибири, ряда работ по еврейской этнографии и этнографии народов Севера, награжденного Золотой медалью АН за критический разбор работы В.Иохельсона «Раскопки на Алеутских островах», **Льва Яковлевича Штернберга** (1861, Житомир – 1927, Дудергоф Ленинградской губ.).

6 МАЯ



95 лет со дня рождения математика, члена Парижской АН, профессора Принстонского института перспективных исследований, автора трудов по теории непрерывных групп и абстрактной алгебраической геометрии, введшего понятия

абстрактного алгебраического многообразия, равномерного пространства, **Андре Вейля** (р. 1906, Париж).

8 МАЯ



45 лет со дня смерти актера, режиссера, театрального деятеля, работавшего в московских театрах, поставившего (совм. с К.С. Станиславским) спектакли «Уриель Акоста», «Двенадцатая ночь», «Потонувший колокол», «Венецианский купец», «Дикая утка», «В мечтах» и др., кинофильм «Поликушка», по приглашению Дягилева поставившего в Гранд-опера оперу «Борис Годунов», **Александра Акимовича Санина** (наст. фамилия Шенберг; 1869, Москва – 1956, Рим).



10 лет со дня смерти пианиста, президента Мальбургской музыкальной школы и фестиваля в Вермонте, директора института **Кёртиса Рудольфа Серкина** (1903, Эгер, Чехословакия – 1991, Вермонт).

9 МАЯ



70 лет со дня смерти физика, иностранного члена-корреспондента и почетного члена АН СССР, члена Национальной академии наук США, Лондонского королевского общества, Французской академии наук, президента Американского физического общества и Национальной академии наук США, профессора Кэйзавского технологического института в Кливленде, университета Кларка в Уоркестре, основателя, декана и первого почетного профессора физического факультета Чикагского университета, автора точных оптических приборов (интерферометр, эшелон, звездный интерферометр и др.), экспериментов по определению скорости

света, спектральных изменений (в том числе длины метра в длинах волн красной спектральной линии кадмия), лауреата Нобелевской премии по физике 1927 года (первый американец – лауреат этой премии) **Альберта Абрахама Майкельсона (Михельсона)** (1852, Стрельно, Германия – 1931, Пасадено, США).

10 МАЯ



100 лет со дня рождения экономиста, члена-корреспондента АН СССР, профессора Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКПб и ВПШ, главного редактора журнала «Новое время», автора трудов по методологии, предмету и методу политэкономии, критики экономических теорий **Льва Абрамовича Леонтьева** (1901, Ковна – 1974, Москва).

11 МАЯ



120 лет со дня рождения ученого в области механики, директора Гуггенхаймовской лаборатории аэронавтики, автора трудов по самолето- и ракетостроению, аэро-, гидро- и термодинамике, строительной механике и др., обладателя первой американской Национальной медали науки **Теодора фон Кармана** (1881, Будапешт – 1963, Аахен, Германия).



110 лет со дня рождения общественно-политического деятеля, издателя наиболее авторитетного в стране сельскохозяйственного журнала «Американ эгрикалчрист», главы Федерального сельскохозяйственного бюро и сельскохозяйственного кредитного управления, министра финансов США в 1934-1945 годы, проведшего в рамках «Нового курса» президента Рузвельта коренную реформу финансовой системы США, а в годы второй мировой войны сыгравшего ведущую роль в приспособлении национальной экономики к условиям войны, одного из трех членов Совета помощи беженцам, автора планов послевоенного расчленения и децентрализации Германии, «интернационализации» Рурской области, президента и

почетного президента Американского благотворительного фонда в поддержку государства Израиль «Объединенный еврейский призыв», президента попечительского совета Еврейского университета в Иерусалиме, председателя Американской корпорации по финансированию и развитию Израиля, в память о котором названо израильское поселение Тал-Шахар (буквальный перевод «Утренняя роса» – аналог перевода фамилии), **Генри Моргентгау** (1891 – 1967, Нью-Йорк).



85 лет со дня смерти астронома и физика, профессора и директора обсерватории Гёттингенского университета, директора астрофизической обсерватории в Потсдаме, составившего каталог фотографий величин свыше 3500 звезд («Гёттингенская актинометрия»), создателя теории лучистого равновесия, применившего ее к атмосферам звезд, впервые получившего точное решение уравнений теории относительности Эйнштейна, предсказавшего гравитационный коллапс, выведшего формулу для гравитационного радиуса, автора трудов по квантовой теории спектров **Карла Шварцшильда** (1873, Франкфурт-на-Майне – 1916, Потсдам).

12 МАЯ



25 лет со дня смерти зоолога, эколога, академика АН СССР, директора и профессора Института биологии Уральского филиала АН СССР в Свердловске, автора более 260 трудов, в том числе 15 монографий, по эволюционной и популяционной экологии животных, биогеоценологии, развившего учение о популяции как элементарной форме существования вида, обосновавшего ведущее значение экологических механизмов в эволюции животных, изучившего основные пути приспособления позвоночных животных к условиям Субарктики, сформулировавшего цели, задачи и основные направления экологии человека, **Станислава Семеновича Шварца** (1919, Екатеринбург – 1976, Свердловск).

15 МАЯ



75 лет со дня рождения драматурга, автора сценариев фильмов «Амадей» (четыре премии «Оскар», включая одну за лучший сценарий 1984 года), «Летис и Лаваж» и др. **Питера Шеффера** (наст. фамилия Левин; р. 1926, Лондон).

19 МАЯ



105 лет со дня рождения деятеля кино, создателя и директора киностудий «Гейнсборо Пикчерз» и «Илинг студияс», руководителя производства фирмы «Гомон бритаиш», продюсера фильмов «Сад удовольствий», «Янки в Оксфорде», «В воскресенье всегда дождь», «Паспорт в Пемлико», «Виски в изобилии», «Человек в белом костюме», «Убийцы леди», «Том Джонс» и др. **сэра Майкла Бэлкона** (1896, Бирмингем – 1977, Суссекс, Англия).

23 МАЯ



80 лет со дня рождения кинорежиссера, народного артиста России, поставившего фильмы «Шумный день» (совместно с А.Эфросом), «Посол Советского Союза», «Старшая сестра», «Еще раз про любовь», «Они были актерами», «Взбесившийся автобус» и др., лауреата Государственной премии СССР **Георгия Григорьевича Натансона** (р. 1921, Казань).



80 лет со дня рождения кинорежиссера, народного артиста СССР, поставившего фильмы «Сорок первый» (специальная премия Мкф в Канне), «Баллада о солдате» (премия Мкф в Канне, в Сан-Франциско, в Милане, в Лондоне и др.), «Чистое небо» (большой приз Мкф в Москве и Сан-Франциско), «Память», «Я научу вас мечтать» (совместно с Ю. Швыревым) и др., лауреата Государственной премии СССР **Григория Наумовича Чухрая** (р. 1921, Мелитополь).

24 МАЯ



55 лет со дня рождения спортсменки, обладательницы олимпийских медалей — золотой в эстафете и двух серебряных – в прыжках в длину и в беге на 100 метров в 1964 году, золотой – в беге на 200 метров и бронзовой в беге на 100 метров в 1968 году, бронзовой – в беге на 100 метров в 1972 году, золотой – в беге на 400 метров в 1976 году, семикратной рекордсменки мира, члена Национального Олимпийского комитета в Польше, кавалера польского ордена Золотой командорский крест **Ирены Киршенштейн-Шевиньской** (р. 1946, Ленинград).



60 лет со дня рождения эстрадного певца, поэта, композитора, исполнителя народных песен, блюзов, обладателя премии «Оскар» за лучшую музыку к кинофильмам 2001 года **Боба Дилана** (наст. имя и фамилия Роберт Аллен Циммерман; р. 1941, Дюлут, США).



15 лет со дня смерти физика, члена-корреспондента АН СССР, одного из организаторов Уральского физико-технологического института, профессора Уральского университета, автора трудов по магнетизму, изучению свойств магнитных материалов и методов их получения, открывшего температурный магнитный гистерезис, переходную доменную структуру ферромагнетиков, лауреата Государственной премии СССР **Якова Шебселевича (Савельевича) Шура** (1908, Дубровно Горецкого уезда Могилевской губ. – 1986, Свердловск).

25 МАЯ



80 лет со дня рождения физика, профессора Калифорнийского университета в Беркли, Колумбийского университета, директора Европейского центра ядерных исследований в Швейцарии, автора трудов по физике элементарных частиц, доказавшего существование двух типов нейтрино, лауреата Нобелевской премии по физике 1988 года (совм. с Л. Ледерманом и М. Шварцем) **Джека Стейнбергера** (р. 1921, Бад-Киссинген, Германия).

27 МАЯ



90 лет со дня рождения общественного и политического деятеля, первого мэра объединенного Иерусалима, председателя совета директоров Израильского музея, лауреата Государственной премии Израиля **Тедди (Теодора) Коллека** (1911, Надъважонь, Австро-Венгрия – 2000, Иерусалим).

31 МАЯ

85 лет со дня рождения Героя Советского Союза, капитана **Григория Моисеевича Гончаря** (р. 1916, Елизаветград).